

•

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/2160>]

[:]

. 1914:

/

• •

•

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
"THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES"
YAROSLAVL BRANCH

YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

Библіс

ИСТОРИЯ ХРИСТИАНСКОГО ОСТРОВА. (Болгарія)
Д-ра К. Рота. Перевод очеркомъ проф. А. Л.

«Предлагаемая русско представляет несомнѣнная вода». (Из предисл. проф. Л.

КИТАЙ И ЕГО ЖИЗНЬ
дакцией, съ измѣненіямъ
Петербургскаго Универ

«Предлагаемый переводъ какъ о прошломъ, такъ и о достоинство этого труда за китайской жизни». (Из пред

СРЕДНЕВѢКОВАЯ ЕВРОПА
проф. Л. П. Карсавина.

«Тому, кто хочетъ и даетъ хорошій и ясный очеркъ проф. Л. П. Карсавина».

ЭЛЕМЕНТЫ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ. Д-ра К. Вейлэ. Нечувствительности и первичныя формы матеріальной культуры. Переводъ Анны Мейеръ под редакціей Адлера, профессора Казанскаго университета, съ перес. 65 коп.

ГЕОГРАФИЯ. Переводъ съ англійскаго Г. Миллера, под редакціей проф. Н. И. Андрусова. Съ перес. 65 коп.

«Извѣстный шотландскій ученый, въ предисл. проф. Н. И. Андрусова».

ФИЛОСОФИЯ. Переводъ съ англійскаго Г. Миллера, съ перес. 65 коп. «Попытка освѣтить при помощи основныхъ фактовъ изъ главныхъ принциповъ, философію». (Из предисл. автора).

П. Филлипса. Переводъ съ англійскаго Ф. Ф. Сойкина, съ перес. 65 коп.

«Посвящена весьма интереснымъ вопросамъ, имѣющимъ особый интересъ для русскихъ въ русскіихъ курсахъ элементарнаго преподаванія».

Издательство П. П. Сойкина, 12, собств. д.).

ИЗ ЧИТАЛЬНИЦА
НЕ ВОЗВРАЩАТЬ

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТЪ
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

Воскр. типогр. Т. 20 З. 4464—

БИБЛИОТЕКА ЗНАНІЯ

В 2

Мифологія { 2(1)
826

Д-ръ Карлъ Вейлэ
директоръ музея народовѣдѣнія и
проф. Университета въ Лейпцигѣ.

**ПЕРВОБЫТНОЕ ОБЩЕСТВО
И ЕГО ХОЗЯЙСТВО**

11672

Переводъ АННЫ МЕЙЕРЪ
подъ редакціей
Б. Ф. АДЛЕРА
профессора Казанскаго Университета

ВЪ ЧИТАЛЬНУЮ ЗАЛѢ
НЕ ВЪЗНЕСИТЕ

Съ 40 рисунками К. Рейнне,
исполненными по фотографіямъ и наброскамъ

НБ ЯРГУ
Фондъ редкой книги

ИЗДАНИЕ П. П. СОЙКИНА. С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1914

НАЗВАНІЕ ОРИГИНАЛА:

DIE URGESELLSCHAFT
und ihre Lebensfürsorge.

von Dr. Karl Weule

Direktor des Museums für Völker-
kunde und Professor an der Uni-
versität Leipzig

Stuttgart.

Працю переклада і воспроизведенія
іллюстрацій придбано издателемъ
«Библиотеки Знанія» у книгоиздатель-
ства «Kosmos» въ Штуттгартѣ.

В. П. П. Сойкина

Тип. П. П. Сойкина, СПб. Стремянная, № 12

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Вслѣдъ за краткимъ обзорѣніемъ происхожденія и развитія человѣческой культуры, которое мы начали „Культурой безкультурныхъ народовъ“, ¹⁾ въ 1910 году и продолжили въ 1911 году въ „Элементахъ человѣческой культуры“ ²⁾, мы предлагаемъ на судъ читателя и описаніе первобытнаго „хозяйства“. Сначала на ряду съ борьбою за существованіе, которую человѣкъ на низшихъ стадіяхъ развитія долженъ былъ вести уже съ незапамятныхъ временъ, мы предполагали описать также его соціальное дѣленіе. Однако, уже во время работы стало ясно, что разнообразіе экономическихъ теорій, краткимъ описаніемъ и критикой которыхъ нельзя было пренебречь въ виду важности этого предмета, а также почти необозримое богатство этнографическихъ фактовъ не допускаютъ еще болѣе сжатаго описанія, чѣмъ въ настоящемъ трудѣ. При такихъ условіяхъ часть этой работы, посвященная соціальному быту, оказалась слишкомъ мало разработанной, и я самъ больше всего сожалѣлъ бы объ этомъ, если бы этому минусу не противопоставлялся гораздо болѣе значительный плюсъ: именно, возможность упомянуть въ особомъ томикѣ, посвященномъ разсмотрѣнію развитія нашего общественнаго состоянія во всемъ его объемѣ, еще кромѣ того

¹⁾ Въ русск. переводѣ издана въ 1913 г. въ серіи «Библіотека Знанія».

²⁾ Въ русск. перев. въ серіи «Библіотека Знанія».

*

■ о тѣхъ явленіяхъ, которыя мы объединяемъ подъ именемъ обычая и традицій. Прежде всего сюда относятся чрезвычайно разнообразныя обычаи при привѣтствіяхъ, ѣдѣ и питьѣ, а также обряды при рожденіи и при наступленіи половой зрѣлости, при помолвкѣ и свадьбѣ, при смерти и погребеніи. Въ пятомъ и послѣднемъ томѣ этой серіи будутъ, наконецъ, разобраны основы религіи, искусства и науки.

К. Вейлэ.

Лейпцигъ.
Сентябрь 1912.

І. О сущности хозяйства и его культурно-историческомъ значеніи.

На берегахъ Ганга живутъ удивительныя существа; они совершенно лишены рта и довольствуются однимъ запахомъ корней, цвѣтовъ и плодовъ, такъ какъ не имѣютъ прозаической потребности въ вещественномъ питаніи. Даже во время долгихъ путешествій вдали отъ священной рѣки они подерживаютъ свое существованіе запахомъ дикаго яблока, взятаго для этой цѣли съ собой. Каждый болѣе сильный запахъ былъ бы губителемъ для этихъ нѣжныхъ созданій.

Эти существа принадлежатъ къ „Астомамъ“ или „Безротымъ“, какъ ихъ называло народовѣдѣніе среднихъ вѣковъ. Въ то время, когда еще все принималось на вѣру изъ древнихъ вѣковъ, существа эти считались одними изъ тѣхъ безчисленныхъ этнографическихъ чудищъ, которыми тогда такъ любили населять землю, именно: людей съ собачьими головами, съ ногами лошадей, съ ногами, служащими вмѣсто зонта; фалезійцевъ, блеммиевъ и большегубыхъ и многихъ другихъ мифическихъ существъ изъ „науки“, не основанной ни на какихъ опредѣленныхъ наблюденіяхъ¹⁾. Только лишь

¹⁾ Въ русской литературѣ эти существа извѣстны подъ названіемъ „дивныхъ людей“ или дивовищъ. Разказы о подобныхъ уродливыхъ племенахъ упоминаются и для другихъ странъ, напр., для Африки, С. Америки и Сибири. Особенно распространены были они у грековъ (Гомеръ, Геродотъ, Мегасѣенъ и др.). Въ средніе вѣка эти разказы настолько укрѣпились, что отцы церкви подымали даже вопросъ, происходятъ ли подобные люди отъ Адама и имѣютъ ли душу, или они лишь человѣкоподобныя животныя. Этимъ же существамъ въ средніе вѣка посвящена цѣлая литература, которая подъ названіемъ „Александрий“ (баснословныя сказанія о походѣ Александра Македонскаго въ Индію и его битвѣ съ дивными людьми), „Люцидарія“ и

одну группу много разъ упоминаемыхъ людей съ собачьей головой, или такъ наз. кинокефаловъ, мы можемъ нѣсколько идентифицировать въ настоящее время, видя въ нихъ темнокожее первобытное населеніе Индостана; они должны были казаться дикими звѣрями арійцамъ, спускавшимся во второмъ тысячелѣтіи до Р. Х. съ Иранскаго плоскогорья въ Пенджабъ. Рис. 1 даетъ намъ нѣкоторое понятіе о представителяхъ этой народности въ томъ видѣ, какъ они изображены на Герефордской картѣ изъ XIII столѣтія Ричарда Халдингэмскаго ¹⁾).

др. проникли и въ Россію. Всѣ эти баснословные люди, о которыхъ повѣствуютъ разные источники, существовали лишь въ фантазіи; однако, доля правды лежала и въ подобныхъ разсказахъ. Болѣе подробно читатель можетъ познакомиться съ вопросомъ у Д. Н. Анучина въ его работѣ: „Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака. Древнее русское сказаніе: О людяхъ невѣдомыхъ въ восточной странѣ“ въ „Древностяхъ“, т. XIV, и въ его же статьѣ о „дивныхъ людяхъ“ въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Эфрона. *Ред.*

¹⁾ Карта эта находится на стѣнѣ собора въ Герефордѣ (въ Англіи), относится къ 1276—1283 гг., принадлежитъ работѣ монаха Ричарда Халдингэмскаго и представляетъ типичный образецъ средневѣковыхъ картъ. Карта (1,62 см. въ высоту и 1,32 см. въ длину) исполнена на тонкомъ пергаментѣ масляными красками (5 красокъ: черная, красная, синяя, зеленая, — теперь коричневая—и бѣлая; нѣкоторыя примѣтныя надписи сдѣланы листовымъ золотомъ) и вначалѣ служила изображеніемъ—иконой для алтаря. Впослѣдствіи эту карту перенесли на хоры собора, затѣмъ въ бібліотеку и, наконецъ, опять на хоры, гдѣ она хранится подъ стекломъ и въ настоящее время. Ученые монахи того времени, на основаніи изученія твореній древнихъ и болѣе новыхъ писателей, старались дать картину извѣстнаго тогда міра. Знаній дѣйствительныхъ, однако, было для подобной работы еще слишкомъ мало, поэтому оставалось много простора для досужей фантазіи. Надъ дискомъ, изображающимъ вселенную, въ видѣ сѣни, наверху изображенъ Страшный судъ. Спаситель сидитъ на престолѣ, а Божья Матерь является заступницей предъ своимъ Сыномъ за людей. По лѣвую руку изображенъ моментъ изгнанія грѣшниковъ въ адъ, по правую же представлено воскресеіе праведниковъ изъ мертвыхъ. Внутри диска изображены три материка: Европа, Азія и Африка, при чемъ названія Европы и Африки спутаны, такъ что Римъ и Парижъ очутились въ Африкѣ. Даже Англія и Ирландія, хорошо извѣстныя автору, имѣютъ очертанія рыбы, Италія прямо причленена широкой полосой къ матеріку Европы, Черное море дано въ видѣ длинной трубки, М. Азія едва намѣчена, Геруалимъ находится въ центрѣ диска (въ „пути“ земли), Палестина занимаетъ на картѣ несоразмѣрно большое мѣсто, при чемъ сюжеты изъ Св. Писанія даны въ большемъ ко-

Кромѣ того, на этой картѣ изображенъ еще цѣлый рядъ другихъ „Портента“, какъ называли этихъ этнографическихъ чудовищъ въ средніе вѣка. Рис. 2 изображаетъ человѣка съ лошадиными ногами. Въ Африкѣ живутъ блеммій, совершенно лишенные головы, при чемъ глаза и ротъ расположены у нихъ на груди (рис. 3); большегубые же люди (рис. 4) очень ловко пользуются своей громадной нижней губой наподобіе солнечнаго зонта. Наконецъ, бѣлоснѣжные, какъ мраморъ, фалезійцы, живущіе на одномъ изъ острововъ Каспійскаго моря, имѣютъ ростъ въ 5 метровъ и обладаютъ такими длинными ушами, что могутъ свободно завернуть въ нихъ все свое громадное тѣло.

Благодаря осторожнымъ и тщательнымъ изслѣдованіямъ новѣйшаго времени уже трудно признать въ этихъ удивительныхъ существахъ какія-либо опредѣленные народности; они являются, по всей вѣроятности, результатомъ исканія сверхъестественнаго. Въ крайнемъ случаѣ при вопросѣ о большегубыхъ можно было бы еще подумать о тѣхъ племенахъ, которыя уродуютъ себя введеніемъ большихъ пластинокъ въ губы; последнее характерно для племени мусгу, нѣсколько южнѣе озера Чадъ, или для маконда, матамбве, яо, макуа и нѣкоторыхъ другихъ племенъ нѣмецкихъ владѣній въ Восточной Африкѣ или для племени вавира на восточномъ краю большого первобытнаго лѣса центральной Африки. Въ книжкѣ „Элементы человѣческой культуры“ мы въ достаточной мѣрѣ познакомились съ такими современными „большегубыми“.

личествъ. Последнее объясняется тѣмъ, что карта служила одно время иконой на алтарѣ. Кромѣ этого, на картѣ даны въ большомъ множествѣ изображенія легендарныхъ „дивныхъ людей“ (см. выше). *Ред.*

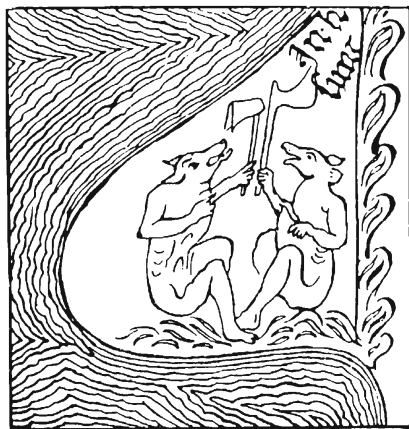

Рис. 1. Собакоголовые (Кинокефалы) на Герефордской картѣ.

Средневѣковое народовѣдѣніе допустило элементарную и при томъ громадную ошибку, лишая людей племени Астомовъ всякой потребности питанія. Это противорѣчить сущности живого организма, между тѣмъ какъ существованіе остальныхъ „дивныхъ людей“ становится настолько же возможнымъ, какъ и существованіе собакоголовыхъ, если мы болѣе или менѣе критически отнесемся къ ихъ фантастическому виду.

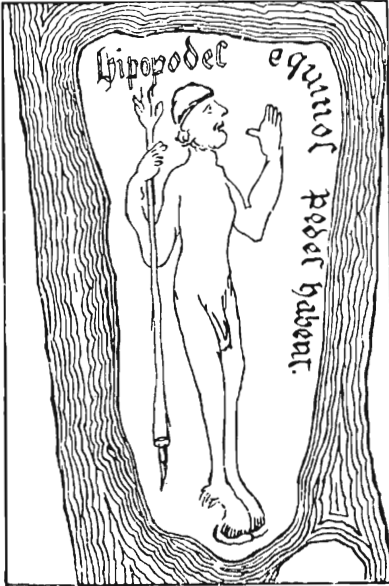

Рис. 2. Лошаденгіе (Гиппоподы) на
Герефордской картѣ.

Для каждаго живого существа необходимымъ условіемъ для жизни является обмѣнъ веществъ, и потому каждое существо должно тѣмъ или инымъ путемъ получать пищу.

Добываніе пищи является существенной частью того, что мы называемъ человѣческимъ хозяйствомъ. Это понятіе въ своемъ цѣломъ обнимаетъ только тѣ дѣйствія, которыя направлены къ поддержанію нашей жизни. На ряду съ исключительной заботой о пропитаніи здѣсь стоитъ также и другая забота — о жилищѣ и одеждѣ, т. е. забота о средствахъ защиты, которыя въ холодномъ климатѣ настолько же пе-

обходимы, какъ и самое пропитаніе; въ болѣе широкомъ смыслѣ здѣсь идетъ, слѣдовательно, рѣчь о защитѣ отъ опасности и заботѣ о размноженіи и, наконецъ, забота о средствахъ торговли и сообщенія. Удовлетвореніе всѣхъ этихъ потребностей отступаетъ на задній планъ по сравненію съ первой основной исключительной заботой о пропитаніи. Очень легко представить себѣ существованіе чело-вѣка безъ жилища и платья, а также и безъ денегъ или какихъ-либо особенныхъ приспособленій для сообщенія по водѣ и сушѣ, тогда какъ существованіе его безъ пищи и

питья невозможно. Люди и народы, лишенные всѣхъ подобныхъ произведеній культуры, какъ для археолога, такъ и для этнографа вполне понятны, тогда какъ существо, не обладающее потребностью питанія, и безъ всякаго стремленія къ нему, должно быть просто отнесено къ средневѣковымъ „Портента“.

Этому физиологическому значенію заботы о пропитаніи соответствуетъ и ея культурно-историческое значеніе. Насколько хозяйство сохранило и все далѣе физически развивало человѣка, въ продолженіе безчисленныхъ лѣтъ, начиная съ первыхъ дней существованія и вплоть до нашего времени, настолько оно оказалось одновременно съ тѣмъ первымъ и сильнѣйшимъ побудителемъ всякаго развитія культуры. Можно съ увѣренностью сказать, что оно останется такимъ же побудителемъ для развитія культуры и далѣе до тѣхъ поръ, пока люди будутъ вынуждены вести борьбу за свое существованіе.

Познанію этого основнаго значенія хозяйства должно быть благодарно оно само, что наука съ давнихъ поръ занялась имъ и его формами; нѣтъ ничего, болѣе характернаго для общаго облика какой-либо формы культуры, какъ удовлетвореніе естественныхъ потребностей. „Скажи мнѣ, что ты ѣшь, и я тебѣ скажу, кто ты“¹⁾, можно сказать каждому отдѣльному человѣку и цѣлому народу. Если дикое племя въ своемъ обычномъ составѣ—мужчинъ, женщинъ и дѣтей

Рис. 3. Блеммъ на Герефордской картѣ.

¹⁾ Нѣмецкая поговорка: „Sage mir, was du isst, und ich will dir sagen, was du bist“. *Певес.*

изо-дня въ день должно защищать себя отъ голода кропотливымъ добываніемъ пищи, собирая все съѣдобное съ земли, ловлей рыбы и примитивной охотой, то для него окажется гораздо меньше возможности принять участие въ общемъ развитіи культуры, чѣмъ для другого народа, высшія формы хозяйства котораго предоставляютъ заботу о добываніи пропитанія одной какой-нибудь опредѣленной части народа, тогда какъ остальные группы его посвящаютъ себя другимъ занятіямъ—ремеслу, торговлѣ, наукѣ и искусству. Только при раздѣленіи труда, культура, какъ мы видимъ, можетъ непрерывно идти по пути прогресса.

При разработкѣ вопроса о человѣческомъ хозяйствѣ не менѣе важно и другое обстоятельство. Вторая эпоха великихъ открытій, начинающаяся въ серединѣ XVIII вѣка и оканчивающаяся лишь въ настоящее время, знакомитъ насъ все съ новыми и новыми народностями. При этомъ мы должны констатировать, что одні изъ нихъ живутъ не многими лучше животныхъ, другія же, хотя и питаются лишь тѣмъ, что добудутъ простымъ собираніемъ съ земли, охотой и рыбной ловлей, однако, при этомъ употребляютъ довольно цѣлесообразное оружіе и утварь. Третья группа народовъ уже достигла обыкновенной обработки полезныхъ растений, четвертая, наконецъ, дошла до скотоводства. Не напрашивается ли уже при этомъ простая мысль—видѣть въ этихъ условіяхъ настоящее отраженіе развитія обще-человѣческой культуры? Еще недавно господствовало мнѣніе, по которому, развитіе человѣческой культуры представляло какъ бы крутую, короткую лѣстницу, причемъ изъ низшихъ формъ хозяйства развились формы высшія. Мы, дѣйствительно, имѣли передъ собой, благодаря такому богатому по замыслу и въ то же время простому способу объясненія хода человѣческой культуры, весь путь развитія человѣческой культуры тотчасъ же послѣ размѣщенія отдѣльныхъ ступеней развитія въ ихъ хронологическомъ порядкѣ. На верху развитія стоялъ, конечно, гордый европеецъ, духовный и матеріальный покоритель міра. На низшихъ ступеняхъ находилась жалкая группа народовъ, обитающихъ на краю земли: бушмены, жители Огненной земли, австралійцы и тасманійцы на югѣ, эскимосы на сѣверѣ; ведды, кубу, калифорнійцы и другіе народы распределены по остальной землѣ, между сѣверомъ и югомъ. Всѣ остальные народы земного шара располагаются уже далѣе между концами этой лѣстницы, смотря по развитію ихъ хозяйства.

Въ началѣ развитія лѣстница эта была еще довольно коротка, и основатель ученія о ступеняхъ развитія человѣческаго хозяйства, великій политико-экономъ Фридрихъ Листъ (1789—1846) признаетъ въ ней только три основныхъ ступени. Неизмѣнными основными ступенями этой лѣстницы являются, по его мнѣнію, занятія охотой или рыбной ловлей, скотоводствомъ и земледѣльствомъ; эти стадіи неизбѣжно должны были пройти всѣ болѣе высоко развитые народы, какъ земледѣльческіе, промышленные и торговые народы.

Въ слѣдующія десятилѣтія XIX вѣка этотъ рядъ сдѣлался гораздо болѣе длиннымъ. Благодаря неустаннымъ изслѣдованіямъ во всѣхъ частяхъ свѣта, обнаруживали существованіе все большаго и большаго количества первобытныхъ народовъ и, такимъ образомъ, явилась возможность раздѣлить немногочисленные большія ступени Листа на меньшія и болѣе точныя подступени. Такъ, Эрнстъ Гроссе въ

своемъ трудѣ. „Формы семьи и формы хозяйства“ (Фрейбургъ въ Баденѣ, 1896 г.)¹⁾ различаетъ, на ряду съ первобытными, бѣднѣйшими охотничьими племенами, живущими добычей пропитанія въ буквальномъ смыслѣ слова „изъ рукъ въ ротъ“, и другія, высшія охотничьи племена. Хотя послѣднія тоже только охотятся, занимаются рыбной ловлей и собираютъ пищу, но производятъ все это уже болѣе совершенными способами и уже заботятся о днѣ грядущемъ. Къ числу этихъ группъ Гроссе причисляетъ, на ряду съ рыболовными народами сѣверо-западнаго побережья Сѣверной Америки, также

«Большегубые» на Герфордской картѣ.

¹⁾ Ernst Grosse: Die Formen der Familie und die Formen der Wirtschaft (Freiburg in B. 1896); имѣется въ русскомъ переводѣ.

и самых сѣверныхъ индѣйцевъ и жителей Сѣверной Азіи. Мы должны будемъ еще заняться ими и низшими охотниками на дальнѣйшихъ страницахъ этого труда.

Въ стадіи скотоводства Гроссе не дѣлаетъ подраздѣлений и принимаетъ ее въ томъ видѣ, какою она была у Листа.

Но зато земледѣліе, по Гроссе, наоборотъ, распадается на низшую и высшую формы, при чемъ онъ находитъ разницу между этими ступенями въ томъ, что у низшихъ земледѣльцевъ большая часть членовъ общины принимаетъ дѣятельное участіе въ земледѣліи, тогда какъ у высшихъ уже наступило дальнѣйшее раздѣленіе труда въ томъ смыслѣ, что обработкой земли занимается только одна опредѣленная часть населенія, остальные же посвятили себя другой дѣятельности. На этой стадіи находимся нынѣ мы сами.

На ряду съ классификаціей Э. Гросса существуетъ еще цѣлый рядъ другихъ. Въ то время какъ Гроссе разсматриваетъ формы хозяйства въ тѣсной связи съ примитивными социальными формами, особенно въ связи съ семейнымъ бытомъ и даже прямо признаетъ зависимость одной отъ другого, Альфредъ Фиркандтъ ¹⁾, наоборотъ, строитъ свою систему на чисто психологической основѣ. По его мнѣнію, человѣкъ представляетъ собою духовное существо; поэтому, по его мнѣнію, вполне основательно можно дѣлить человечество на основаніи типа хозяйства, только при условіи, если принять достаточно во вниманіе человѣческой разумъ; слѣдовательно, только лишь на психологическомъ основаніи. Если всѣ приобрѣтенія культуры и всѣ ея подвиги основаны на психологическихъ явленіяхъ, интеллектуальныхъ процессахъ и волевыхъ актахъ, тогда всякое непривычное новшество должно быть воспринято, даже если оно просто заимствовано; при этомъ, прежде чѣмъ оно послужитъ на пользу, оно должно быть хорошо усвоено. Однимъ изъ лучшихъ примѣровъ необходимости такого духовнаго перевариванія чужого достоянія культуры служить то противодѣйствіе, которое нѣмецкіе крестьяне XVIII в. оказали употребленію картофеля.

¹⁾ A. Vierkandt, „Naturvölker und Kulturvölker“. Leipzig 1896.—Его же, „Die Kulturformen und ihre geographische Verbreitung“. Geogr. Zeitschrift 1897.—Его же, „Die Kulturtypen der Menschheit“. Archiv für Anthropologie, Band 25. Braunschweig, 1898.

Очень широко задумано дѣленіе человѣческаго хозяйства у Альвина Оппеля въ его прекрасной работѣ „Природа и работа“ (въ 2 томахъ, Лейпцигъ 1904 г.). Оппель указываетъ, что всѣ жизненныя проявленія, какъ бы ихъ много ни было и какъ бы они ни были разнообразны, сводятся къ одному: къ поддержанію существованія или къ первоначальному сохраненію жизни. На этомъ основаніи всѣ они тѣсно соединены другъ съ другомъ, обуславливаютъ другъ друга и образуютъ одно замкнутое цѣлое. Оппель раздѣляетъ всѣ эти проявленія жизни на три группы или же на три круга дѣятельности, изъ которыхъ каждый до нѣкоторой степени самостоятеленъ, такъ какъ стремится поддержать опредѣленную главную вѣтвь общей жизни или укрѣпить положеніе человѣка въ остальномъ мірѣ. Эти три вида дѣятельности: хозяйственная, общественная и духовная жизнь.

Цѣлью хозяйства Оппель считаетъ сохраненіе человѣческой особи, а цѣлью общественной жизни—сохраненіе человѣческаго рода. Духовная жизнь обнимаетъ уже всѣ дѣйствія, которыя выходятъ за предѣлы хозяйства и общественной жизни. Она ставитъ своею цѣлью сохраненіе человѣка, какъ наиболѣе совершеннаго существа.

Указаніемъ на наше совершенство, Оппель приписываетъ духовную жизнь только одному человѣчеству и тѣмъ самымъ одновременно проводитъ основное различіе между нимъ и остальнымъ органическимъ міромъ. Духовная жизнь возвышаетъ человѣка надъ послѣдними и дѣлаетъ его своеобразнымъ существомъ, которое само приписываетъ себѣ сходство съ Богомъ. Выраженіемъ этого особаго права на отличіе человѣка отъ органическаго міра служить языкъ и въ особенности способность запоминанія видѣннаго и слышаннаго при помощи письма и рисунка; затѣмъ уже совокупность способностей и знаній, которая получается благодаря обладанію этими тремя свойствами. Въ простомъ видѣ духовная жизнь представляется, по Оппелю, однимъ цѣлымъ, именно религіей; при высшемъ же развитіи отъ предчувствій и вѣрованій отдѣляется знаніе, и такимъ образомъ появляется наука. Изъ наивныхъ же переживаній природы рождается искусство. Въ нашей книгѣ о начаткахъ духовной культуры мы попробуемъ провѣрить, не слишкомъ ли низко цѣнитъ Оппель первобытнаго человѣка, не выходитъ ли и его духовная жизнь за предѣлы религіи, не имѣетъ ли онъ уже представленія о начаткахъ естествознанія; и дѣй-

ствительно ли искусство такое позднее приобретение культуры, как онъ это понимаетъ.

Если Онпелъ особенно настаиваетъ при опредѣленіи понятія хозяйства на сохраненіе челоѣка-особи, то Карлъ Бюхеръ ¹⁾ въ своемъ очень распространенномъ трудѣ „Происхожденіе народнаго хозяйства“ (8 изданіе, Тюбингенъ, 1911), въ противоположность Онпелю, приписываетъ такое же громадное значеніе соціальной, общественной жизни въ заботахъ о существованіи. „Хозяйство, говоритъ онъ, это сообщество людей, основанное на созданіи имущества, оно является сохраненіемъ, заботой не только о настоящемъ моментѣ, но и объ отдаленномъ будущемъ, экономнымъ, цѣлесообразнымъ раздѣленіемъ времени; хозяйство означаетъ работу, оцѣнку предметовъ, урегулированіе ихъ употребленія, накопленіе состоянія, перенесеніе достояній культуры изъ рода въ родъ“. Бюхеръ—политико-экономъ, и поэтому понятно, что онъ даже при изслѣдованіи начальныхъ стадій хозяйства беретъ уже высшія формы народнаго хозяйства, какъ проекціонную плоскость, т. е. имѣетъ въ виду сообщество, гдѣ отдѣльные люди работаютъ сообща для достиженія одной цѣли. Бюхеръ отрицаетъ, такимъ образомъ, существованіе настоящаго народнаго хозяйства у большинства низшихъ первобытныхъ народовъ.

1. Основы хозяйства.

Знаемъ ли мы, дѣйствительно, начало челоѣческаго хозяйства? Возможно ли вообще опредѣлить его? На оба эти вопроса мы прямо должны дать отрицательный отвѣтъ. Привожу для поясненія нѣсколько краткихъ указаній.

Каждая форма хозяйства, даже самая высшая, является продуктомъ окружающей природы. Фритъофъ Нансенъ въ продолженіе всего своего путешествія по Сѣверному Ледовитому океану на своемъ вѣрномъ „Фрамъ“ удобно питался тѣми припасами, которые были имъ взяты съ родины. Однако, это не было настоящимъ хозяйствомъ въ нашемъ смыслѣ. Послѣднее начинается только лишь съ того момента, когда Нансенъ и Югансенъ были предоставлены самимъ себѣ и своимъ ружьямъ во время ихъ смѣлой экскурсіи къ полюсу. Только съ тѣхъ поръ, какъ они начали питаться мясомъ убитыхъ сѣверныхъ животныхъ, они стали примѣнять всѣ формы хозяйства туземцевъ этой негостепріимной страны.

Подобную же зависимость отъ окружающей природы и ея условій мы наблюдаемъ для человѣка, гдѣ бы онъ ни жилъ; — въ умѣренномъ поясѣ онъ живетъ иначе, чѣмъ въ полярныхъ областяхъ, а подъ тропиками иначе, чѣмъ у насъ. Степень этой зависимости тѣмъ значительнѣе, чѣмъ примитивнѣе культура, чѣмъ первобытнѣе хозяйство; современные народы при неурожаяхъ и падежѣ скота выходятъ изъ затрудненія, привозятъ хлѣбъ и мясо изъ чужихъ странъ, буйволъ же долженъ погибнуть, когда съѣсть послѣдній дикій арбузъ и когда уже не будетъ въ состояніи достать грунтовой воды при помощи его особенной высасывающей трубки.

При такихъ обстоятельствахъ вопросъ о первичной формѣ хозяйства аналогиченъ вопросу о прародинѣ человѣческаго рода, ея положеніи и общемъ характерѣ. Какъ тотъ, такъ и другой вопросъ были уже нами затронуты въ шестой главѣ „Культуры безкультурныхъ народовъ“, и мы пришли къ тому выводу, что положеніе родины нельзя опредѣлять никакими средствами, тогда какъ общій характеръ ея опредѣляется, пожалуй, лучше всего гипотезой Клааха. Послѣдняя рисуетъ намъ область безъ сильныхъ звѣрей—враговъ человѣка, гдѣ нашъ предокъ могъ безъ опасности для дальнѣйшаго развитія жизни продѣлать свое продолжительное и весьма существенное превращеніе,—изъ наполовину вертикальнаго, прыгающаго четверорукаго животнаго, лишеннаго всякаго естественнаго и искусственнаго оружія, до двурукаго существа съ вполне вертикальнымъ положеніемъ тѣла, лишеннаго, однако, еще настоящаго оружія.

Признанію этого взгляда мѣшаетъ, однако, еще другое обстоятельство. Существуетъ мнѣніе, что наши животные предки обладали такими же сильными челюстями, какъ и современные человѣкоподобныя обезьяны. Какимъ же образомъ объяснить тогда переходъ этого хорошо приспособленнаго къ борьбѣ за существованіе вида къ употребленію искусственнаго оружія и утвари? Для изобрѣтенія этихъ послѣднихъ едва ли существовало какое-либо побужденіе. Однако, теорія Клааха легко выходитъ изъ этого затрудненія и ставитъ безоружнаго новаго человѣка въ неблагоприятныя для него условія жизни, которыя и должны были привести его къ изобрѣтенію этихъ искусственныхъ приспособленій. Какіе громадные результаты должно было дать уже одно переселеніе первобытнаго человѣка въ сосѣдство съ болѣе

сильными животными, которых нельзя уже было побѣдить одной только рукой и безсильными челюстями! Совершенно безразлично, попалъ ли человѣкъ по собственной волѣ въ эту новую, опасную область, оказавшуюся для него столь важной, или же новые враги проникли сами въ первоначальную область его обитанія. Первое употребленіе камня и палки было инстинктивнымъ и даже, можетъ быть, рефлексивнымъ; лишь позднѣе борьба велась съ возрастающей сообразительностью и болѣе усовершенствованнымъ оружіемъ.

Это господство одного рефлекса и инстинкта имѣетъ мѣсто также и на низшихъ ступеняхъ хозяйственной жизни человѣка. Эти первыя начатки хозяйства профессоръ Эрнстъ Фридрихъ ¹⁾ чрезвычайно остроумно освѣщаетъ въ первомъ изданіи своей работы „Общая и частная экономическая географія“ (Лейпцигъ 1904), при чемъ онъ очень удачно выдѣляетъ все, что является общимъ и раздѣляющимъ понятіе человѣка и животного.

Фридрихъ исходитъ изъ того факта, что природа оказываетъ человѣку нѣкоторое сопротивленіе, не давая ему, по возможности, создавать новые матеріалы или силы для его хозяйственной жизни; поэтому онъ долженъ сообразоваться съ уже существующими условіями и приспособить ихъ для своихъ цѣлей. Эту необходимость пройти черезъ неблагопріятныя условія природы онъ называетъ „принужденіемъ природы“. Размѣры его обусловлены естественными условіями мѣста жительства и, слѣдовательно, тѣмъ значительнѣе, чѣмъ бѣднѣе эти условія.

И животное, вопреки ожиданію, подвергается этому „принужденію со стороны природы“, хотя мы, люди, живемъ подъ тѣмъ впечатлѣніемъ, что оно воспринимаетъ природу такою, какою она есть. Въ противоположность человѣку, животное ничего не измѣняетъ въ природѣ сознательно, а только собираетъ, при чемъ образовавшійся вслѣдствіе этого, дефектъ снова уравнивается созидающей силой природы. Итакъ, слѣдовательно, кажется, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо особенномъ хозяйствѣ.

Однако, оно все-таки существуетъ; только животное побѣждаетъ природу, приспособляясь своимъ тѣломъ къ средѣ.

¹⁾ Ernst Friedrich. Allgemeine und specielle Wirtschaftsgeographie. Leipzig. 1914.

Укажемъ лишь на нѣсколько такихъ приспособленій. Среди животныхъ широко распространено накопленіе толстаго подкожнаго слоя жира, служащаго защитой въ холодное время года. Этотъ жировой слой служить одновременно и согревающимъ и питающимъ средствомъ. Зимняя спячка уже затѣмъ исполняетъ свое назначеніе и предохраняетъ животное отъ недостатка питанія. Почти общераспространеннымъ оказывается и зимнее опушеніе и опереніе, какъ защита противъ неблагопріятныхъ условій природы; многія животныя, кромѣ того, становятся болѣе и менѣе независимыми отъ условій опредѣленной мѣстности благодаря своимъ бѣгательнымъ, плавающимъ и летательнымъ органамъ. Все это является, слѣдовательно, приспособленіями, при помощи которыхъ животныя и растенія реагируютъ чисто физически на вліяніе окружающей ихъ среды. Эти явленія происходятъ у нихъ еще совершенно безсознательно, оказываются скорѣе всего только лишь рефлекторными и только позднѣе превращаются въ инстинктивныя дѣйствія.

У человѣка дѣло обстоитъ слѣдующимъ образомъ. Собственно говоря, и онъ реагируетъ только лишь своимъ тѣломъ на различныя условія природы, такъ какъ развитіе его мозга, на которомъ основано все дальнѣйшее совершенствованіе человѣчества, представляетъ собой также лишь органическое явленіе. Разница, однако, заключается въ томъ, что мозгъ, реагируя, побуждаетъ человѣка создать приспособленіе вышнее, въ видѣ утвари, оружія. Въ этомъ проявляется основное различіе, которое можно развить далѣе и сказать, что съ одной стороны идетъ рѣчь лишь о приспособленіи тѣлъ различными мѣрами, являющимися результатомъ рефлекса или инстинкта, тогда какъ въ другомъ случаѣ тѣло остается совершенно въ сторонѣ, а вмѣсто этого примѣняются искусственныя орудія. Эти послѣднія даютъ человѣку возможность освободиться отъ зависимости отъ природы совершенно иначе, нежели животному и даже растенію, которыя могутъ бороться лишь своими слабыми силами. Нѣсколько сопоставленій помогутъ намъ разобраться въ этомъ различіи:

Животное накапливаетъ жиръ. **Человѣкъ** собираетъ запасы пищи.

Животное защищаетъ себя зимнимъ опушеніемъ или опереніемъ. **Человѣкъ** приспособляетъ свою одежду къ климату.

Животное приспособляет свой	Человѣкъ изобрѣтаетъ раз-
глазъ къ мѣсту жительства.	личные способы освѣщенія.
Животное развиваетъ свои	Человѣкъ изобрѣтаетъ спо-
бѣгательныя, плавательныя и	собы сообщенія на водѣ, сушѣ
летательныя органы.	и по воздуху.

Общая совокупность этихъ искусственныхъ приѣмовъ для удовлетворенія потребностей человѣка составляетъ, повторяю опять, сущность того, что мы называемъ хозяйствомъ; оно заключается, говоря общепонятно, нерѣдко въ одномъ состояніи сытости, но также и во всѣхъ средствахъ и способахъ добыванія пропитанія.

Мы можемъ спросить, существуетъ ли поэтому между человѣкомъ и животнымъ зіяющая пропасть или непреодолимая граница? По старымъ воззрѣніямъ, она существуетъ несомнѣнно, но по современнымъ научнымъ представленіямъ существованіе этого различія опровергается, и у насъ создается представленіе о переходномъ состояніи отъ животнаго къ человѣку. Наука показываетъ намъ, съ одной стороны, многихъ животныхъ, употребляющихъ искусственные приспособленія для удовлетворенія своихъ потребностей, иначе говоря, имѣющихъ уже начатки настоящаго хозяйства; съ другой же стороны, наука обращаетъ наше вниманіе на многочисленныя черты человѣка, сохранившіяся еще и до сегодняшняго дня въ видѣ слѣдовъ древней способности приспособленія къ средѣ. Многочисленные виды животныхъ собираютъ запасы пищи про черный день, подобно тому какъ это дѣлаютъ наши заботливыя хозяйки. Сюда относятся нашъ воронъ, бѣлая куропатка, хомякъ, альпійскій и степной сурокъ, бѣлка, полярная лисица, степной тушканчикъ и многія другія. Всѣ они являются жителями умѣренной или холодной области; какъ это правильно замѣчаетъ Фридрихъ, этимъ подтверждается двигающая сила нужды. Наши пауки работаютъ при помощи матеріала, хотя и органическаго происхожденія, но уже не находящагося въ тѣсной органической связи съ тѣломъ животнаго,—ихъ „ловушка“, или паутина, работаетъ такъ же, какъ и калканы человѣка, т. е. во время отсутствія хозяина. Бразильскій паукъ (*Epeirides bahiensis*) еще болѣе похожъ на человѣка; онъ натягиваетъ свою паутину передъ восходомъ солнца, въ темнотѣ ловить ею насѣкомыхъ, затѣмъ складываетъ свою сѣтку и уносить затѣмъ свою добычу въ укромное мѣстечко.

Еще выше въ хозяйственномъ отношеніи стоятъ животныя, занимающіяся земледѣліемъ и скотоводствомъ. Муравьи очищаютъ цѣлыя луговины опредѣленныхъ травъ отъ сорныхъ растений, чтобы потомъ воспользоваться зернами этихъ травъ, другіе держатъ, вмѣстѣ домашнихъ животныхъ, травяныхъ тлей и даже устраиваютъ для нихъ стойла; муравьи-листорѣзы устраиваютъ цѣлыя грибныя сады, требующіе постоянно больше ухода, чѣмъ наши огороды. Оса-каменщикъ (*Odynerus*) сноситъ въ свое гнѣздо завасть другихъ насѣкомыхъ, обезвреженныхъ однимъ или нѣсколькими уколами въ нервную систему. Послѣднія въ этомъ летаргическомъ состояніи служатъ пищей для молоди этого насѣкомаго. Г. и Э. Пэкхамъ рассказываютъ, какъ песчаная оса также приводитъ въ летаргическое состояніе гусеницъ, бабочекъ, личинокъ, сверчковъ и саранчу, для того чтобы сохранить ихъ для потомства въ вырытой земляной норкѣ. Отверстіе норки обыкновенно закрывается камешкомъ, поверхъ котораго оса насыпаетъ песокъ и утрамбовываетъ его головой. Таковъ нормальный процессъ замуровыванія норки; однако, упомянутые изслѣдователи наблюдали однажды, какъ оса утрамбовывала отверстие норки не головой, но употребляла, вмѣсто трамбовки, небольшой камешекъ, взявъ его въ свои челюсти (рис. 5). Затѣмъ она отложила камень въ сторону, принесла еще земли, снова схватила камень и работала имъ такимъ же образомъ далѣе. Такъ повторяла оса свою работу три раза подрядъ.

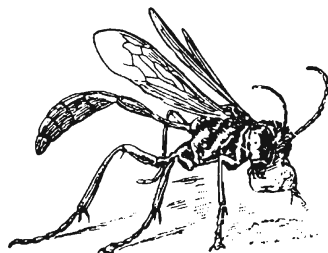

Рис. 5. Оса-каменщикъ, утрамбовывающая камешкомъ отверстіе своего гнѣзда.

Вотъ пока и все о хозяйственной жизни животныхъ. Въ противоположность этому человѣкъ сохранилъ почти также много первобытныхъ чертъ въ своей способности физическаго приспособленія безъ помощи искусственныхъ средствъ. Такой чертой является несомнѣнно способность самыхъ первобытныхъ народовъ скрываться отъ своихъ преслѣдователей, приспособляясь къ окружающей средѣ, если можно такъ выразиться. О вымершихъ въ 1876 году тасманійцахъ рассказываютъ, что они просто застывали въ положеніи покоя даже при дневномъ свѣтѣ и совершенно исчезали въ окружающей

*

ихъ обстановкѣ,—настолько были они похожи на обожженный стволъ дерева, коричневую скалу и пр. Также и народы-карлики, жители первобытныхъ лѣсовъ центральной Африки, обладаютъ способностью скрываться отъ глазъ за небольшимъ кустомъ и даже за однимъ большимъ листомъ. Другая способность нѣкоторыхъ народовъ — употреблять ноги въ видѣ третьей и четвертой руки, держать орудія большимъ пальцемъ ноги, натягивать лукъ, воровать и т. п.—представляетъ собой другую черту этого же рода. Последней и общераспространенной чертой, наконецъ, является существующая еще и теперь привычка простого собиранія питательныхъ продуктовъ и средствъ для удовольствія изъ рога изобилія природы, не затрачивая никакого труда на свое пропитаніе. Въ этомъ случаѣ мы совершенно естественно думаемъ прежде всего опять-таки о „дикаряхъ“, и забываемъ, что и мы, наиболѣе развитые и образованные изъ всѣхъ народовъ, имѣющихъ міровое хозяйство, дѣлаемъ то же самое, срывая мимоходомъ лѣсную ягоду или хватая рукою рыбу въ ручьѣ. Только лишь тогда, когда мы собираемъ ягоды изъ своего собственнаго сада и ловимъ рыбу сѣтью, мордой или удочкой, только въ этомъ случаѣ становимся мы на высоту, которой не можетъ достигнуть ни одно животное.

Преслѣдуя свою основную мысль о зависимости отъ природы, Фридрихъ попробовалъ классифицировать формы хозяйства и его ступени развитія и добавлялъ къ этому еще классификацію хозяйственныхъ областей. Онъ старается опредѣлить то разстояніе отъ первобытнаго состоянія, которое было достигнуто опредѣленными группами хозяйства подъ вліяніемъ зависимости отъ природы, и примѣняетъ при этомъ исключительно животнo-фізіологическій и животнo-психологическій масштабъ. По его мнѣнію, первыя попытки человѣка къ хозяйственности являются также лишь результатомъ рефлекса и инстинкта, при чемъ человѣкъ, производившій ихъ, едва ли вполнѣ сознавалъ свои поступки. Только лишь позднѣе эти познанія, перешедшія въ наслѣдіе отъ поколѣнія къ поколѣнію, стали управляющимъ факторомъ хозяйственной жизни; вѣнцомъ же всего является, наконецъ, самое послѣднее приобрѣтеніе человѣческой культуры—наука.

Фридрихъ называетъ двѣ низшія ступени развитія хозяйственной жизни ступеню животнаго хозяйства и ступеню инстинкта; третью ступень онъ называетъ ступеню накопленія опыта или ступеню традицій и, наконецъ, четвертую—

ступеню науки. На первой ступени животнаго хозяйства еще господствует приспособленіе тѣла, искусственное же примѣненіе орудій мало развито. Люди отыскиваютъ животную и растительную пищу лишь тамъ, гдѣ сама природа даетъ ее; они собираютъ плоды, клубни и корни, червей и улитокъ и преслѣдуютъ животныхъ до ихъ полнаго изнеможенія. Эти люди находятся въ большой зависимости отъ времени года; они сыты во время созрѣванія питающихъ ихъ плодовъ и голодаютъ въ остальные мѣсяцы; животныхъ же они подстерегаютъ во время ихъ массовыхъ кочевокъ. Такимъ образомъ, люди такъ же, какъ и животные, поставлены здѣсь въ необходимость откармливаться въ продолженіе благоприятнаго для нихъ времени и одновременно являютъ собою примѣры виртуозности по части голоданія. То здѣсь, то тамъ еще сохранилась даже зимняя спячка, какъ это мы наблюдаемъ еще и у русскихъ крестьянъ ¹⁾. На упомянутой стадіи нигдѣ еще не распространенъ и неизвѣстенъ обычай дѣлать запасы пищи на время голодовки. Осѣдлая жизнь поэтому также невозможна, а вмѣстѣ съ этимъ невозможна и большая плотность населенія. Появленіе и усовершенствованіе орудій дѣлаетъ борьбу за существованіе болѣе легкой и даетъ лучшіе результаты. Человѣкъ переходитъ теперь уже отъ простаго собирательнаго хозяйства къ хозяйству хищническому, истребляя полезныя растенія и дикихъ животныхъ своей области и не принимая во вниманіе всего ущерба, который онъ наноситъ своимъ безразсуднымъ истребленіемъ; не думая объ естественномъ приростѣ истребляемаго, онъ этимъ самъ наноситъ себѣ ущербъ, уменьшая постепенно всѣ средства своего пропитанія. Такимъ образомъ онъ доходитъ до нужды, которая, однако, и является толчкомъ къ дальнѣйшему развитію: въ борьбѣ за существованіе человѣкъ достигаетъ все большаго и большаго совершенства въ созданіи своего орудія. Время исклю-

¹⁾ Последнее замѣчаніе Вейда, конечно, нельзя принять безъ оговороки. Явленіе зимней спячки у нашихъ крестьянъ крайне рѣдко и извѣстно лишь въ голодные годы и въ самыхъ бѣдныхъ глухихъ мѣстахъ. Такъ, напримѣръ, въ Псковской губ. описанъ подобный случай, гдѣ крестьяне сдѣлали въ голодные годы съ печи лишь для того, чтобы сѣсть корку сухого хлѣба и за естественными потребностями. Зная по опыту, что ограниченіе движеній помогаетъ сохранять тепло въ тѣлѣ и требуетъ меньшаго приѣма пищи, крестьяне неподвижно лежатъ съ весны. Однако, такія явленія очень рѣдки. *Ред.*

чительнаго рефлексъ, наконецъ, прошло, и инстинктъ остается единственнымъ законодателемъ жизни человѣка.

Фридрихъ приписываетъ инстинкту появленіе цѣлаго ряда вспомогательныхъ средствъ и различныхъ орудій, которыя, однако, при болѣе критическомъ взглядѣ ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть подведены подъ понятіе инстинкта; напримѣръ, охотничьи собаки нѣкоторыхъ дикихъ племенъ, капканы, сани и упряжныя животныя, лодки съ веслами и парусами и т. п. Въ эти же рамки инстинктивнаго хозяйства Фридрихъ старается втиснуть и консервированіе мяса и рыбы, дубленіе кожи и изготовленіе пищи на огнѣ.

Далѣе эту ступень развитія хозяйства сопровождаетъ переходъ къ земледѣлію и скотоводству, а также и къ людодѣдству. Земледѣліе развилось очень легко, почти шутя, изъ забавы или простаго случая и быстро повело къ поверхностному использованию почвы, которое мы теперь называемъ мотыжнымъ хозяйствомъ. Дальнѣйшій прогрессъ заключается затѣмъ въ томъ, что человѣкъ начинаетъ культивировать плоды, поспѣвающие въ разное время и устраиваетъ кладовыя, чтобы избѣжать голода. Скотоводство также чрезвычайно примитивно, и скотъ пасется тамъ, гдѣ находитъ себѣ пищу. Еще нѣтъ и рѣчи объ особомъ уходѣ за нимъ или заготовленіи корма на зиму. Людодѣдство, наконецъ, основанное на физиологической потребности человѣка въ мясной пищѣ, возникаетъ, по мнѣнію Фридриха, у народовъ вмѣстѣ съ тенденціей къ росту населенія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, какъ, напр., въ Новой Голландіи, всѣ дикія животныя были истреблены, и жители не имѣли другого мяса, кромѣ человѣческаго, или же тамъ, гдѣ скотоводство было невозможно по какимъ-либо другимъ причинамъ.

Несомнѣнно болѣе существенную и широкую жизненную основу, чѣмъ простой инстинктъ, составляетъ накопленіе опыта, который передается все далѣе и далѣе на словахъ или въ письмѣ отъ одного поколѣнія къ другому. Теперь первобытный земледѣлецъ узнаетъ цѣну удобренія, искусственнаго орошенія, помѣсей у животныхъ и растений; скотоводъ воспитываетъ верблюда для пустыни, яка для степей; въ другихъ мѣстахъ—лошадь, лошака, буйвола, козу и овцу; онъ, какъ напр., китаецъ у своихъ свиней, воспитываетъ быстрорастущія разновидности, мѣняетъ пастбища, собираетъ на зиму запасы корма и используетъ своихъ домашнихъ животныхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Но все это совершается

безсознательно, только по примѣру предковъ и безъ всякаго стремленія къ дальнѣйшему усовершенствованію.

Наука доставляетъ, наконецъ, наиболѣе прочную основу жизни человѣка. Она опирается на опытъ и работаетъ всѣми вспомогательными средствами: химіей, физикой, фізіологіей животныхъ и растений. Теперь уже считаются съ климатомъ и методической обработкой почвы, признають цѣну удобренія земли и охраняють животныхъ, по крайней, мѣрѣ такъ же старательно, какъ и благосостояніе самого человѣка—однимъ словомъ, наука работаетъ при помощи всѣхъ средствъ современной высшей культуры. Но эта ступень еще ни въ коемъ случаѣ не достигла конца всего развитія и осталась такой же беспомощной передъ явленіями природы, какъ и всѣ остальные низшія ступени хозяйства. Это намъ ясно доказываетъ 1911-й годъ съ его долгой засухой, губительныя послѣдствія которой мы (нѣмцы) могли устранить лишь при помощи нашей усовершенствованной отрасли хозяйства, именно нашими блестяще-организованными водными и сухопутными путями сообщенія.

Система Фридриха построена чрезвычайно остроумно и проведена со всюю послѣдовательностью; она прежде всего исходитъ изъ исторически вѣрнаго развитія нашего человѣческаго хозяйства, изъ нашего, такъ сказать, дочеловѣческаго прошлаго. Однако, онъ еще не доказалъ, можно ли примѣнить эту систему къ современнымъ условіямъ жизни даже самыхъ низшихъ первобытныхъ народовъ въ виду большой древности всего человѣчества, а также и въ виду того, что и эти низшіе народы располагають такимъ же долготѣнимъ, если даже не болѣшимъ опытомъ, чѣмъ всѣ остальные высшіе народы. Краткое обзорѣніе интересной жизни первобытныхъ племенъ дастъ намъ возможность составить свое опредѣленное мнѣніе по этому вопросу.

III. О хозяйствѣ современныхъ, наиболѣе бѣдныхъ въ культурномъ отношеніи народовъ.

Въ центральной Африкѣ, въ самыхъ отдаленныхъ и недоступныхъ первобытныхъ лѣсахъ ея, живутъ цѣлыя племена малорослыхъ людей: „народы-карлики“, по терминологіи этнографовъ, или „пигмеевъ“ древнихъ грековъ. Эти пигмеи—типичные кочующіе охотники; они не имѣють постоянного жилища, не занимаются разведеніемъ растений и свободно

кочуютъ по широкой дали первобытнаго лѣса за прибрежной полосой побережья Южнаго Камеруна и Лоанго, преслѣдуютъ дичь въ области могучей излучины рѣки Конго и на сѣверо-западѣ большого первобытнаго лѣса центральной Африки, къ западу отъ озеръ Альберта и Альберта-Эдуарда. На ряду съ этимъ они собираютъ плоды и грибы или же, считая поля своихъ великорослыхъ сосѣдей-негровъ своею собственностью, тайно или подъ защитой своихъ страшныхъ стрѣлъ уносятъ хлѣбъ, кукурузу и овощи, не достающія въ ихъ пищу. Затѣмъ вся шайка исчезаетъ въ лѣсу, для того чтобы совершенно неожиданно появиться въ другомъ мѣстѣ.

Такимъ образомъ, хозяйство этихъ людей мы совершенно правильно можемъ считать еще стадіей животнаго хозяйства, по классификаціи Фридриха. Эта обширная область первобытнаго лѣса, бѣднаго дичью и совершенно лишеннаго сѣдобныхъ плодовъ, служить мѣстожительствомъ каждой отдѣльной группѣ этихъ народовъ; она прекрасно подходитъ ко всей картинѣ, какъ и хищническое хозяйство, являющееся обязательной ступенью развитія каждаго дикаго народа.

Однако, картина тотчасъ мѣняется, какъ только мы болѣе внимательно присмотримся къ данному племени, къ его жизни и техническимъ приспособленіямъ, къ борьбѣ за жалкое существованіе. Ихъ одежда и почти полное отсутствіе украшеній несомнѣнно еще чрезвычайно примитивны и мало напоминаютъ одежду и украшенія челоуѣка; и жилища ихъ, въ видѣ полукруглыхъ куполообразныхъ хижинъ высотой въ 1 метръ еще отличаются первобытнымъ характеромъ. Однако, эти жилища вполне цѣлесообразны при окружающей природѣ. Лучшимъ критеріемъ ихъ удобства служить и навсегда останется то обстоятельство, гдѣ негръ, обитатель побережья, „утонченный“ во всѣхъ отношеніяхъ, не раздумывая ни минуты, устраиваетъ себѣ подобную же хижину, если случайно занесетъ его въ эту область. Да и европеецъ прибѣгаетъ, когда нужно, къ такой постройкѣ.

Вообще, весьма полезно вообразить себѣ европейца, поставленнаго въ условія жизни пигмеевъ, безъ всякихъ удобствъ, утвари и оружія, которыя бѣлый беретъ съ собой въ тѣ страны. Не будетъ ли его положеніе такъ же ужасно, какъ это было съ несчастнымъ аррьергардомъ Стенли, умершимъ голодною смертью въ 1888 году въ Ксамбуйѣ у Арувими, въ первобытномъ лѣсу на рѣкѣ Конго во время его путешествія для „спасенія“ Эминь-паши? Пигмеи же,

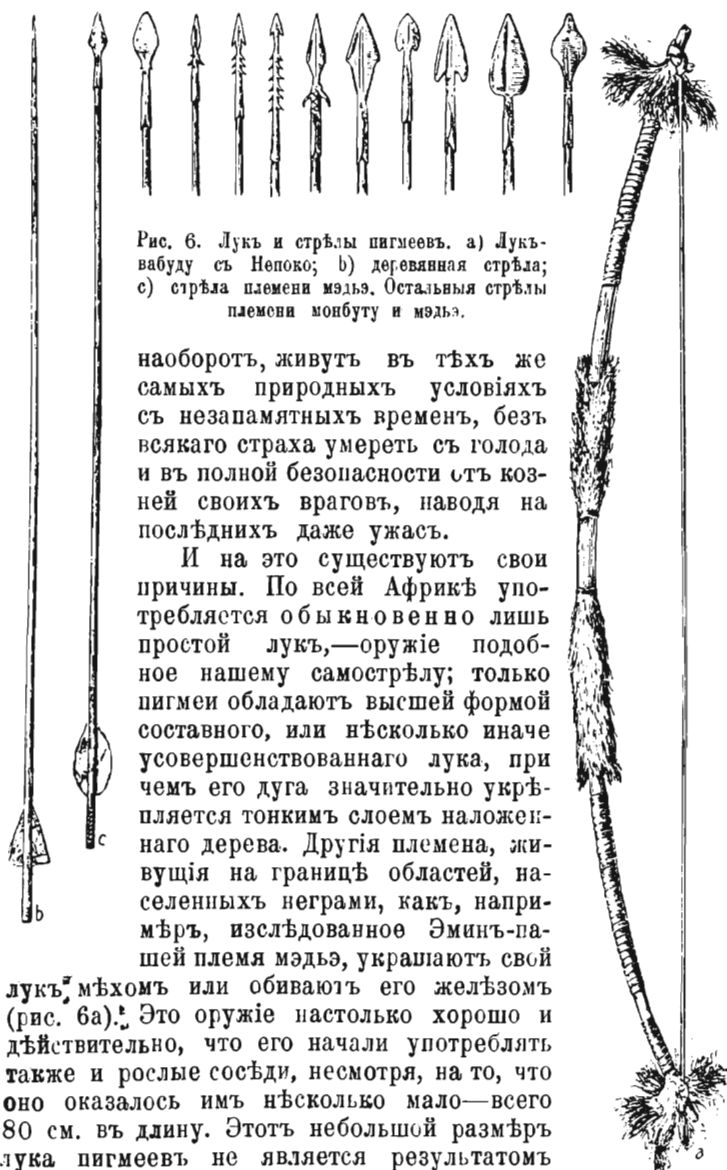

Рис. 6. Лукъ и стрѣлы пигмеевъ. а) Лукъ-вабуду съ Непоко; б) деревянная стрѣла; в) стрѣла племени мѣдъ. Остальныя стрѣлы племени монбуту и мѣдъ.

наоборотъ, живутъ въ тѣхъ же самыхъ природныхъ условіяхъ съ незапамятныхъ временъ, безъ всякаго страха умереть съ голода и въ полной безопасности отъ козней своихъ враговъ, наводя на послѣднихъ даже ужасъ.

И на это существуютъ свои причины. По всей Африкѣ употребляется обыкновенно лишь простой лукъ,—оружіе подобное нашему самострѣлу; только пигмеи обладаютъ высшей формой составного, или нѣсколько иначе усовершенствованнаго лука, при чемъ его дуга значительно укрѣпляется тонкимъ слоемъ наложеннаго дерева. Другія племена, живущія на границѣ областей, населенныхъ неграми, какъ, напримеръ, изслѣдованное Эминъ-пашей племя мѣдъ, украшаютъ свой лукъ мѣхомъ или обиваютъ его желѣзомъ (рис. 6а). Это оружіе настолько хорошо и дѣйствительно, что его начали употреблять также и рослые сосѣди, несмотря, на то, что оно оказалось имъ нѣсколько мало—всего 80 см. въ длину. Этотъ небольшой размѣръ лука пигмеевъ не является результатомъ жизни въ лѣсу, гдѣ подлѣсокъ не допускаетъ,

иного размѣра, какъ думали раньше,—но оказывается древнимъ, можетъ быть даже чрезвычайно древнимъ наслѣдіемъ отъ того времени, когда предки современныхъ пигмеевъ были еще широко распространены въ Африкѣ; этотъ размѣръ былъ, несомнѣнно, приспособленъ только къ небольшому росту стрѣлка. Если бы подлѣсокъ дѣйствительно имѣлъ въ данномъ вопросѣ нѣкоторое значеніе, то нельзя было бы объяснить себѣ существованіе громаднаго лука, до 3-хъ метровъ въ длину, у южно-американскихъ лѣсныхъ индѣйцевъ, которые живутъ въ такихъ же условіяхъ, какъ и африканскіе карлики.

И стрѣла пигмеевъ оказывается оружіемъ очень дѣйствительнымъ, достигшимъ при этомъ опредѣленной отдѣлки у отдѣльныхъ племенъ. Первоначально стрѣла пигмея представляла собой простую, заостренную палочку въ родѣ плотной вязальной иглы, смазанную на переднемъ концѣ ядомъ. Затѣмъ у нѣкоторыхъ племенъ области Уэлле къ стрѣлѣ уже придѣлывали желѣзный наконечникъ, который пигмеи не могли изготовлять собственными средствами, а получали въ качествѣ дара симбіоза, отъ своихъ сосѣдей негровъ, занимавшихся кузнечнымъ ремесломъ. Сами они доставляютъ послѣднимъ мясо и замѣтъ этого получаютъ отъ негровъ наконечники для стрѣлы и овощи. Все изящество этого оружія видно на рис. 6, а вмѣстѣ съ тѣмъ мы наблюдаемъ здѣсь еще и то удивительное обстоятельство, что перья стрѣлы расположены не радіально или тангентально по периферіи древка, а защемлены въ діаметральномъ разрѣзѣ. Кромѣ того, о древности стрѣлы говоритъ еще то, что она нигдѣ не имѣетъ настоящаго оперенья, а снабжена акуратно вырѣзанными кусочками листа, какъ, напр. у пигмеевъ—жителей первобытныхъ лѣсовъ, у прибрежныхъ же народовъ на востокъ и сѣверъ большаго первобытнаго лѣса, у момфу, мабуду, мадъэ, ленду и др.—кусочками кожи или кусочками шкуры дикой кошки. При поразительной тонкости древка стрѣлы только и возможно такое разрѣшеніе задачи оперенья.

Да и вообще этотъ маленькій лѣсной человѣкъ хорошо вооруженъ. Д-ръ Штульманъ говоритъ, что очень испріятно чувство и сознаніе при путешествіи по первобытному лѣсу, что за самымъ незамѣтнымъ предметомъ, за мельчайшимъ кустомъ, даже за каждымъ большимъ листомъ дерева находится лѣсной человѣчекъ, готовящійся безшумно направить

свое ужасное оружіе въ противника. Со страхомъ и очень осторожно подвигался впередъ караванъ Эминъ-паши въ этихъ областяхъ, ожидая постоянно паденія въ ловчія ямы или въ разбросанныя повсюду ножные калканы, въ видѣ простыхъ заостренныхъ палочекъ, воткнутыхъ въ землю, но чрезвычайно опасныхъ для голой ступни негра. Петля для ловли дичи также относится къ этому роду охотничьихъ приспособленій.

Таково хозяйство этого древнѣйшаго населенія Африки. Можно ли его дѣйствительно считать еще животной стадіей и приписывать исключительно рефлексу и инстинкту? Какимъ образомъ сопоставить съ понятіемъ животного изобрѣтеніе такого лука и стрѣлы, не говоря уже о другой утвари? Какъ объяснить эту высокую ступень симбіоза, которую можно свободно считать началомъ торговли? Что же касается, наконецъ, недостатка заботливости о завтрашнемъ днѣ, который Бюхеръ считаетъ такимъ опредѣленнымъ критеріемъ отсутствія хозяйства у всѣхъ этихъ народовъ, то стоитъ намъ только оглянуться въ этомъ отношеніи вокругъ себя, особенно присмотрѣться къ нашимъ столицамъ: тамъ многіе утромъ еще не знаютъ, что и гдѣ они будутъ ѣсть и будутъ ли вообще обѣдать, и гдѣ они преклонять усталую голову на ночь.

Вотъ еще картина изъ хозяйственной жизни бѣднѣйшихъ народовъ. Со времени появленія путевыхъ замѣтокъ Густава Фрича ¹⁾ подъ названіемъ „Туземцы Южной Африки“ (Бреславль, 1872 г.) бушменъ сдѣлался синонимомъ „несчастливаго порожденія момента“ во всей этнографической литературѣ. По Фридриху, его питаніе отличается вполне животнымъ характеромъ; бушменъ ѣсть и пьетъ все; онъ стоитъ ниже большинства животныхъ въ отношеніи своего жилища, такъ какъ къ концу дня пути или охоты ищетъ себѣ защиту за ближайшимъ кустомъ, переплетая его вѣтви наподобіе крыши; онъ не собираетъ никакихъ запасовъ по очень простой причинѣ,—потому что не знаетъ, какъ, изъ чего и гдѣ это сдѣлать; въ одеждѣ онъ придерживается минимума,—однимъ словомъ, ведетъ настоящую „жизнь собаки“, однако, не нашей избалованной европейской аристократки, но жизни африканской собаки-парія.

Бушменъ является примѣромъ тонкости слуха и остроты

¹⁾ Gustav Fritsch. Die Eingeborenen Südafrikas, Breslau, 1872.

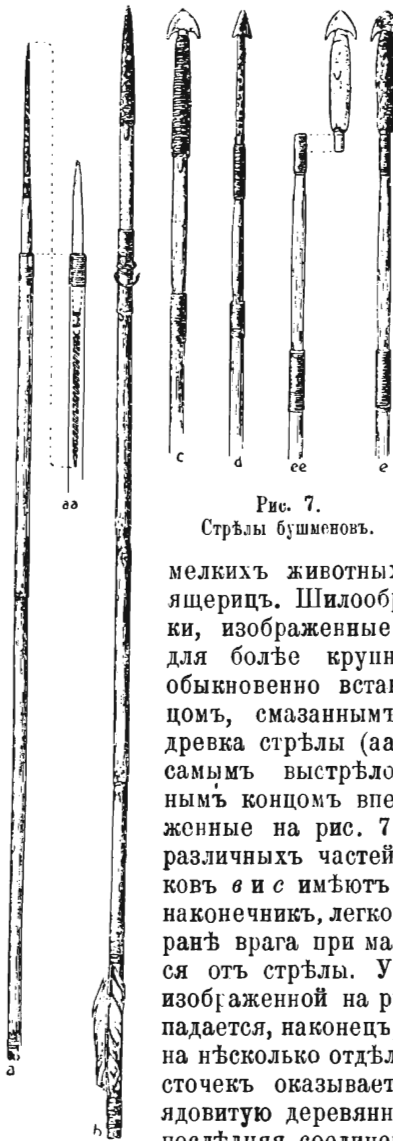

Рис. 7.
Стрѣлы бушменовъ.

зрѣнія. Оба эти свойства сами по себѣ являются чисто животными преимуществами; но послѣднія были бы совершенно бесполезны для него, если бы онъ не умѣлъ усилить ихъ употребленіемъ своего оружія. На рис. 7а—е изображенъ рядъ типовъ стрѣлъ бушмена, стросніе которыхъ измѣняется, смотря по тому, предназначены ли онѣ для крупной или мелкой дичи или же для человека. И въ данномъ случаѣ наиболее простой формой является опять — таки заостренная палочка, употребляющаяся при охотѣ на

мелкихъ животныхъ, напримѣръ, на птицъ и ящерицъ. Шилообразные костяные наконечники, изображенные на рис. 7а, употребляются для болѣе крупной дичи. Эти наконечники обыкновенно вставлены своимъ острымъ концомъ, смазаннымъ ядомъ, въ полую трубку древка стрѣлы (aa), и только лишь передъ самымъ выстрѣломъ обращаются заостреннымъ концомъ впередъ. Наконечники, изображенные на рис. 7с, d и e, составлены изъ различныхъ частей. Упругіе шипы наконечниковъ e и c имѣютъ свою цѣлю удержатъ весь наконечникъ, легко насаженный на древко, въ ранѣ врага при малѣйшей попыткѣ освободиться отъ стрѣлы. У наиболее сложной стрѣлы, изображенной на рис. 7e, весь наконечникъ распадается, наконецъ, при вытаскиваніи изъ раны на нѣсколько отдѣльныхъ частей, при чемъ листочекъ оказывается слегка вставленнымъ въ ядовитую деревянную часть стрѣлы, тогда какъ послѣдняя соединена со слѣдующею костяною частью при помощи изящной бамбуковой муфты (ee). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я посвятилъ цѣлую моногра-

фію стрѣламъ африканцевъ ¹⁾ и пришелъ къ тому заключенію, что эта форма стрѣлы бушмена дѣйствительно является высшимъ результатомъ техники и наиболѣе дѣйствительнымъ оружіемъ, которое когда-либо изобрѣтено было жителями Африки.

Бушмень превосходить всѣхъ остальныхъ африканцевъ также и въ составленіи и въ выборѣ своихъ ядовъ для стрѣлъ. Основой этихъ ядовъ служить липкій сокъ растений, который одновременно годится и для скрѣпленія наконечника. Иногда для этой цѣли употребляется сокъ луковичы ядовитого амарилиса (*Haemanthus toxicaria*), или сокъ нѣкоторыхъ видовъ молочая (*Euphorbia tetragona* или *candelabrum*), или сокъ нѣкоторыхъ акацій (*Acacia horrida*, *A. detinens*). Для этихъ же цѣлей употребляется и сокъ *Baukinia esculenta*. Настоящей же и наиболѣе дѣйствительной отравой служатъ ядъ змѣй и жидкость, выдѣляемая такъ наз. „нгва“, личинкой насѣкомаго, — выдавленная на наконечникъ стрѣлы. Къ общему вооруженію бушмена принадлежитъ еще палочка съ насаженнымъ комочкомъ смолы, которая пропитана ядомъ. Въ этотъ комочекъ стрѣлокъ обыкновенно обмакиваетъ конецъ своей стрѣлы передъ самымъ выстрѣломъ, чтобы такимъ образомъ отравить врага.

Почти драматически описываетъ Фричъ, какимъ образомъ бушмены и ихъ жены добываютъ змѣиный ядъ. Наиболѣе цѣннымъ считается ядъ отъ *Echidna arietans* и кобры (*Cobra capella*). Этихъ опасныхъ животныхъ раздражаютъ до вышшаго бѣшенства, чтобы получить возможно больше яда, и убиваютъ ихъ затѣмъ по своему усмотрѣнію. „Такой рассказъ читается совершенно спокойно, но тотъ, кто видѣлъ бѣшенство, силу и быстроту многихъ опасныхъ змѣй, скажетъ, что не легко схватить одну изъ нихъ за хвостъ и поставить голую ногу ей на голову, какъ это дѣлаетъ бушмень“. Самъ Фричъ былъ свидѣтелемъ, какъ одна бушменская женщина встрѣтилась у воды съ коброй (*Cobra capella*) длиною въ 5 футовъ, схватила ее за хвостъ и принесла ее, оставаясь невредимой, хотя змѣя упорно боролась и старалась схватить женщину за бокъ.

Хотя бушмень и въ самомъ дѣлѣ удивительно покорилъ природу въ своемъ главномъ оружіи, однако, всѣ его остальные поступки и дѣйствія представляютъ собой смѣсь высо-

1) K. Weule, „Der afrikanische Pfeil“. Leipzig 1899.

каго умѣнья жить и вполне животнаго состоянія. Онъ ѣсть и пьетъ, когда ему представится удобный случай, т. е. въ высшей степени нерегулярно; его собственная жизнь и жизнь его сотоварищей для него безразлична; во время танцевъ и празднества онъ забываетъ обо всемъ на свѣтѣ, поэтому и отряды буровъ выбирали прежде время этихъ празднествъ для нападенія на ненавистныхъ воровъ ихъ скота. Но при всемъ томъ отмѣчается, что бушмены почти болѣзненно щепетильно стараются не переступать при своихъ кочевкахъ мѣста жительства другихъ семей. Эта характерная черта бушмена также присуща и австралійцу. Крючкообразной палкой бушменъ очень ловко вытаскиваетъ тушканчиковъ и тукановъ изъ ихъ норокъ и гнѣздъ. Чисто безчеловѣчнымъ характеромъ, однако, отличается способъ охоты на дичь одного или нѣсколькихъ бушменовъ, безъ всякаго оружія, въ самые жаркіе дни. Въ послѣднемъ случаѣ одинъ охотникъ гонитъ звѣря въ направленіи къ своему товарищу. Второй, не давая животному опомниться, направляетъ его на третьяго. Такъ продолжается эта погоня до тѣхъ поръ, пока животное, лишенное пищи и питья и измученное до послѣдней степени, не попадаетъ послѣднему охотнику, который его и убиваетъ. И одинъ охотникъ можетъ такимъ способомъ, ужаснымъ и для охотника, и для преслѣдуемаго животнаго, умертвить свою добычу. Своеобразнымъ вспомогательнымъ средствомъ при этомъ продолжительномъ бѣгѣ служатъ нѣкоторымъ племенамъ крошечныя кожаныя сандаліи съ клювообразнымъ носкомъ, которыя привязываются къ подошвѣ такимъ образомъ, что клювъ этотъ обращенъ къ землѣ (рис. 8). По мнѣнію лейтенанта Кауфмана, клювъ этотъ имѣетъ цѣлью облегчить бѣгъ охотника своей упругостью ¹⁾. Однако д-ръ Пѣхъ въ Вѣнѣ считаетъ это невозможнымъ въ виду чрезвычайной твердости кожи козла, какъ онъ сообщилъ это мнѣ въ своемъ письмѣ. По его мнѣнію, сандаліи прежде всего препятствуютъ проникновенію раскаленнаго песка между пальцами ногъ, а кромѣ того—должны поднимать массу пыли, обманывая животное появленіемъ совершенно безопаснаго облака пыли. Для этого охотники отъ времени до времени бросаютъ вверхъ песокъ еще и руками.

¹⁾ Kaufmann, „Die Auin. Ein Beitrag zur Buschmannforschung“. Mitteilungen aus den deutschen Schutzgebieten, 1910.

Въ настоящее время въ Южной Африкѣ уже исчезли громадныя массы дичи прежнихъ лѣтъ, и потому бушмень уже поневолѣ становится скорѣе собирателемъ, чѣмъ охотникомъ. Владѣя обширными пространствами, онъ обладаетъ одновременно двумя резиденціями: если въ декабрѣ начинается періодъ дождей, то вся орда направляется въ песчаныя поля, гдѣ въ это время года можетъ найти много корней и довольно порядочное количество дичи. Отдѣльныя семьи удаляются при этомъ по очереди въ свои области кочеванія.

Плохо приходится бушмену, если запасъ дынь съ песчаныхъ полей истощится ранѣе опредѣленнаго времени. Водянистая дыня является въ настоящее время его главной пищей, и даже немногочисленныя шайки требуютъ для своего пропитанія громаднаго количества этихъ плодовъ. При употребленіи 20 штукъ въ день бушменская семья изъ 10 человѣкъ потребуетъ 6000 штукъ этихъ дынь, а племя въ 100 человѣкъ—не менѣе 60.000 штукъ въ мѣсяцъ. Послѣ уничтоженія всего запаса бушмень поддерживаетъ свое питаніе прежде всего особеннымъ высасывательнымъ колодцемъ, пробивая съ трудомъ въ твердой почвѣ узкія отверстія до самой грунтовой воды. Сырой слой, наконецъ, достигнутъ; долгожданная влага просачивается по каплямъ черезъ стѣнки узкой трубки и собирается на дно. Съ неукротимой жадностью опускаетъ туда бушмень трубку, нижній конецъ которой обмотанъ веретенообразнымъ пучкомъ травы (рис. 9 б, с). По даннымъ Пассарге¹⁾, бушмень закрываетъ затѣмъ пескомъ отверстіе своего колодца, чтобы герметически закупорить его (9 б). Затѣмъ онъ начинаетъ сосать. Иногда эта работа очень легка, большею же частью бываетъ сопряжена съ значительнымъ трудомъ, такъ какъ, по мнѣнію того же автора, дѣло заклю-

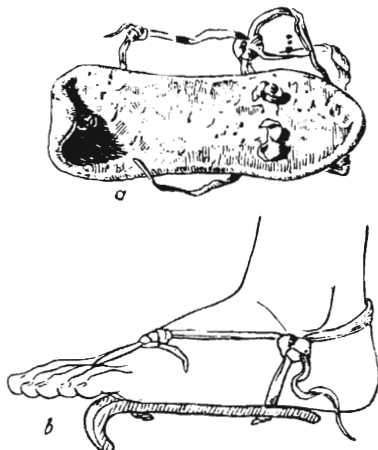

Рис. 8. Охотничьи сандалии бушмена.

¹⁾ S. Passarge, „Die Buschmänner der Kalahari“. Mitteilungen aus den deutschen Schutzgebieten. Band. 18. Berlin 1905.

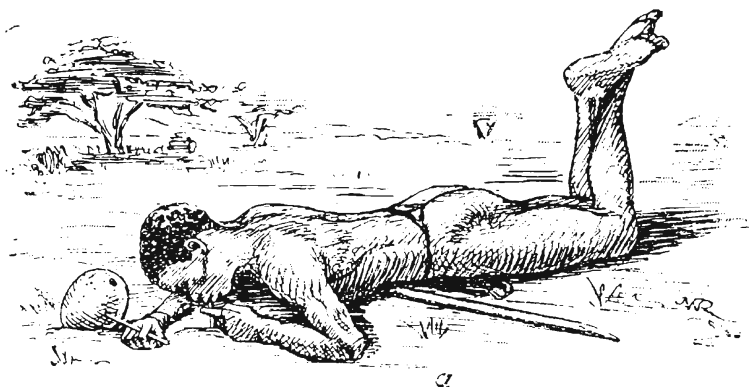

Рис. 9. Высасывательный колодезь бушмена.

б

с

чается въ томъ, чтобы выкачать по возможности болѣе воздуха изъ полога пространства подъ песчаной пробкой. Въ это безвоздушное или, вѣрнѣе, разрѣженное пространство вода будто бы стремится изъ прилежащихъ слоевъ и затѣмъ уже высасывается бушменомъ. Лично я нѣсколько сомнѣваюсь въ герметичности подобной песчаной закупорки и приписываю появленіе воды изъ слоевъ земли скорѣе ея стремленію стечь на большую глубину. Но во всякомъ случаѣ этотъ способъ высасыванія крайне непріятенъ и тѣмъ болѣе героиченъ, что ничтожное количество влаги приходится сохранить также и для всей семьи. Очень ловко бушменъ спускаетъ накопившуюся во рту влагу по соломинкѣ въ пустое страусовое яйцо, служащее въ данномъ случаѣ водохранилищемъ (рис. 9 а). Въ нормальные годы народъ переживаетъ и это тяжелое время, однако, горе ему, если влага уходитъ такъ глубоко, что не стоитъ даже и устраивать подобные колодцы. Въ этомъ случаѣ цѣлая группа народа могутъ совершенно вымереть, какъ это въ послѣдній разъ случилось въ 1892/93 годахъ.

Для полноты картины слѣдуетъ еще упомянуть объ искусствѣ этого удивительнаго народа Южной Африки, разрисовывать стѣны пещеръ

и лишь различными изображениями животных и людей, применяя при этом такой способ рисования, который долгое время казался несовместимым со всем низким состоянием культуры художников. В V книжке мы займемся как раз этим удивительным явлением. Больше существенным в хозяйственном отношении оказывается искусство бушменов устраивать капканы и волчьи ямы; особенно неистощимой является их фантазия в изобретениях первого рода. По немногочисленным достоверным литературным данным мы узнаем, что бушмены предпочитают при этом ту же самую систему виселицы, кото-

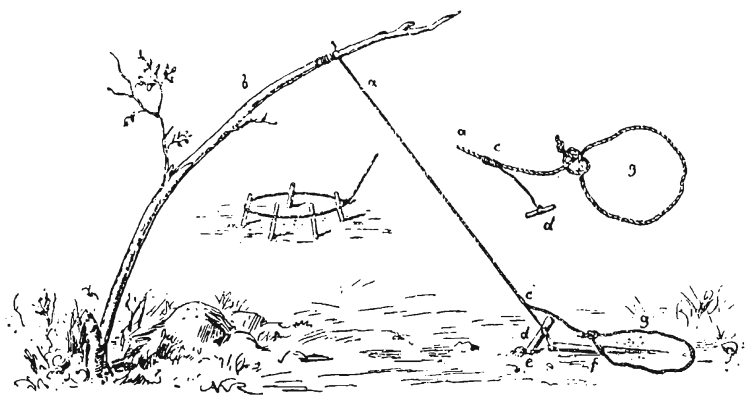

Рис. 10. Капкан-виселица бушменов из Калахари. По Генцу.

рая применяется также и у негров банту и была мною изучена во многих видах капканов в южной части нѣмецкой Восточной Африки ¹⁾. Рис. 10, сделанный съ рисунка лейтенанта Генца, изъ 83 тома „Globus'a“, показываетъ намъ, какъ работаютъ эти капканы. Крепкая веревка *a*, длиною отъ 4 до 5 м., заканчивающаяся съ одной стороны простой петлей, прикрѣпляется другимъ концомъ къ согнутому молодому эластичному деревцу или вѣткѣ *b*. На первомъ петлевомъ концѣ веревки *a* прикрѣплена коротенькая и болѣе тонкая веревка *c* съ поперечной палочкой *d*. Веревка *c* обматывается вокругъ маленькой, наискось вбитой въ землю

¹⁾ K. Weule, „Wirtschaftliche Ergebnisse meiner ethnographischen Forschungsreise in den Südosten Deutsch-Ostafrikas“. Ergänzungsband № 1 zu den Mitteilungen aus den deutschen Schutzgebieten. Berlin 1908.—Его же, „Negerleben in Ostafrika“. 2 Aufl. Leipzig 1909.

палочки *e*, при чемъ соскальзыванію ея препятствуетъ плоскій, зарытый въ землю кусокъ дерева *f*, упирающійся въ свободный конецъ поперечной палочки *d*. Петля же располагается въ видѣ правильнаго круга поверхъ этого зарытаго въ землю куска дерева. Животное, идущее по своей привычной тропѣ на водопой или къ солонцамъ, не можетъ сойти съ этой дорожки, такъ какъ охотникъ набросалъ по ея краямъ вѣтки шиповника. Поэтому оно невольно наступаетъ на палочку *f*, лежащую подъ землей, которая выходитъ при этомъ изъ своего положенія и отпускаетъ конецъ поперечной палочки *d*. Веревка *a*, потерявшая теперь свою опору, отпускаетъ натянутое деревцо, которое, отскакивая назадъ, затягиваетъ петлю на погѣ животнаго и держитъ послѣднее въ ловушкѣ до тѣхъ поръ, пока бушменъ не убьетъ его своимъ вырѣзаннымъ изъ дерева кирри. Для ловли различныхъ куриныхъ породъ, голубей и пр. бушменъ приготовляетъ подобныя же петли изъ болѣе тонкой веревки, которыя устанавливаются такимъ же образомъ, но отличаются лишь тѣмъ, что здѣсь петля помѣщается не на землѣ, а на высотѣ 2—3 см. отъ нея на воткнутыхъ въ кругъ палочкахъ (см. изображеніе на заднемъ планѣ рис. 10). Въ середину этого круга, на покрытую пескомъ и свободно лежащую палочку, кладутся зерна маиса или ягоды. Какъ только птица начинаетъ ихъ клевать, она этимъ тотчасъ же выводитъ палочку изъ ея первоначальнаго положенія и попадаетъ въ петлю шей. По даннымъ Пассарге, бушменъ ловитъ и большихъ животныхъ при помощи капкановъ, при чемъ здѣсь наиболѣе дѣйствительнымъ оружіемъ является камень или бревно, падающее на голову животнаго. Вся тяжесть падаетъ на животное, какъ только оно коснется приманки или шнура, расположеннаго на пути животнаго и натянутаго здѣсь, по всей вѣроятности, такимъ же образомъ, какъ мнѣ приходилось наблюдать это въ Восточной Африкѣ. Рис. 11 а, б даетъ намъ понятіе о ловушкѣ на ходу изъ области Ровумы. Какъ только животное сунетъ свою морду въ сѣть *a*, натянутую между кольями, она моментально вышибается, при чемъ ея верхній край тянется книзу. Вслѣдствіе этого и поперечная балка *b*, служащая нижней опорой вращающейся палочкѣ *c*, тоже опускается внизъ по маленькимъ балочкамъ *d*; вращающаяся балка *c* лишается своей опоры и опрокидывается. Этимъ самымъ нарушается равновѣсіе поддерживающаго рычага *e*; онъ отскакиваетъ кверху

длиннымъ плечомъ; при этомъ съ короткаго конца рычага соскальзываетъ поддерживающая его петля, бревно *f* освобождается и всею своею тяжестью падаетъ на землю, погребая подъ собой несчастное животное.

Перечень низшихъ современныхъ народовъ, живущихъ, по мнѣнію Фридриха, въ животной стадіи хозяйства, очень длиненъ. Сюда относятся австралійцы и вымершіе въ 1876 году тасманійцы, тоала на Целебесѣ и кубу на Суматрѣ, ведды на Цейлонѣ и минконіи на Андаманскихъ островахъ, семанги и сеиои на Малаккѣ, пунаны и оты на

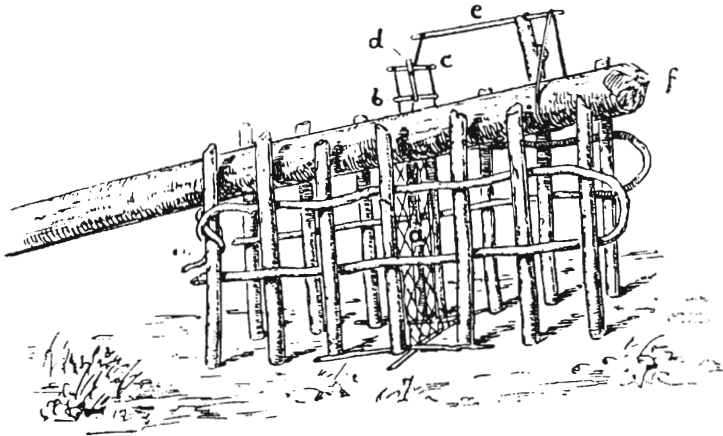

Рис. 11а. Кавканъ съ р. Ровумы.

Борнео и негритосы на Филиппинскихъ островахъ; можетъ быть, сюда относятся также и недавно обнаруженные въ Новой Гвинее народы-карлики, и наконецъ, въ Америкѣ жители Огненной Земли, бороро и ботокуды и нѣкоторые калифорнійцы. Общей чертой всѣхъ этихъ народовъ является способъ отыскиванія пищи, дѣйствительно, сходный съ обычнымъ собираніемъ пищи животными, а также и недостатокъ въ активномъ воздѣйствіи на природу, отсутствіе земледѣлія и скотоводства, т. е. того, что политико-экономъ называлъ бы вообще продукціей. Однако, общимъ для нихъ оказывается также и обладаніе той или иной отраслью техники, присутствіе у нихъ оружія и утвари или какого-нибудь изобрѣтенія, которое скрашиваетъ картину ихъ болѣе чѣмъ первобытной формы хозяйства. У веддовъ и минконі-

евъ сюда относятся искусство стрѣльбы изъ лука и умѣніе грести; у жителей Огненной Земли масса разныхъ формъ ихъ простыхъ костяныхъ оружій и утвари; у ботокудовъ изящество лука и стрѣль; у австралійцевъ, наконецъ, жезлы вѣстниковъ, о которыхъ будетъ рѣчь въ слѣдующей книгѣ, метательная доска и бумерангъ, описанный въ „Культурѣ безкультурныхъ народовъ“ и въ „Элементахъ человѣческой культуры“. Также и у остальныхъ народовъ есть какой-нибудь предметъ изъ повседневнаго обихода, характерный для ихъ культуры.

Уже немногія черты изъ жизни этихъ низшихъ современныхъ народовъ доказываютъ, что хозяйство ихъ въ дѣйствительности въ высшей степени сложно и включаетъ въ себя цѣлое обиліе технически высоко стоящихъ изобрѣтеній, глубокое проникновеніе въ тайны природы и точное знаніе ея мѣстнаго характера. Каякъ эскимоса представляетъ собою, дѣйствительно, идеальное разрѣшеніе вопроса охоты и сообщенія въ арктическихъ прибрежныхъ водахъ, какъ съ технической, такъ и съ географической точки зрѣнія. Мы, европейцы, безъ многочисленныхъ попытокъ и неудачъ не могли бы достигнуть паразитальнаго совершенства саней того же эскимоса или гиперборейца Азіи: настолько онѣ своей легкостью и эластичностью хорошо приспособлены къ окружающимъ условіямъ. Только что упомянутый бумерангъ уже совсѣмъ нельзя сопоставить со всей остальной культурой его носителя. Съ механической точки зрѣнія онъ представляетъ собою настолько трудно объяснимое орудіе, что мы опять-таки должны спросить себя, какимъ образомъ именно жалкое населеніе пятой части свѣта дошло до такого изобрѣтенія. Если даже не считать его сознательнымъ изобрѣтеніемъ, а только лишь случайностью,—что, несомнѣнно, болѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительности,—то все-таки появленіе его въ культурѣ такой расы, какъ австралійцы, и его усовершенствованіе за долгіе годы существованія является доказательствомъ удивительнѣйшаго прогресса вообще культуры человѣчества.

Итакъ, расчетъ на инстинктъ, не говоря уже совершенно о рефлексѣ, оказался, слѣдовательно, невѣрнымъ даже въ отношеніи къ нашимъ примитивнѣйшимъ народамъ. И они достигли своихъ высоко стоящихъ въ техническомъ отношеніи изобрѣтеній только путемъ чрезвычайно долгаго опыта, и такъ же прошли длинный путь развитія, какъ и мы, европейцы. Единственное различіе между ними и нами заключается въ томъ,

что мы въ продолженіе нѣсколькихъ послѣднихъ сотенъ или тысячъ лѣтъ пошли чрезвычайно быстро впередъ, тогда какъ мѣнѣе счастливыя расы и народы развивались гораздо медленнѣе или же совершенно не двигались впередъ. Неолитическая эпоха въ Европѣ съ ея шлифованными каменными орудіями, съ началомъ скотоводства и земледѣлства, архитектурой и культомъ—соотвѣтствуетъ приблизительно культурѣ большинства населенія Америки 1492 года, культурѣ жителей острововъ Тихаго океана и многихъ арктическихъ народовъ. Эта эпоха существовала за нѣсколько тысячелѣтій до 2000 года до Р. Х., т. е., по крайней мѣрѣ 4000 лѣтъ тому назадъ. Но дѣйствительно ли эти 4000 лѣтъ принесли такъ замѣтно много по сравненію съ сотнями тысячъ лѣтъ или, можетъ

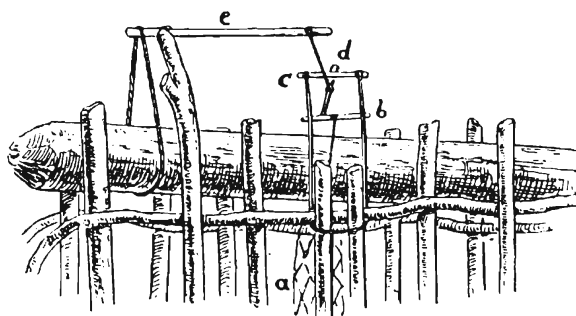

Рис. 11б. Механизм капкана изъ области Ровумы.

быть, даже въ сравненіи съ миллионами лѣтъ, въ продолженіе которыхъ человѣкъ существовалъ уже въ видѣ вертикально-стоящаго существа, пользующагося искусственными орудіями? И оказывается ли слѣдующая ступень нашего прошлаго — палеолитическая эпоха—въ концѣ своего существованія за 20 тысячъ лѣтъ до нашего времени болѣе существенной по отношенію къ общей продолжительности развитія человѣческой культуры, чѣмъ неолитъ? Этой эпохѣ палеолитовъ соотвѣтствуетъ современное состояніе культуры большинства перечисленныхъ народовъ, за исключеніемъ, можетъ быть, только лишь тасманійцевъ, которыхъ Клаахъ ставитъ еще ниже, считая, что они находились на стадіи эолитической эпохи. Но если бы даже это оказалось справедливымъ, мы все-таки далеки отъ дѣйствительныхъ основателей нашего хозяйства, такъ какъ даже и тасманійцы

имѣли цѣлый рядъ пріобрѣтеній культуры, достигнутой только долгимъ опытомъ. Они употребляли мѣховыя сандалии, длинные деревянные колья, каменные топоры и каменные похи, метательныя палки и дубины; они достигли хотя и жалкихъ, примитивныхъ, но все-таки сносныхъ способовъ сообщенія по водѣ въ видѣ лодокъ изъ древесной коры, или плотовъ изъ тростника и растянутыхъ шкуръ, прежде чѣмъ были совершенно истреблены англичанами.

Такимъ образомъ, оказывается совершенно невозможно возстановить дѣйствительныхъ основателей общечеловѣческаго хозяйства, основываясь на условіяхъ жизни современныхъ дикарей. Но почему же тогда, спрашивается, объ этой „первобытности“ такъ часто повторяютъ и трактуютъ въ нашей общей литературѣ по народовѣдѣнію? На зло всѣмъ техническимъ изобрѣтеніямъ долженъ несомнѣнно существовать цѣлый рядъ чертъ, которыя даютъ возможность указать на чрезвычайно раннія психическія и физическія стадіи нашего вида. Такъ оно и было въ дѣйствительности, и слѣдующая глава познакомитъ насъ нѣсколько ближе съ этими чертами.

IV. Архаическія черты человѣческаго хозяйства.

Главное возраженіе профессора Бюхера противъ термина „хозяйство первобытныхъ народовъ“ основано на томъ утвержденіи, что народы эти, хотя и знакомы съ совмѣстной жизнью и организаціей, однако, и то и другое обуславливается не хозяйственными, а только лишь исключительно общественными побужденіями. То, что мы понимаемъ подъ хозяйствомъ первобытныхъ людей, въ дѣйствительности не что иное, какъ простая забота о самомъ себѣ, не знающая ни совмѣстной работы, ни стремленій для блага ближняго. Дикарь думаетъ только о себѣ и при томъ только лишь о настоящемъ моментѣ, а не о будущемъ; онъ ѣстъ, спитъ и въ крайнемъ случаѣ защищаетъ себя отъ непогоды. Въ этомъ заключается вся цѣль его существованія. Все это можно назвать скорѣе индивидуальной заботой о существованіи, а ни въ какомъ случаѣ хозяйствомъ.

Въ общемъ мы охотно согласимся съ рѣзкимъ сужденіемъ Бюхера. Но съ другой стороны, мы должны, однако, подумать, что бушменъ, австраліецъ и всякій кочующій народъ-собираатель постоянно дѣйствуетъ подъ вліяніемъ наслѣдія отцовъ; каждый изъ нихъ получилъ свои познанія отъ предъ-

идущаго поколѣнія и каждый изъ нихъ передаетъ ихъ въ наслѣдіе слѣдующему поколѣнію. Если бы можно было истребить сразу всѣхъ взрослыхъ людей одного племени, то мы убѣдились бы, несомнѣнно, въ томъ, что все несовершеннолѣтнее поколѣніе осталось бы въ безпомощномъ состояніи безъ поученія и указаній старшихъ. Можетъ быть, и не существуетъ общесѣвности среди всего человѣчества, но она, несомнѣнно, есть въ глубинѣ его, если такъ можно выразиться: общее достоиніе, отрицаемое Бюхеромъ, переходить отъ одного поколѣнія къ другому. Съ этой существенной точки зрѣнія для опредѣленія основного характера этого рода хозяйства не важно, отдаетъ ли охотникъ или собиратель часть своей добычи своимъ сотоварищамъ, мѣняетъ ли онъ свое ничтожное богатство на другое или оставляетъ его для себя. Не является ли, кромѣ того, забота этихъ людей о потомствѣ, выражающаяся въ питаніи, уходѣ, охранѣ, и обученіи его, общественной чертой или общественнымъ дѣйствіемъ? Происходитъ ли все это сознательно или безсознательно,—имѣетъ здѣсь второстепенное значеніе.

Легче можно согласиться съ Бюхеромъ при перечисленіи цѣлага ряда другихъ общихъ чертъ характера первобытныхъ народовъ. Сюда относится безграничный эгоизмъ дикарей и полная безсердечность по отношенію къ своему ближнему, ихъ жадность, воровская сметка, лѣность и беззаботность къ будущему; все это—черты дикаря, такъ какъ въ немъ еще совершенно неразвиты ни чувство, ни память, ни способность дѣлать заключенія. Безсердечность и эгоизмъ выражаются сильнѣе всего въ убійствѣ дѣтей и преднамѣренномъ умерщвленіи старыхъ, бесполезныхъ членовъ племени. Маленькія дѣти доставляютъ значительныя неудобства при всякой кочевой жизни, особенно же при простомъ блужданіи наиболѣе первобытныхъ народовъ, не имѣющихъ вовсе средствъ для сообщенія и переноски. Поэтому намъ болѣе понятно истребленіе неудобныхъ грудныхъ дѣтей. Этотъ обычай распространенъ среди всѣхъ первобытныхъ народовъ, при чемъ, несомнѣнно, что здѣсь и тамъ существуютъ еще и другія побуждающія причины къ этому. О молодыхъ женщинахъ съ Соломоновыхъ острововъ разсказываютъ, напримѣръ, что онѣ убиваютъ дѣтей, чтобы не испортить фигуры во время долгаго періода кормленія. Общераспространеннымъ также является и выкидышъ, при помощи котораго женщина избѣгаетъ тяжелой беременности и можетъ

Кромѣ того еще во-время устранить послѣдствія запретныхъ сношеній.

Дѣтубійство до и послѣ рожденія имѣетъ гораздо большее значеніе въ развитіи культуры первобытныхъ народовъ, чѣмъ обыкновенно думаютъ. На ряду съ болѣе короткой жизнью и очень длиннымъ, по сравненію съ европейцами, періодомъ кормленія, продолжающимся здѣсь до трехъ лѣтъ и болѣе, убійства дѣтей являются главной причиной чрезвычайно медленнаго размноженія всѣхъ первобытныхъ народовъ; ни одинъ изъ нихъ не отличается чрезмѣрной численностью. Можетъ быть, это и удобно и лучше всего соответствуетъ желательному образу жизни, однако, такая жизнь не такъ сильно побуждаетъ къ прогрессу, какъ настоящее сожительство, которое заставляетъ обогнать, уйти впередъ на техническомъ поприщѣ и вообще выйти побѣдителемъ въ борьбѣ за существованіе. Дѣйствительно, одна изъ наиболѣе выдающихся характерныхъ чертъ всѣхъ мѣстностей, населенныхъ первобытными народами,—рѣдкость населенія или полное безлюдье. Это напоминаетъ намъ состояніе, которое характеризуетъ также и жизнь нашихъ палеолитическихъ предковъ въ древней Европѣ; мы даже отчасти можемъ это прямо установить. Лишь въ неолитическій періодъ въ Европѣ населеніе стало плотнѣе. Эти болѣе густо населенные очаги стали затѣмъ и у насъ исходными пунктами высшей культуры, какими они были на сѣверѣ Африки, на западѣ, востокѣ и югѣ Азіи. Не безъ причинъ существовали области болѣе густого населенія и древней культуры въ долинѣ Нила, въ Месопотаміи и въ аллювіальныхъ низменностяхъ Индіи и Китая.

Дальнѣйшимъ примѣромъ безсердечія и эгоизма можно считать такъ часто описываемое и ужасное съ нашей точки зрѣнія оставленіе больныхъ и старыхъ членовъ семьи во время пути; этотъ обычай во многихъ мѣстахъ развился въ еще болѣе ужасное убійство и поѣданіе стариковъ. Понятъ этотъ обычай легче, если подумать, что и цивилизованные народы во время военныхъ походовъ въ трудную минуту, хотя и не съѣдаютъ своихъ мертвецовъ, но вынуждены оставлять всякаго, кто мѣшаетъ всему войску достигъ цѣли. Жизнь нашихъ бѣднѣйшихъ народовъ, болѣе, чѣмъ это намъ кажется, похожа на постоянную войну, на борьбу съ жестокой природой, которая всегда была болѣе безсердечной, чѣмъ любой врагъ.

Предметомъ зависти почти каждаго культурнаго человѣка

уже съ незапамятныхъ временъ служить беззаботность первобытныхъ народовъ, о которыхъ лучше всего сказать: „они не сѣять и не жнуть, а Богъ питаетъ ихъ“. Конечно, это жизнь момента и присуща самымъ первобытнымъ народностямъ, но нужно ли повторять, что и въ заботливой Европѣ, для которой забота о завтрашнемъ днѣ сдѣлалась, такъ сказать, „маркой“, существуетъ не мало элементовъ, поступающихъ также. Тамъ, гдѣ обыкновенно живутъ на пищѣ святого Антонія, тамъ культурный человѣкъ не думаетъ о завтрашнемъ днѣ и сѣдаетъ то, что Богъ послалъ. У всѣхъ остальныхъ, болѣе развитыхъ культурныхъ народовъ такъ же, какъ и у насъ, существуетъ наклонность къ заботливости, только не всегда она проводится въ жизнь съ одинаковымъ результатомъ. Всѣ арктическіе народы знатоки по части консервированія, какъ говоритъ А. Биханъ въ своей интересной книгѣ „Полярные народы“ (Лейпцигъ 1909) ¹⁾. Женщины чукчей дѣлаютъ студень изъ губъ и морды моржа; другіе народы сѣвера дѣлаютъ шорэ изъ всевозможныхъ ягодъ. Тамъ вездѣ замораживаютъ мясо и рыбу и сѣдаютъ эти запасы въ продолженіе долгой зимы; кромѣ того, здѣсь много сортовъ пищи сушатъ на воздухѣ и на огнѣ. Самоѣды зашиваютъ сушеныхъ гусей въ кожу лосося; остяки укладываютъ сушеную и немного проваренную рыбу въ посудины изъ бересты, въ желудки сѣверныхъ оленей и въ мѣшки изъ кожи осетровъ. Почти всѣ народы, наконецъ, сушатъ и ягоды и корни, сладкія травы и другія растенія на зиму. Чрезвычайно распространено также искусство консервировать пищу броженіемъ и копченіемъ; рыбу зарываютъ въ землю и до тѣхъ поръ держать ее тамъ, пока она не начнетъ разлагаться; на Аляскѣ можно слышать этотъ запахъ разложенія за нѣсколько миль. Въ сѣверной Азіи первое мѣсто среди копченыхъ консервовъ занимаетъ колбаса. Коряки готовятъ подобныя деликатесы изъ крови, жира и экскрементовъ сѣвернаго оленя, набиваютъ ими желудокъ того же животнаго и даютъ имъ тамъ подбродить, а затѣмъ уже коптятъ. Чукчи употребляютъ копченую колбасу изъ крови тюленя, а лапландцы варятъ колбасу изъ желудковъ сѣверныхъ оленей, наполненныхъ кровью и ягодами. Самоѣды, наконецъ, лакомятся колбасами изъ рыбьей

¹⁾ А. Byhan. Die Polarkölker.

кожи, наполненной гусинымъ саломъ, оленьимъ жиромъ, или жирными бѣлками и спинками лососей.

Это—все, что угодно, только не недостатокъ заботливости. Но и эти разнообразныя мѣропріятія далеко не всегда гарантируютъ жителя крайняго сѣвера отъ голода и нужды. Во-первыхъ, эта жирная пища чрезвычайно легко переваривается въ полярномъ климатѣ, а во-вторыхъ, и обменъ веществъ тамъ чрезвычайно быстръ. И европейскіе путешественники убѣждаются на собственномъ примѣрѣ, что послѣ сытнѣйшаго обѣда уже скоро наступаетъ сильнѣйшій аппетитъ. Съ туземцами дѣло обстоитъ не иначе, такъ что весьма возможно, что ихъ запасы при постоянномъ аппетитѣ семьи поѣдаются гораздо ранѣе, чѣмъ это было разсчитано.

Такъ же легко объяснима и кажущаяся беззаботность негра, если перейти къ примѣру изъ жизни подъ тропиками. Всякій, кто проѣзжаетъ по полямъ Африки спустя нѣсколько недѣль послѣ жатвы, увидитъ сѣверя съ удивленіемъ, а затѣмъ съ неудовольствіемъ, какъ все населеніе забавляется громадными пиршествами, въ которыхъ принимаютъ участіе и старыя, и малыя, и мужчины, и женщины. Само собой понятно, что производство огромной массы напитковъ требуетъ большей части послѣдней жатвы—такъ, напр., даже въ небольшой хижинѣ при пиршествахъ по поводу совершеннолѣтія (къ западу отъ плоскогорія Макондэ на югѣ нѣмецкой Восточной Африки) насчитывались дюжинами большія кружки густого пшеничнаго пива. Какъ разъ это обстоятельство послужило главнымъ основаніемъ для мнѣнія, почему и негра стали считать близорукимъ и беззаботнымъ существомъ. Однако, слѣдующія указанія говорятъ намъ, что онъ не заслуживаетъ этого двойного порицанія и что дѣйствія его, весьма пріятныя въ общемъ для участниковъ продолжительнаго веселаго пира, основываются на совершенно иныхъ побужденіяхъ.

Тамъ, гдѣ африканецъ обрабатываетъ землю,—а онъ является преимущественно земледѣльцемъ за исключеніемъ племени динка, нуеръ и бари въ верхнемъ теченіи Нила, племени вахума въ межозерной области, кромѣ сомалійцевъ и галласовъ на Сомалійскомъ полуостровѣ, массан и родственныхъ имъ племенъ въ британской и нѣмецкой юго-западной Африкѣ, тамъ онъ всегда строитъ свои кладовыя и сараи. У кафровъ, которые на ряду со скотоводствомъ, которое для нихъ важнѣе, занимаются отчасти и земледѣліемъ,

эти кладовыя строятся въ формѣ громаднѣхъ горшковъ изъ глины и остатковъ соломы или мякины. Однѣ изъ нихъ, построенныя на скорую руку, употребляются для временнаго сохраненія сноповъ на поляхъ, другія же, выполненныя съ большею заботливостію, служатъ хранилищемъ вымолоченнаго зерна и ставятся въ хижинахъ крааля или же подъ особенными крышами. Эта форма сосуда сохраняется также и у остальныхъ негровъ, только матеріалъ ихъ мѣняется въ томъ смыслѣ, что иногда для этой цѣли употребляется длинная соломенная веревка, завернутая спиралью къверху и поддерживаемая вертикальными палками. Полученныя, такимъ образомъ, стѣнки сосуда обмазываютъ и съ внутренней и съ наружной стороны глиной. Кромѣ того, основой для стѣнъ этихъ сосудовъ служатъ и плетенія изъ бамбуковыхъ драпокъ или изъ другого плотнаго матеріала. Эти громадныя вмѣстилища для зерна стоятъ, обыкновенно, на свайныхъ помостахъ, для защиты отъ наводненій и грызуновъ, и содержимое ихъ сохраняется, такимъ образомъ, вполне безукоризненно и сверху и снизу отъ различныхъ случайностей. Къ сожалѣнію, однако, эти сосуды не могутъ защитить зерна отъ дѣйствія сырого воздуха во время періода тропическихъ дождей. Какъ и европейцу, занимающемуся тамъ обработкой хлѣбовъ, не удалось сохранить зерно зимой, т. е., въ продолженіе періода дождей безъ плѣсени или проростанія, такъ и всѣ предосторожности негра не приводятъ ни къ чему въ этомъ отношеніи. Это негры сознали путемъ долгихъ опытовъ, и потому не чудо, что они предпочитаютъ пользоваться и наслаждаться своей собственностью, которая имъ далась не легко.

Упрекъ, который дѣлали такъ часто и охотно первобытныя народы за ихъ близорукое и безсмысленное уничтоженіе растительнаго и животнаго царства, также оказывается не вполне справедливымъ. Кто послужилъ причиной исчезновенія обширныхъ нѣкогда стадъ антилопъ въ Африкѣ? Кто уничтожилъ сѣверо-американскихъ бизоновъ? Кто будетъ виновникомъ того, что слоны въ скоромъ времени будутъ встрѣчаться только лишь въ зоологическихъ садахъ? Кто побудилъ туземцевъ тропическихъ первобытныхъ лѣсовъ къ опустошенію богатыхъ каучуковыхъ лѣсовъ? Отвѣтъ одинъ на все — бѣлый человѣкъ. Также и тамъ, гдѣ онъ, какъ въ Америкѣ, ввелъ въ употребленіе среди индѣйцевъ лошадь, или ружье, какъ это мы видимъ среди большинства перво-

бытныхъ народовъ,—тамъ онъ непосредственно виновенъ въ настоящемъ уничтожающемъ хищническомъ хозяйствѣ, появленіе котораго всегда сопровождалось присутствіемъ европейца въ нетронутыхъ еще областяхъ новыхъ странъ. Плохо вооруженный дикарь до прихода европейца не могъ уничтожить животныхъ своей родины; мерзкій же темнокожій охотникъ настоящаго времени, снабженный огнестрѣльнымъ оружіемъ, опустошаетъ ряды животныхъ такъ же, какъ и призывные стрѣлки бѣлой расы, вооруженные оружіемъ центрального боя.

Общимъ достояніемъ прежней этнографической литературы является постоянное повтореніе слова „лѣньность“ о первобытныхъ народахъ. Только женщина будто работаетъ, изнуряетъ себя непосильнымъ трудомъ, тогда какъ мужчина спокойно лежитъ себѣ и ничего не дѣлаетъ. Это воззрѣніе требуетъ также нѣкотораго поясненія. Дикарь, несомнѣнно, дѣлаетъ только самое необходимое и то лишь въ послѣднюю минуту. Однако, и въ цивилизованной Европѣ есть люди, поступающіе не многимъ иначе. Это откладываніе работы до послѣдняго момента и послужило, по всей вѣроятности, причиной для появленія мнѣнія о лѣнности дикихъ народовъ. Въ дѣйствительности же земледѣлецъ среди дикарей собственно всегда занятъ, такъ какъ уже недостатокъ въ усовершенствованномъ орудіи заставляетъ его трудиться при копаніи, рытьѣ, чисткѣ, покосѣ и пр., а также при постройкѣ жилья и при многихъ другихъ приспособленіяхъ дольше, чѣмъ это требуется для стоящаго выше его въ техническомъ отношеніи европейца. У народовъ-сборателей и охотниковъ несовершенство техническихъ пріемовъ, несомнѣнно, болѣе утомляетъ тѣло, чѣмъ девяти- или десяти- часовая работа на нашихъ заводахъ и фабрикахъ. Такимъ образомъ, продолжительный отдыхъ этой категоріи людей является необходимымъ вслѣдствіе большой, подчасъ невѣроятной, затраты тѣлесныхъ силъ. Что значить выслѣживать звѣря днемъ въ раскаленную тропическую жару по горячему песку Калахари, можно легко себѣ представить изъ живого описанія жизни бушменовъ въ книгѣ Пассарге ¹⁾. Легко понять также, что эти бѣдные существа ѣдятъ до полнаго пресыщенія и идутъ на охоту только тогда, когда ихъ снова томитъ голодъ. Въ одномъ только

¹⁾ S. Passarge, „Die Buschmänner der Kalahari“. A. a. O.

отношеніи первобытные народы думаютъ и дѣйствуютъ иначе, чѣмъ мы: никто изъ нихъ не имѣетъ понятія о выдержкѣ. Какъ мы увидимъ далѣе, всякая работа произошла изъ забавы; дикарь понимаетъ работу еще и теперь, можно сказать, какъ забаву, всегда доволенъ и веселъ при всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Веселъ и полинезѣецъ, и негръ въ своей райской беззаботности о днѣ грядущемъ. Даже и теперешній серьезный, почти несимистъ, индѣецъ, — особенно индѣецъ испанской Америки—былъ такимъ же беззаботнымъ существомъ до и даже послѣ первыхъ временъ открытія Америки. Довольно трудно рѣшить, что измѣнило его характеръ,—христіанство или же вынужденная и продолжительная работа; вопросъ этотъ представляетъ значительный интересъ и достоинъ изслѣдованія.

Счастливому состоянію въ непрерывной радости, которому можно позавидовать, соответствуетъ также и слабое представление о цѣнности у этихъ первобытныхъ народовъ. Бюхеръ указываетъ на то, что дикари совершенно свободно продадутъ свою утварь и землю за малоцѣнные европейскія бездѣлушки, не представляя себѣ ясно всѣхъ послѣдствій своего поступка. Рѣшающимъ для нихъ всегда является впечатлѣніе момента, а не то, что предстоитъ впереди. Первобытный человѣкъ какъ бы не можетъ совмѣстить сразу двѣ мысли и сравнить ихъ другъ съ другомъ; онъ слѣдуетъ за тою, которая овладѣла имъ въ данный моментъ. Тѣмъ же ограниченнымъ міровоззрѣніемъ объясняется и безмѣрная жадность, овладѣвающая имъ, какъ только онъ отвѣдаетъ крови, т. е. научится понимать ту цѣну, которую бѣлый человѣкъ придаетъ своимъ вещамъ.

Несмотря на всю строгость этой оцѣнки Бюхера, многое въ ней вѣрно; прежде всего главною причиною чрезвычайно медленнаго, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и почти полного застоя развитія культуры этихъ безписьменныхъ народовъ служитъ трудность передачи по наслѣдству уже пріобрѣтенныхъ знаній. Что же касается того, что мы приписываемъ главную причину прямо-таки поразительнаго прыжка нашей собственной культуры прежде всего изобрѣтенію письма и затѣмъ уже спеціальному искусству книгопечатанія, то это является настолько признаннымъ фактомъ, что мы не считаемъ нужнымъ распространяться далѣе объ этомъ. Сначала наука была сосредоточена въ отрѣшенныхъ отъ міра монастыряхъ, теперь же она безъ труда проникла въ самые широкіе круги

общества. Какъ важенъ этотъ моментъ, давший возможность тысячѣ людей работать надъ одной и той же задачей, показываетъ намъ теперь примѣръ летательныхъ приспособлений, а также и столѣтнее прошлое паровоза и немного болѣе ранняя паровая машина. Въ области духовной культуры едва ли нужно еще указывать на эпоху возрожденія и реформацію.

При взглядѣ на немногія прошедшіе съ тѣхъ поръ сотни лѣтъ мы должны быть вполне скромными. Мы въ дѣйствительности являемся выскочками, богатство которыхъ, такъ сказать, создалось только вчера и основано при томъ по большей части на достойнѣи презрѣнныхъ первобытныхъ народовъ. Такъ, уже одно соприкосновеніе съ индѣйцами Америки доставило намъ, кромѣ картофеля, маиса, ванили и испанскаго перца цѣлую массу немаловажныхъ вкусовыхъ веществъ, какъ напримѣръ, табакъ, какао, кока и парагвайскій чай, къ которымъ въ концѣ концовъ присоединился еще и индѣйскій пѣтухъ. Всегда со вѣми предметами къ намъ пришли и ихъ названія: *cigar*, какъ и *sacai*, оказываются словами изъ рѣчи майевъ, жителей сѣверной части центральной Америки, *tabac*, *tabaco* и *hamasa* — словами изъ нарѣчія таиновъ съ Б. Антильскихъ острововъ. Изъ *hamasa* англичане сдѣлали *hammock*, изъ чего въ концѣ концовъ произошло нѣмецкое слово *Hängematte* — гамакъ. Эта полезная и пріятная вещь приспособлена, несомнѣнно, для висиія, однако, она не имѣетъ ничего общаго съ цыновкой (нѣм. *Matte*) и является лучшимъ доказательствомъ того, что его современное названіе основано на недоразумѣніи и есть испорченное иностранное слово.

Изъ всего этого видно, что первобытные народы совсѣмъ ужъ не такъ бѣдны, чтобы не могли уступить даже богатому бѣлому человѣку кое-что изъ своего достоянія. Число этихъ даровъ было бы, несомнѣнно, болѣе, если бы развитію первобытныхъ народовъ не мѣшала рядъ дальнѣйшихъ препятствій, которыя менѣе обращаютъ на себя вниманіе путешественника, чѣмъ общее состояніе культуры, по которой не должны быть оставлены совершенно безъ вниманія, какъ факторъ культуры, при оцѣнкѣ тѣхъ народовъ.

Почти универсальнымъ является обычай зарывать въ могилу вмѣстѣ съ покойникомъ все его имущество. По вѣрованіямъ первобытныхъ народовъ, смерть не является концомъ земного существованія, а скорѣе простымъ измѣне-

нѣмъ отношенія между тѣломъ и душой. Последняя охотнѣе всего остается вблизи прежняго жилища покойнаго и обыкновенно возвращается туда уже по привычкѣ. Поэтому изъ страха передъ опасной силой покойника, ставшаго уже неземнымъ существомъ, все богатство умершаго кладутъ къ нему въ могилу или же, желая иначе примирить его съ его судьбой, почитаютъ его и въ загробной жизни и обращаются съ нимъ, по той же причинѣ, такъ же, какъ и при жизни.

Для изслѣдованія образа жизни нашихъ древнихъ предковъ обычай этотъ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе, такъ какъ общія познанія доисторическаго періода основываются на раскопкахъ могилъ съ ихъ остатками изъ каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ. Менѣе полезенъ этотъ обычай, какъ и самое обхожденіе съ покойникомъ, для остающихся въ живыхъ. Въ хозяйственномъ отношеніи это приношеніе въ могилу мертвеца всего его оружія для нападенія и защиты, одежды и украшеній, а можетъ быть и рабовъ, его лошадей и собакъ—оказывается громаднымъ ущербомъ для наслѣдниковъ, ущербомъ, который становится еще болѣе ощутительнымъ съ присоединеніемъ постоянныхъ и ежедневныхъ приношеній въ видѣ пищи и вѣды на могилѣ усопшаго. Иногда покидаются даже цѣлыя хижины или даже резиденціи (напр., у владѣтелей) покойнаго—все изъ того же чувства страха передъ волшебной силой мертвеца. Въ знаменитомъ царствѣ Лунда Муата Ямвы, въ южной части области Конго, столица умершаго повелителя была покинута и перенесена въ новую, только что основанную резиденцію. Также и въ древнемъ Перу новый Инка забиралъ навсегда всѣ замки и дворцы своего предшественника.

И система продолжительнаго оплакиванія мертвеца не способствуетъ прогрессу, хотя она и не достигаетъ въ этомъ отношеніи тѣхъ ужасныхъ человѣческихъ гекатомбъ западно-африканскихъ государствъ Ашанти и Дагоме, гдѣ при смерти повелителя убиваютъ не менѣе 2000, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и до 10000 человѣкъ, которые, по мѣстнымъ вѣрваніямъ, должны служить царю въ его загробной жизни. Тамъ и при многихъ другихъ обстоятельствахъ убиваютъ цѣлыя массы военнопленныхъ рабовъ для того, чтобы доказать предкамъ благотворную дѣятельность царствующаго тирана. Хозяйственная жизнь обихъ этихъ государствъ, вслѣдствіе этихъ болѣе чѣмъ удивительныхъ лояльных по-

нятій была совершенно разорена и почти лишилась своего населенія, когда ихъ новые владѣтели, Англія и Франція, не прекратили эту бойню. Китайцы и японцы, которые нѣкогда также посылали въ загробный міръ вмѣстѣ съ умершимъ княземъ цѣлую толпу его слугъ и лошадей, закапывая несчастныхъ до опредѣленной высоты подобно живой изгороди въ могильную насыпь, для того чтобы они умерли въ этомъ положеніи, официально прекратили этотъ обычай лишь въ первомъ столѣтіи нашего счисленія; однако, еще въ началѣ 17 столѣтія великій узурпаторъ Іеясу долженъ былъ запретить военному сословію самураевъ убивать себя на могилѣ своихъ владыкъ. Даже попытка замѣнить человѣческую жертву глиняными изображеніями, предложенная императоромъ Суининомъ въ 3 году послѣ Р. Х., не привела къ желательнымъ результатамъ.

Не на пользу хозяйства развилась и религія съ ея извращеніями. Такъ какъ, по вѣрованіямъ первобытныхъ народовъ, ни одинъ смертный случай не является естественнымъ, а оказывается слѣдствіемъ колдовства другого человѣка, то необходимо, по ихъ понятіямъ, уничтожить виновника смерти. Въ западной Африкѣ заставляютъ убійцу или только подозрѣваемого въ убійствѣ ѣсть такъ наз. кашка или эллонъ, т. е. кашу изъ ядовитыхъ корней, отъ которой въ продолженіе года погибаютъ сотни людей,—это, конечно, громадная потеря для рѣдкаго населенія.

V. Путь къ работѣ.

Эта глава дастъ краткое обзорѣніе наиболѣе выдающихся древнихъ чертъ въ жизни первобытныхъ народовъ. На нихъ профессоръ Бюхеръ прежде всего основываетъ свое безусловное отрицаніе существованія настоящаго хозяйства у этихъ народовъ. Онъ приписываетъ имъ только лишь индивидуальное отыскиваніе пищи; кромѣ этого, у нихъ нѣтъ ничего, что могло бы казаться настоящимъ хозяйствомъ съ его, уже описанной нами выше, точки зрѣнія общественной и предусмотрительной заботливости. Если вычеркнуть изъ обихода веддовъ и бушменовъ огонь, лукъ и стрѣлы, то ихъ образъ жизни ничѣмъ не будетъ отличаться отъ образа жизни животнаго, которое быстро сходится и расходится съ себѣ подобными, смотря по тому, насколько удобно пастбище или мѣсто охоты. Во всякомъ случаѣ временное соединеніе ди-

каря съ его соплеменниками не облегчаетъ существованіи ни одному изъ низшихъ первобытныхъ народовъ.

Бюхеръ исходитъ при этомъ изъ индивидуальнаго отысканія пропитанія и старается прослѣдить далѣе весь путь развитія хозяйства вплоть до появленія хозяйства въ настоящемъ его смыслѣ. За исключеніемъ уже цитированной работы „Происхожденіе народнаго хозяйства“ ¹⁾, Бюхеръ занимается этимъ вопросомъ прежде всего въ прекрасномъ трудѣ, „Работа и ритмъ“ ²⁾, которая дастъ несомнѣнно больше свѣдѣній о начальныхъ стадіяхъ человѣческой культуры, чѣмъ это можно было ожидать по своеобразному заглавію.

Громадной заслугой современнаго народовѣдѣнія является указаніе, что первобытные народы отнюдь не являются исключительными разбойниками и охотниками на рабовъ, а въ остальномъ неисправимыми лѣнтяями, какъ это думали въ прежнія менѣе освѣдомленныя времена. Всѣ они работаютъ, хотя и не по расписанію, какъ наша прославленная высшая культура, а только тогда, когда это становится необходимымъ, или если это имъ пріятно. Однако, всякій дикарь чувствуетъ себя при этомъ прекрасно и не требуетъ ничего лучшаго и вышшаго. Въ противоположность нашей работѣ изъ-за заработка здѣсь можетъ быть рѣчь только о работѣ ради удовлетворенія необходимыхъ потребностей, которая никакъ не считается непріятнымъ бременемъ, но принимается и проводится, дѣйствительно, съ удовольствіемъ и наслажденіемъ. И это удовольствіе въ работѣ продолжаетъ господствовать, несмотря на цѣлый рядъ моментовъ, которые быстро отравили бы всякое желаніе къ работѣ въ каждомъ изъ насъ.

Одной изъ этихъ первыхъ затрудняющихъ причинъ является полное несовершенство орудій техники. Съ какимъ трудомъ изготовлялись относительно простая утварь и оружіе древняго каменнаго вѣка при помощи того же камня, кости и дерева! Какая колоссальная работа затрачивалась на изготовленіе каждой чаши, каждой скамейки и маски, которыя первобытный человѣкъ долженъ былъ вырѣзать изъ цѣлаго дерева безъ какихъ-либо специальныхъ вспомогательныхъ инструментовъ, за исключеніемъ простого, часто даже не желѣзнаго а костяного или раковиннаго ножа! Какое, наконецъ, терпѣ-

¹⁾ Bücher. Entstehung der Volkswirtschaft.

²⁾ Bücher. Arbeit und Rhythmus, 4 изд., Leipzig und Berlin.

ние требуется для того, чтобы изготовлять прекрасныя тонкія ткани изъ волокна пальмы *Raphia* въ южной части бассейна Конго, ткани, сплетенныя изъ тончайшихъ волоконъ рафин и шелка, такъ наз., „ламбы“ Мадагаскара, малайскіе саронги, удивительно тонкія полосы тканей каролинцевъ и сплетенныя изъ новозеландскаго льна покрывала и накидки маори; какой трудъ требуется для изготовленія всего этого на простомъ станкѣ, который мы совершенно неправильно называемъ ткацкимъ станкомъ; этотъ станокъ представляетъ собою въ дѣйствительности лишь простое приспособленіе для плетенія, нѣсколько облегчающее эту технику. Среди насъ, сыновъ высокой культуры, превращающихся все болѣе и болѣе въ комокъ нервовъ, не нашелся бы ни одинъ человекъ, который рѣшился бы на такое мѣсячное испытаніе терпѣнія: на изготовленіе одной подобной ткани требуется нѣсколько мѣсяцевъ неустанной работы.

Еще болѣе поразительна чрезвычайная сложность всѣхъ примѣовъ, при помощи которыхъ первобытныя народы превращаютъ сырые матеріалы въ свои фабрикаты, если можно такъ выразиться. Цѣлый рядъ отдѣльныхъ необозримыхъ примѣовъ ведетъ отъ посѣва хлѣба до приема готовой пищи: выкорчевываніе первобытнаго лѣса при помощи недостаточныхъ вспомогательныхъ средствъ, огнемъ и топоромъ, очистка и вскапываніе почвы простой мотыкой, посѣвъ зерна въ отдѣльныя углубленія въ землѣ, постоянное наблюденіе и уничтоженіе сорной травы, особенно богатой въ тропикахъ; наконецъ, такая же кропотливая жатва зрѣлаго хлѣба и чрезвычайно затруднительная для всѣхъ первобытныхъ народовъ молотба. Таково производство! Но обработка готоваго едва ли болѣе проста и легка. Вылущиваніе, очистка и превращеніе зерна въ муку требуетъ такъ много времени, что этимъ серьезно объясняютъ введеніе многоженства у всѣхъ первобытныхъ земледѣльческихъ народовъ; во всякомъ случаѣ этимъ же объясняется, въ связи съ трудностью процесса пряденія и тканья, появленіе громаднаго количества служанокъ у культурныхъ народовъ прежняго времени, подобно тому какъ объясняется и постоянная работа всего женскаго населенія современныхъ негрскихъ деревень.

А затѣмъ печеніе и варка. Въ испанской Америкѣ въ каждомъ хозяйствѣ существуетъ такъ наз. тортильера или служанка, обязанность которой заключается лишь въ одномъ изготовленіи мѣстныхъ майсовыхъ лепешекъ, или тортилья;

какъ много времени отнимаетъ даже этотъ заключительный актъ болѣе мелкой заботы о пропитаніи! Приготовление и обезвреживаніе ядовитой отъ природы маниоки въ Южной Америкѣ требуетъ настоящей науки, настолько сложенъ этотъ процессъ во всей своей совокупности; конопля и ленъ также требуютъ не менѣе двадцати различныхъ примовъ обработки до превращенія ихъ въ пригодный матеріалъ.

Ко всему этому присоединяется еще третій моментъ — художественный вкусъ большинства первобытныхъ народовъ. Достаточно осмотра большого этнографическаго музея, чтобы составить себѣ болѣе или менѣе ясное представленіе о проявленіи и распространеніи этого художественнаго вкуса. Здѣсь совершенно достаточно того указанія, что ни одинъ предметъ этихъ дѣтей природы не остается совершенно простымъ и не разукрашеннымъ какимъ-либо художественнымъ изображеніемъ; при этомъ опредѣленныя группы народовъ прямо-таки упиваются, разукрашивая всѣ свои вещи. Къ такимъ народамъ относятся всѣ жители Тихаго океана и прежде всего Меланезіи и Новой Зеландіи, Малайскаго Архипелага, и сѣверо-западной части Сѣверной Америки, нѣкоторыхъ частей центральной Южной Америки и Западной Африки. Даже и зачуханныя гипперборейцы умѣютъ красиво выразить свою потребность къ украшеніямъ.

Откуда это происходитъ, становится легко объяснимымъ, если принять во вниманіе отношеніе всѣхъ этихъ разукрашенныхъ вещей къ ихъ владѣльцу, или если обратить вниманіе на отношеніе самого владѣтеля съ его татуированнымъ тѣломъ къ его соплеменникамъ женскаго или мужскаго пола. Въ „Элементахъ человѣческой культуры“ мы уже познакомились съ первичнымъ мотивомъ украшенія, представляющимъ какъ бы стремленіе къ индивидуализаціи и выдѣленію украшеннаго изъ общей массы. Индивидуальна также и каждая утварь, каждое оружіе первобытнаго человѣка; такъ какъ каждый дикарь самъ изготовляетъ свою собственность, то онъ несомнѣнно вкладываетъ въ нее частичку своего собственнаго „я“ и старается добыть себѣ своей работой столько чести, сколько онъ только можетъ; а такъ какъ понятіе о времени еще не играетъ никакой роли у этихъ счастливецъ, то художникъ и работаетъ надъ своею вещью, сколько ему вздумается. Дѣйствительно, этихъ дикарей слѣдуетъ считать счастливыми, исходя изъ точки зрѣнія ихъ способа работы. Что соединяетъ нашего

ремесленника, не говоря уже о фабрикантѣ, съ произведеніемъ его рукъ? Изъ 100 случаевъ онъ 90 разъ не узнаетъ даже, въ чьи руки попадетъ его лучшее произведеніе. Совершенно равнодушно кончаетъ онъ поэтому одно, и такъ же равнодушно принимается за другое. Только немногія счастливыя призванія еще сохранили связь автора съ своимъ произведеніемъ въ этой пустынѣ, лишенной индивидуальности, — сюда относятся работники мысли, поэты, художники и ученые, на произведеніяхъ которыхъ значится ихъ имя; всѣ они еще, дѣйствительно, стоятъ во главѣ человѣчества. Тѣмъ болѣе удивительно то, что какъ разъ ихъ отношеніе къ современникамъ и будущему поколѣнію находится въ томъ же положеніи, какъ и у любого дикаря, находящагося на самыхъ низкихъ стадіяхъ развитія.

Къ сожалѣнію, однако, и у первобытныхъ народовъ это преимущество наслажденія при работѣ относится только къ предметамъ болѣе долговѣчнымъ, а не распроетраняется на многочисленные предметы ежедневнаго обихода; въ данномъ случаѣ и жизнерадостный туземецъ Новой Зеландіи, и любитель красокъ — житель сѣверо-западной Америки работаетъ, повинаясь давленію нужды, а не собственному побужденію.

Такъ, значитъ, по крайней мѣрѣ, въ этомъ случаѣ онъ работаетъ съ неудовольствіемъ и отвращеніемъ? Бюхеръ ищетъ и находитъ отвѣтъ на этотъ вопросъ при взглядѣ на нашихъ дѣтей; такъ же, какъ и они постоянно стремятся быть чѣмъ нибудь занятыми и устаютъ при каждой попыткѣ продолжительнаго принужденія къ работѣ, такъ дѣло обстоитъ и съ большими дѣтьми человѣчества, съ первобытными народами; и они неспособны ни къ какой систематической, продолжительной работѣ. Но какъ каждый ребенокъ, съ другой стороны, занимается съ наслажденіемъ въ продолженіи многихъ часовъ до тѣхъ поръ, пока можетъ прилавать своему занятію характеръ игры, такъ и первобытный человѣкъ охотно работаетъ надъ такой работой, несмотря на то, что у него нѣтъ склонности ни къ искусству, ни какому-либо другому возвышенному взгляду, потому что онъ просто привыкъ съ давнихъ временъ смотрѣть на свои занятія, какъ на игру. Такъ, негръ танцуетъ съ удивительной выносливостью, подъ монотонный, хотя и въ высшей степени возбуждающій звукъ своего барабана; играя, обрабатываетъ онъ и свое поле подъ тактъ того же инструмента или подъ звуки пѣсни.

Однако, къ этому слѣдуетъ добавить еще важный моментъ

именно ритмъ. Всѣ мы знаемъ воодушевляющее дѣйствіе звуковъ походной пѣсни и военной музыки, ритмическіе звуки которой придаютъ силу утомленнымъ ногамъ гренадеровъ; не безызвѣстны намъ также и рѣзко выдѣляющіеся звуки „пинкъ, пинкъ, пинкъ“ нашихъ каменщиковъ на большихъ городскихъ улицахъ: эти звуки помогаютъ своимъ тактомъ подымать тяжелыя трамбовки; все это хорошо извѣстно каждому уличному мальчишкѣ. Мы знаемъ также и вліяніе тактовъ удара цѣпа, ударовъ кузнеца, гребцовъ, однимъ словомъ всѣхъ работающихъ людей, которымъ важно достичь съ незначительной затратой силы по возможности значительныхъ результатовъ работы.

Ритмъ является на самомъ дѣлѣ психической экономіей труда. При помощи его сознательное движеніе превращается въ чисто механическое, автоматическое, которое почти не требуетъ мускульной работы, а скорѣе приучаетъ человѣка продолжать движенія безъ особаго дальнѣйшаго дѣйствія воли.

Въ нѣдрахъ человѣчества соединяются такимъ образомъ въ одно цѣлое и забава и ритмъ, чтобы указать народамъ, стоящимъ на низкихъ ступеняхъ развитія путь къ работѣ и сдѣлать послѣднюю пріятной при исполненіи. Еще и теперь для негра совершенно невозможно тащить телѣгу съ другими людьми, грести на лодкѣ, передвигать тяжесть безъ пѣсни или ритмическихъ выкриковъ. Интеллигентные владетели Западной и Восточной Африки приказываютъ своимъ подданнымъ исполнять даже полевыя работы подъ звуки музыки. Такъ, Нгилла, глава племени тибати въ западномъ Камерунѣ заставлялъ своихъ людей вскапывать землю по 100 человѣкъ вмѣстѣ подъ тактъ барабана; позади этихъ рабочихъ подъ тотъ же тактъ шли сѣятели и разсѣвали сѣмена по полю, вынимая ихъ изъ подвѣшенныхъ сосудовъ. Почти то же самое рассказываютъ и про малайцевъ.

Въ своей книгѣ „Работа и ритмъ“ Бюхеръ приводитъ намъ сотни примѣровъ подобнаго рода. Во всей своей совокупности они ясно показываютъ, что забава, несомнѣнно, старше работы, и что она является, такъ сказать, ея матерью, тогда какъ ритмъ былъ какъ бы ея воспріимникомъ. Основой и исходнымъ пунктомъ каждой работы является повсюду забава или игра въ работу подъ танцы, смѣхъ и пѣсни, которые производятъ пріятное впечатлѣніе въ отличіе отъ унылой серьезности и твердаго сознанія долга че-

ловѣка высшей культуры. Эта забава всегда сопровождается ритмомъ, который по своей универсальности долженъ прямо-таки считаться исходной точкой природныхъ потребностей человѣка и одновременно съ этимъ предтечей и непремѣннымъ условіемъ каждой продолжительной физической работы.

VI. Раздѣленіе труда.

Въ каждой колоссальной фабрикѣ, при современномъ развитіи нашей промышленности, работа постоянно находится въ полномъ ходу; тысячи машинъ двигаются и скрипятъ, безчисленное количество рукъ находится въ безостановочномъ движеніи. Однако, какъ ужасно односторонни эти движенія! Извѣстный рассказъ рабочаго, который всю свою жизнь совершаетъ только одно единственное движеніе рукой, можетъ быть и является преувеличеніемъ, однако, служить хорошимъ опредѣленіемъ нашего современного способа работы и недалекъ отъ истины.

О первобытныхъ людяхъ еще недавно думали совершенно обратное; среди нихъ каждый человѣкъ былъ самъ себѣ господиномъ во всѣхъ отношеніяхъ; каждый работалъ только для себя и каждый былъ въ состояніи удовлетворить всѣ свои потребности собственными средствами. Теперь, однако, мы знаемъ, что и это представленіе не соответствуетъ дѣйствительности, и что нѣкоторое раздѣленіе труда существовало уже съ незапамятныхъ временъ.

Однако, это раздѣленіе труда выражалось совершенно въ иной формѣ, чѣмъ въ болѣе поздніе періоды. Въ то время какъ у насъ мужчина одинъ зарабатывалъ средства къ существованію до появленія современного женскаго труда, да и послѣ его появленія остался еще болѣе существеннымъ работникомъ, женщина же занимается лишь употребленіемъ этихъ средствъ въ дѣло, т. е. говоря попросту, тратитъ деньги, заработанные мужчиной,—у большинства первобытныхъ народовъ, наоборотъ, оба пола оказываются работниками. У нихъ женщина добываетъ растительную пищу, тогда какъ мужчина занимается охотой и рыбной ловлей, или же считаетъ своимъ особеннымъ правомъ пасти и доить скотъ. Это раздѣленіе труда между обоими полами существовало уже, какъ сказано, въ самомъ далекомъ прошломъ человѣчества; оно начинается несомнѣнно съ того важнаго момента, когда человѣкъ познакомился съ огнемъ и долженъ былъ заботливо охра-

пять его по тѣмъ причинамъ, которыя были нами описаны въ „Культурѣ безкультурныхъ народовъ“. Хранительницей новаго приобрѣтенія была менѣ подвижная женщина; изъ того навѣса—щита, который она устроила вокругъ огня, развился нашъ современный домъ; изъ того слоя глины, которымъ она обкладывала сосудъ съ водой, чтобы сдѣлать его болѣе плотнымъ или предохранить отъ сгоранія, развилась вся наша современная глиняная утварь; изъ тѣхъ немногочисленныхъ злаковъ или кусочковъ корней, которые она по какимъ-либо причинамъ, не выдернула изъ земли (можетъ быть потому, что была сыта и сознательно или безсознательно оставила въ покоѣ), или же намѣренно или не-намѣренно закопала обратно въ землю,—возникло культивированіе громаднаго числа полезныхъ растений, являющихся теперь существенной поддержкой жизни болѣе чѣмъ 1600 милліоновъ людей. За этотъ ходъ развитія говоритъ еще обстоятельство, наблюдаемое у современныхъ первобытныхъ народовъ, по которому обжиганіе и изготовленіе глиняной посуды еще вполнѣ, а постройка домовъ и земледѣліе въ большей своей части находятся въ рукахъ женщины. При постройкѣ жилища, несмотря на то, что мужчины уже захватили въ свои руки постройку остова дома, женщинѣ все-таки еще принадлежитъ полное право обмазывать стѣны глиной и известью, тогда какъ при полевыхъ работахъ ей предоставлена еще работа по очисткѣ посѣвовъ отъ сорныхъ растений. Послѣднимъ отзвукомъ этого первобытнаго раздѣленія труда является у насъ уходъ за садомъ или балкономъ, служащимъ замѣной перваго въ большихъ городахъ, все еще оставленный въ рукахъ женщины. Съ введеніемъ плуга мужчина отнялъ у женщины обработку поля, а съ появленіемъ гончарнаго круга у нея было отнято и гончарство. Раздѣленіе труда между обоими полами имѣетъ еще и другія послѣдствія, которыя также легко объяснить первичнымъ различіемъ между мужчиной—охотникомъ и женщиной—собирательницей. Въ Африкѣ, Океаніи и Америкѣ мужъ и жена не ѣдятъ вмѣстѣ, у племенъ, обитающихъ вдоль Шингу и Арагуа въ южномъ бассейнѣ Амазонки даже каждый членъ племени ѣстъ одинъ. Въ этомъ случаѣ можно легко подумать объ эгоизмѣ, какъ побудительной причинѣ, которая намъ бросается въ глаза при взглядѣ даже на собаку и другихъ животныхъ; однако, этому противорѣчитъ обычный коммунизмъ этихъ

народовъ, который принуждаетъ каждого дѣлиться своей добычей съ сосѣдомъ. Въ дѣйствительности же мы должны искать побудительную причину въ страхѣ первобытнаго человека передъ колдовствомъ соплеменниковъ. Онъ боится проглотить вмѣстѣ съ кускомъ пищи волшебное дѣйствіе соплеменника, особенно соплеменницы.

На этомъ раздѣленіи труда основаны также многія особенности жизни въ жилищахъ этихъ народовъ.

При взглядѣ на общественную жизнь первобытныхъ народовъ мы легко обнаружимъ, что мужчины очень охотно остаются въ мужскомъ обществѣ, при чемъ во многихъ мѣстахъ, какъ женатые мужчины, такъ и юноши и мальчики живутъ въ особыхъ общежитіяхъ; по той же склонности они дѣлятся на опредѣленные возрастные классы и основываютъ даже клубы и тайные союзы. Нетрудно узнать во всемъ этомъ опять-таки древнее раздѣленіе половъ. Съ другой стороны, изъ этихъ чертъ ясно выступаетъ древняя роль женщины—единственной хранительницы огня, какъ это, напримеръ, видно въ Южной Африкѣ. Тамъ, гдѣ мужчина живетъ замкнуто, съ цѣлой толпой своихъ женъ, какъ напр., въ краалѣ готтентотовъ и кафровъ, тамъ еще и теперь каждая женщина имѣетъ свою собственную хижину, свой собственный очагъ и свое собственное мѣсто для гончарныхъ работъ. Мой другъ Матола, вождь яо въ южной части нѣмецкой Восточной Африки, объяснялъ мнѣ съ тонкой улыбкой, что его шесть женъ живутъ такъ далеко другъ отъ друга въ своихъ особенныхъ домахъ для того, чтобы пять остальныхъ женъ не знали, которую изъ шести онъ какъ разъ почититъ своимъ посѣщеніемъ, и не дѣлали бы ему непріятныхъ сценъ ревности; однако, здѣсь корень этого обычая лежитъ несомнѣнно въ болѣе древнихъ временахъ, когда каждая женщина была хранительницей только своего очага, у котораго охотно грѣлся во время посѣщеній ея кочующій супругъ.

Такъ глубоко, слѣдовательно, коренится раздѣленіе труда между отдѣльными полами въ различныхъ направленіяхъ жизни человѣчества. Вопросъ о дальнѣйшей дифференціаціи былъ основательно изученъ и удачно разобранъ Карломъ Бюхеромъ и Генрихомъ Шурцомъ.

Широко распространенной и еще существующей у насъ формой работы оказывается такъ называемая работа по просьбѣ; обыкновенно просятъ своего сосѣда помочь въ чемъ нибудь и обѣщаютъ при этомъ оказать ему бесплатно по-

мощь со своей стороны въ случаѣ нужды. Конечно, наиболѣе пріятную форму принимаетъ эта работа, когда хозяинъ получаетъ новую партію вина и приглашаетъ своихъ пріятелей помочь ему распить ее. Подобный видъ помощи былъ еще въ ходу немного десятилѣтій тому назадъ при первой обработкѣ свѣжаго урожая льна; тогда деревенскіе парни и дѣвушки сходились въ одномъ дворѣ, и работа кипѣла при участіи множества рукъ. Теперь и крестьянинъ сдѣлался болѣе современнымъ; онъ проситъ своего сосѣда съ женой и дѣтьми помочь ему въ управленіи молотилкой, при помощи которой онъ въ одинъ мигъ вымолотитъ гораздо болѣе, чѣмъ можетъ сдѣлать простой цѣпъ недавняго прошлаго въ продолженіе цѣлыхъ недѣль и мѣсяцевъ. И покрываніе новыхъ крышъ черепицей не проходитъ еще въ деревняхъ безъ любезной помощи половины деревенской молодежи; гордо сидитъ дѣтвора на каждой третьей ступенькѣ высокой лѣстницы и важно и усердно подаетъ другъ другу черепицы, какъ будто бы и она, какъ и отцы, получить за это опредѣленное вознагражденіе.

У первобытныхъ народовъ эта работа по просьбѣ занимаетъ въ жизни гораздо болѣе видное положеніе. Негры Африки, индѣйцы Южной и Центральной Америки, жители тихоокеанскихъ острововъ, а также и низшіе представители малайцевъ не могутъ безъ помощи своихъ друзей предпринять ни корчеванья лѣса, ни установить капканы, ни устроить болѣе значительную охоту,—наконецъ, не могутъ даже построить себѣ жилища. Основной причиной этой сильно выраженной взаимопомощи является, съ одной стороны, несовершенство орудій, съ другой, пожалуй, еще болѣе важныя условія ремесла, особенно слабое развитіе или даже полное отсутствіе ремесленного сословія.

Существованіе послѣдняго вполне отрицается Бюхеромъ; по его мнѣнію, у первобытныхъ народовъ хотя и существуетъ ремесло, однако оно не является занятіемъ какого-либо опредѣленнаго сословія, а есть принадлежность цѣлаго племени. То, что подразумѣвается подъ этимъ понятіемъ, будетъ намъ вполне ясно, если мы сравнимъ наши условія съ условіями какой-нибудь одной группы дикарей. У насъ и въ деревняхъ и въ городахъ раздѣленіе ремесла таково, что одинъ доставляетъ обувь, другой одежду, и вообще для каждой потребности людей существуетъ опредѣленное ремесло: столяра, слесаря, булочника, лудильщика, кузнеца и т. д.

По прежнимъ даннымъ, и среди жителей Полинезіи существовали такія же условія жизни, и среди нихъ имѣлись особые строители лодокъ, вязальщики сѣтей, строители домовъ, татуировщики, рѣзчики палицъ и работники веревокъ, парикмахеры и повара. По мнѣнію же Бюхера, все это не соответствуетъ дѣйствительности; путешественнику бросились въ глаза лишь особенные искусники, и были имъ приняты за представителей цѣлаго сословія; въ дѣйствительности же цѣлое племя, или цѣлая область, или вся деревня занимается однимъ и тѣмъ же ремесломъ, такъ что можно говорить здѣсь о цѣлыхъ племенахъ или деревняхъ, занимающихся кузнечнымъ или гончарнымъ дѣломъ или же о цѣлыхъ областяхъ, занимающихся плетеніемъ или солевареніемъ. Основной чертой при этомъ оказывается то обстоятельство, что каждый мужчина и каждая женщина даннаго племени или деревни работаетъ въ опредѣленномъ направленіи; здѣсь говорится, слѣдовательно, не о настоящихъ сословіяхъ, а о различныхъ типахъ работъ, которые одновременно съ этимъ составляютъ существенныя составныя части каждаго собственнаго хозяйства отдѣльной семьи. При этомъ болѣе одаренные или болѣе ловкіе шли далѣе техническихъ пріемовъ, но все же не сдѣлались благодаря этому специальными ремесленниками.

Въ этомъ „племенномъ ремеслѣ“ Бюхеръ видитъ лишь господствующій принципъ хозяйственнаго развитія первобытныхъ народовъ. Въ общихъ чертахъ мы вполне согласны съ нимъ, такъ какъ „мѣстныя или групповыя ремесла“, какъ ихъ называетъ Шурцъ, дѣйствительно широко распространены. Въ Гвіанѣ, въ сѣверо-восточной части Южной Америки, согласно Имъ-Гурну, лучшими строителями лодокъ считаются индѣйцы племени варрау; они снабжаютъ всѣ сосѣднія племена своими лодками. Далѣе вглубь, индѣйцы ваніаны строятъ лучшіе челноки. Макусси завладѣли сразу монополіей на два предмета: на ужасный ядъ для стрѣлъ, такъ называемый „урали“ или „кураре“, который всѣ сосѣднія племена могутъ получать только у нихъ, и на гамаки, сдѣланные изъ хлопчатобумажныхъ витей. Тарумаи и войоваи (вай-аваи) наконецъ, являются главными поставщиками деревянныхъ терокъ, на которыхъ индѣйцы растираютъ свою кассаву, а также оказываются единственными воспитателями и дрессировщиками охотничьихъ собакъ, которыхъ они поставляютъ всѣмъ остальнымъ племенамъ. Такимъ образомъ,

каждая этнографическая единица занимается своею спеціальною, на произведенія которой она обмѣниваетъ все остальное, что она сама не производитъ, или же чего у нея недостаётъ самой.

Совершенно такъ же обстоятъ или обстояло дѣло и въ другихъ частяхъ свѣта до появленія европейцевъ, съ тѣмъ отличіемъ, что отдѣльныя ремесла были болѣе распределены по отдѣльнымъ деревнямъ и опредѣленнымъ округамъ, какъ это мы видимъ, на примѣръ, въ Африкѣ. Въ восточной Африкѣ особенно знамениты кузнецы племени васиндья, которые обитаютъ на южномъ берегу Викторіи-Ньясы, и поставляли на всю центральную часть теперешней нѣмецкой Восточной Африки цѣлую массу желѣзныхъ клинковъ, кирокъ и наконечниковъ для копій и стрѣлъ.

Солеварни увинсовъ на восточномъ берегу озера Тангапайки еще задолго до основанія на нѣмецкіе капиталы солеварни Готторпъ, удовлетворяли потребности всей озерной области, а въ дальней части Линди, у Массазы, еще и теперь каждый годъ добываются тысячи соляныхъ шаровъ изъ соляной почвы низменности и затѣмъ вывариваются для дальнѣйшей отправки. И у насъ въ Европѣ не безъ основанія отыскиваютъ наиболѣе древнія селенія, какъ и первые начатки мѣстныхъ промысловъ, по сосѣдству съ многочисленными соляными источниками.

Полное отрицаніе существованія какого бы то ни было ремесленного сословія въ нашемъ смыслѣ, конечно, невѣрно. Кузнечное искусство, гдѣ бы оно ни появлялось, еще съ самыхъ раннихъ временъ было достояніемъ совершенно опредѣленныхъ лицъ уже только потому, что для него требовались долгіе годы ученія; даже техника обработки камня въ еще болѣе ранніе періоды развитія человѣчества преимущественно и часто сосредоточивалась въ рукахъ ремесленниковъ. Среди многихъ индійскихъ племенъ изготовленіе наконечниковъ копій и стрѣлъ изъ кремня и роговика считалось работою совершенно опредѣленнаго класса людей, которые вполнѣ посвящали себя этому ремеслу и, кочуя, мѣняли свои товары на шкуры животныхъ, мясо и другія вещи, которыхъ они не изготовляли сами. На сѣверо-западномъ побережьи Сѣверной Америки Пиблакъ нашелъ совершенно такія же условія жизни, такъ какъ и здѣсь опредѣленные лица занимались различными ремеслами (постройка лодокъ, плетеніе корзинъ, дубленіе, рѣзьба по дереву и камню, рогу, кости, сланцу

и т. д.), чтобы пустить затѣмъ въ мѣновую торговлю свои произведенія. Тогда существовали даже и особыя специальности женщинъ; опредѣленные женщины считались настоящими специалистками по изготовленію различныхъ костюмовъ для танцевъ и обрядовъ и вообще всякой одежды и гамаковъ изъ коры кедра и шерсти. Въ сѣверо-западномъ Камерунѣ мы недавно обнаружили настоящихъ ремесленниковъ по изготовленію такъ наз. трубокъ-баликъ,—изящныхъ приспособленій для куренія изъ глины, мѣди или бронзы. И эти люди живутъ исключительно этой работой, они такъ же удовлетворяютъ свои потребности торговлей своими произведеніями, какъ и всѣ наши ремесленники.

Такъ обстоитъ дѣло въ большинствѣ случаевъ. По всему плоскогорію Маконде на югѣ нѣмецкихъ владѣній въ Восточной Африкѣ только немногія „фунди“ поставляли въ 1906 году хорошенькія палочки изъ чернаго дерева, украшенныя мозаикой изъ цинка, которыя тамъ вставляла въ пробуравленную лѣвую ноздрю каждая женщина, желающая отличиться чѣмъ-либо особеннымъ; и только одинъ мастеръ, жившій у западной границы этого плоскогорія, изготовлялъ красивыя пестрыя гребеночки изъ соломы, которыя тѣ же самыя красавицы дюжинами втыкали въ свои короткіе курчавые волосы. На Адмиралтейскихъ островахъ въ германскомъ Архипелагѣ Бисмарка только немногіе мужчины изготовляютъ характерное для этихъ острововъ оружіе и утварь съ острыми клинками изъ обсидіана,—вулканическаго стекла,—а на со-сѣднихъ островахъ Уединенія только одно единственное семейство въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ поставило всему населенію чрезвычайно своеобразныя деревянные головныя гребеночки, которыя мы до открытія этого обстоятельства считали за произведенія всего населенія острововъ.

Все это сильно говоритъ противъ извѣстнаго ученія Бюхера о „замкнутомъ домашнемъ хозяйствѣ“. По этому ученію, каждое хозяйство на извѣстныхъ ступеняхъ развитія можетъ само удовлетворять всѣ свои потребности безъ всякой помощи путемъ обмѣна и торговли; каждый человѣкъ самъ изготовляетъ себѣ украшенія и одежду, начиная съ сырыхъ продуктовъ до вполне готовой вещи, одинъ строитъ свой домъ и одинъ обрабатываетъ всѣ свои питательныя растенія, самъ воспитываетъ своихъ домашнихъ животныхъ, насколько вообще развитой оказывается эта отрасль хозяйства, однимъ

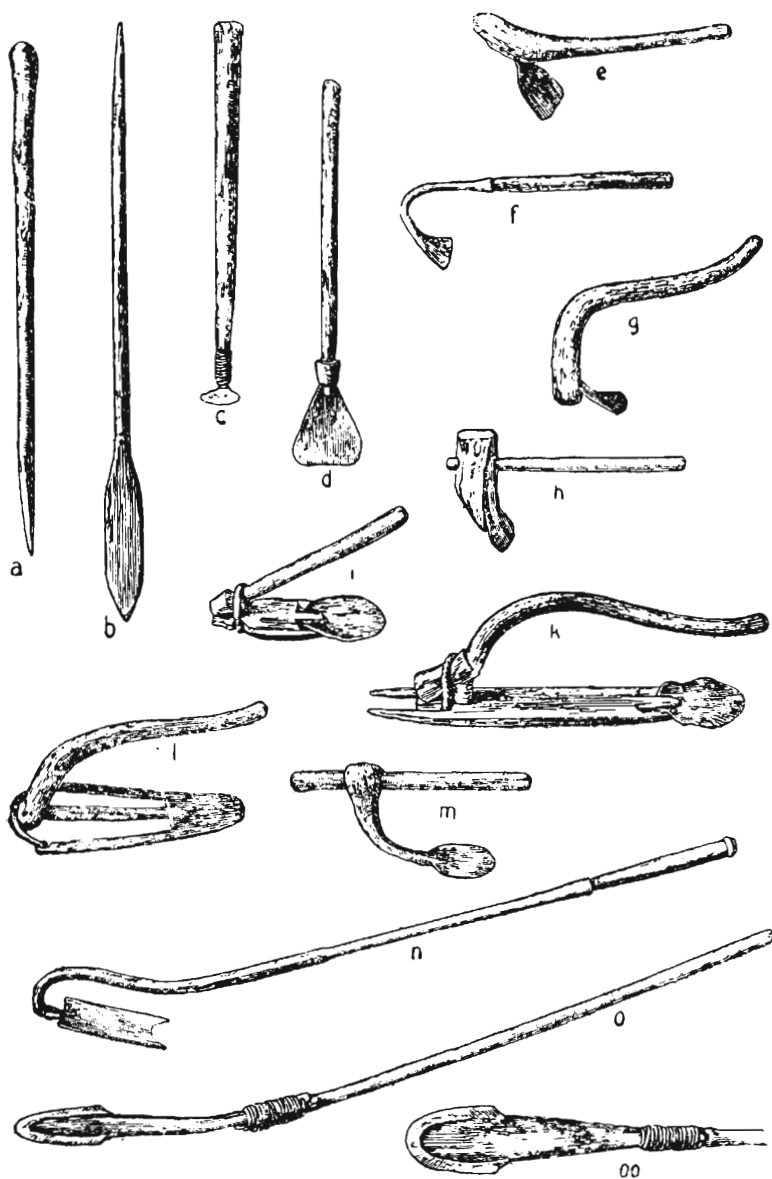

Табл. I. Палки для копания, полевые мотыжки и сошники плуга.

словомъ, онъ является совершенно независимымъ отъ внѣшняго міра въ своей продукціи и потребленіи. Понятіе о домѣ должно быть при этомъ нѣсколько расширено, такъ какъ въ этомъ случаѣ оно обнимаетъ цѣлую семью, цѣлый родъ или племя, т. е. всѣ живущія родственныя поколѣнія, которыя и хозяйничаютъ вмѣстѣ, благодаря совмѣстной жизни.

Для полнаго опроверженія этого ученія о замкнутомъ домашнемъ хозяйствѣ не хватаетъ неизвѣстныхъ до сихъ поръ случаевъ ремесленной дифференціаціи также и среди низшихъ народовъ; замкнутость мы находимъ скорѣе среди чрезвычайно цивилизованныхъ условій, чѣмъ у многихъ первобытныхъ народовъ. Самъ Бюхеръ цитируетъ описаніе хозяйственной жизни въ Корей, по которому тамъ еще съ незапамятныхъ временъ все необходимое дѣлается дома. Жены и дочери прядутъ тамъ не только коноплю, но и шелкъ, для чего во многихъ домахъ воспитываются шелкоичные черви. Глава семейства долженъ браться за все и, смотря по необходимости, изображать маляра, каменщика или столяра. Къ домашнимъ работамъ относятся также и изготовленіе водки, растительныхъ жировъ и красящихъ веществъ, изготовленіе соломенныхъ циновокъ, хижинъ и корзинъ, деревянной обуви и полевыхъ орудій. Однимъ словомъ, каждый работаетъ только для себя и для своихъ потребностей. Благодаря такимъ обстоятельствамъ каждый кореецъ оказывается универсальнымъ ремесленникомъ и можетъ найтись при всякихъ обстоятельствахъ жизни.

Въ нашихъ собственныхъ условіяхъ жизни мы уже давно перешагнули черезъ стадію замкнутого домашнего хозяйства; мы покупаемъ теперь все у специалистовъ или въ торговыхъ домахъ, и даже при составленіи приданаго забота о мѣткахъ является единственной работой, которая можетъ быть выполнена самой современной невѣстой. Наше старшее поколѣніе жило еще въ нѣсколько иныхъ условіяхъ и отличалось болѣе первобытнымъ характеромъ; тогда каждая хозяйка сама пекла хлѣбъ для своей семьи, и въ одномъ и томъ же хозяйствѣ лень продѣлывалъ всѣ стадіи обработки, начиная съ посѣва и кончая готовыми нитками или даже готовой тканью.

Однако, домашнее хозяйство не полно и тамъ, гдѣ оно кажется намъ вполне замкнутымъ. Какая-нибудь одна отрасль, — будетъ ли это лучше приспособленный камень для орудій нашихъ доисторическихъ предковъ, краска для раскрашиванія

кожи или еще какая-нибудь бездѣлица сама по себѣ,—все это кажется всегда болѣе удачнымъ у сосѣда, чѣмъ у себя дома, да можетъ быть ея даже вовсе нѣтъ,—какъ же могъ тогда человѣкъ помочь себѣ въ этомъ иначе, какъ не переговорами съ болѣе счастливымъ обладателемъ, однимъ словомъ, путемъ обмѣна или торговли? Обѣ эти формы, слѣдовательно, являются настоящими элементами первобытной человѣческой культуры и будутъ нѣсколько подробнѣе разсмотрѣны въ одной изъ ближайшихъ главъ.

VII. Формы хозяйства.

Все сказанное относилось къ роду труда и его раздѣленію. Намъ остается еще бросить краткій взглядъ на распространеніе отдѣльныхъ формъ хозяйства и на ихъ соотношенія, поскольку это еще не сдѣлано нами. Народы собиратели, охотники и рыболовы стоятъ еще несомнѣнно на одной изъ низшихъ ступеней развитія человѣческаго хозяйства, и каждая группа современнаго человѣчества должна была нѣкогда пройти черезъ одну изъ этихъ фазъ. Въ настоящее время даже и самыя низшіе изъ нашихъ первобытныхъ народовъ въ сравненіи съ тѣмъ гипотетически-первобытнымъ состояніемъ стоятъ уже несравненно выше, что ясно доказано нашими наблюденіями. И они уже владѣютъ долготѣннымъ опытомъ безчисленныхъ поколѣній, и каждый изъ нихъ создалъ уже при помощи этого опыта свои особыя культуры.

Переходъ отъ этой универсальной собирательной формы хозяйства къ чисто мѣстнымъ типамъ хозяйства съ его создающимъ характеромъ можно прослѣдить, только принявъ во вниманіе всѣ топографическія условія. Въ общемъ все говорить за то, что изобрѣтеніе обработки земли было легче, чѣмъ пріемы скотоводства. Какъ мы уже говорили, человѣкъ дошелъ постепенно до земледѣлія, втаптывая въ сырую землю сперва безсознательно, а затѣмъ уже преднамѣренно корни и вѣтви опредѣленныхъ полезныхъ растений или не трогая опредѣленныхъ луговинки, даже и не представляя себѣ значенія этого новшества. Не трудно было также понять, что болѣе рыхлая почва давала лучшій урожай, чѣмъ простая нераспаханная земля.

За легкость этого изобрѣтенія говорятъ прежде всего древность и чрезвычайная распространенность земледѣлія;

гдѣ только климатъ и почва позволяютъ заняться обработкой земли, тамъ почти повсюду человѣкъ дошелъ до нея. У насъ земледѣліе было развито еще въ самомъ началѣ древняго каменнаго вѣка; въ Египтѣ, Вавилонѣ и Китаѣ оно процвѣтаетъ съ начала миѳологіи этихъ странъ. Азія, за исключеніемъ непривѣтливаго сѣвера, съ его почвой, промерзшей на 100 саж. въ глубину, и съ полосой пустынь и степей въ области пассатовъ, оказывается земледѣльческой страной, какъ и Африка, кромѣ областей кочеванія бушменовъ и пигмеевъ, кромѣ областей скотоводовъ и кромѣ пустыннаго сѣвера. Также и Океанія, кромѣ Австраліи и Тасманіи, и Америка, за исключеніемъ южнаго края и самаго сѣвера по сю сторону Канадскихъ озеръ, считаются земледѣльческими странами. Индѣйцы, обитающіе къ востоку отъ Миссиссиппи и къ югу отъ рѣки св. Лаврентія, вовсе не были безпокойно кочующими охотниками Куперовскихъ романовъ, а напротивъ были постоянными и солидными земледѣльцами. Даже къ сѣверу отъ этой полосы индѣйцы собирали еще зрѣлые колосья дикаго водяного риса, а жалкіе въ другихъ отношеніяхъ первобытные жители Калифорніи приготавливали себѣ муку изъ плодовъ манцанитоваго кустарника.

Такимъ образомъ, воздѣлываніе полезныхъ растений захватываетъ въ общемъ дѣйствительно грандіозный районъ. Со временемъ оно по высотѣ и интенсивности своего развитія такъ же сильно дифференцировалось, какъ и само человѣчество въ своей культурѣ, при чемъ всѣ высшія ступени прошли всѣ тѣ фазы, которыя еще и теперь распространены среди первобытныхъ народовъ.

На первой ступени стоитъ та форма, для которой Эдуардъ Ганъ ввелъ терминъ „мотычной“ обработки земли, такъ какъ здѣсь главную роль играетъ мотыка ¹⁾. По Гану, главная роль мотыки заключается и въ самой обработкѣ почвы, въ разрыхленіи ея до и послѣ посѣва. Однако, по другимъ литературнымъ даннымъ, насколько онѣ миѣ доступны, и по этнографическимъ коллекціямъ это обобщеніе не вполне соответствуетъ дѣйствительности, такъ какъ обработка самой почвы производится во многихъ мѣстахъ болѣе или менѣе измѣненной и усовершенствованной палкой для копанія, тогда какъ на долю мотыки выпадаетъ уже большая часть другихъ

¹⁾ Ed. Hahn, „Die Haustiere“. Leipzig 1896. — Ero же, „Das Alter der wirtschaftlichen Kultur der Menschheit“. Heidelberg 1905.

работъ — окапываніе и очистка грядъ отъ сорныхъ травъ, корневищъ и пр. Рис. 12 изображаетъ индѣйца племени зуни изъ юго-западной части Соединенныхъ Штатовъ, вооруженнаго такой мотыкой. Последняя еще вся состоитъ цѣликомъ изъ дерева, однако, снабжена уступомъ для ноги, и въ этомъ отношеніи уже ушла значительно впередъ по пути развитія въ сравненіи съ той серіей копательныхъ палокъ, которыя изображены на табл. I фиг. a—d. Въ техническомъ отношеніи эта мотыка стоитъ почти на томъ же уровнѣ, какъ и изображенная на рис. 13 лая басковъ; только последняя сдѣлана не изъ дерева, а изъ желѣза. Для почвы, смотря по характеру плода, употребляются далѣе уже другія орудія, — серпы, длинные и короткіе ножи; а для корневыхъ и клубневыхъ овощей — мотыка и лопата.

Болѣе полное разсмотрѣніе отдѣльныхъ типовъ мотыкъ и лопатъ требуетъ трудной и кропотливой специальной работы, потому что среди массы путешественниковъ почти никто не потрудился послѣдовать за туземцами на ихъ поля, чтобы изучить ихъ способы обработки земли. Коллекціи на-

шихъ этнографическихъ музеевъ не даютъ поэтому настоящаго представленія о данномъ вопросѣ, такъ какъ лопаты въ формѣ едва заостренной палки почти не собираются коллекціонерами, въ противоположность мотыкѣ, на которую каждый путешественникъ обращаетъ свое благосклонное вниманіе. Кромѣ того, и мотыки съ поперечно поставленными клинками, безразлично, будутъ ли послѣдніе изъ камня, раковины, черепахи, дерева или желѣза, и употребляемыя исключительно лишь при обработкѣ земли — встрѣчаются въ нашихъ коллекціяхъ сравнительно рѣдко, во всякомъ случаѣ гораздо рѣже, чѣмъ это можно было бы ожидать въ виду большого распространенія обработки земли мотыкой. Поэтому во-

Рис. 12. Зуни при вскапываніи земли.

прось этот имѣть нѣкоторое значеніе, такъ какъ если заранее установить фактъ болѣе ранней стадіи взрыхленія земли палкой на ряду съ типичной обработкой земли мотыкой, то это откроетъ намъ перспективу прямолинейнаго развитія, начиная со стадіи развитія самаго низшаго собирателя, далѣе земледѣльца съ мотыкой въ рукахъ и кончая усовершенствованной садовой культурой. Общей чертой для всѣхъ нихъ является незначительность обрабатываемой площади и полное отсутствіе или ограниченное примѣненіе домашнихъ животныхъ, что несомнѣнно характерно для садоводства, о которомъ скоро будетъ рѣчь. О томъ или иномъ сходствѣ этихъ трехъ отраслей мы упомянемъ еще далѣе.

Рис. 13. Лала, земледѣльческое орудіе басковъ. По Браунгарту.

Обработка мотыкой, названіе которой можно спокойно сохранить въ неприкосновенности, несмотря на нѣкоторый дѣйствительный регрессъ этого орудія, имѣетъ еще слѣдующія характерныя черты: незначительный уходъ или полное отсутствіе ухода за почвой въ видѣ систематической и постоянной обработки, удобрения и орошенія; послѣднее быстро ведетъ къ необходимости покинуть старое, нѣсколько разъ использованное поле и обрабатывать совершенно новое мѣсто; затѣмъ характерной является обработка небольшихъ участковъ, подобныхъ нашимъ грядкамъ, вмѣсто нашихъ обширныхъ полей; и, наконецъ, полное или частичное отсутствіе всѣхъ домашнихъ и упряжныхъ животныхъ, а вмѣстѣ съ этимъ и отсутствіе плуга.

Обработка земли мотыкой распространена еще и теперь во многихъ странахъ. Къ нимъ относится вся Африка между 18° сѣверной и 22° южной широты, всѣ земледѣльческія области Сѣверной, Средней и Южной Америки, всѣ острова Океаніи, весь Индокитай и Индонезія. У насъ объ этомъ родѣ земледѣлія напоминаютъ, кромѣ гряды, еще и лопата, хотя и значительно усовершенствованная, однако, развивавшаяся все-таки изъ древней копательной палки, и сама мотыка, которая и у насъ употребляется большею частью для разбиванія комьевъ и окучиванія. То обстоятельство, что обработка земли играетъ еще и теперь главную роль въ нашемъ садоводствѣ, говоритъ за ея большую древность, какъ и за первоначальное господство лопаты. По мнѣнію Гана, лопата является болѣе позднимъ, вторичнымъ приобрѣтеніемъ,

которое смѣнило и отчасти вытѣснило мотыку, тогда какъ я нахожу, что высказанное мною мнѣніе о развитіи этихъ орудіи болѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Кромѣ того, и наши огородныя растенія, съ преобладаніемъ овощей, стручковыхъ и клубневидныхъ плодовъ, напоминаютъ еще о древнемъ началѣ; зерно тыквы, бобъ, горошина или луковица легко и случайно могли быть втоптаны въ землю и взойти. Повторить этотъ пріемъ можетъ каждый ребенокъ.

Простой способъ воздѣлыванія и обработки поля ни въ коемъ случаѣ не доказываетъ, что обработка мотыкой вездѣ является жалкой формой хозяйства. Кто разъ видѣлъ, какъ чисто содержатъ негры свои часто весьма обширныя насажденія и многочисленныя мелкія поля проса и многихъ видовъ бобовъ, маиса и маниоки, сладкаго картофеля, земляныхъ орѣховъ и пр., какъ оберегаютъ ихъ и ухаживаютъ за ними, какъ стараются прогнать крикомъ и камнями съ высокихъ сторожекъ мелкихъ вредителей полей, а при помощи лука и ружья крупныхъ враговъ—обезьянъ, свиней и слоновъ, и что они выращиваютъ изъ теплой почвы, несмотря на отсутствующее почти повсюду удобрение,—тотъ быстро убѣдится въ противномъ. Также и то, что нѣкоторые негры съ рѣки Конго и отдѣльные жители Меланезіи, съ Архипелага Бисмарка, уже соблюдаютъ нѣкоторый сѣвооборотъ, говоритъ несомнѣнно за высокое и долгое развитіе обработки земли мотыкой.

Достаточно лишь немногихъ дальнѣйшихъ толчковъ и усовершенствованій, чтобы перейти на ступень хозяйства, которую Ганъ подъ терминомъ „садовой культуры“ считаетъ за высшій и наиболѣе усовершенствованный способъ земледѣлія. Классической областью такой культуры является Китай; только лишь заботливое использованіе cadaго клочка земли, любовное отношеніе къ каждому отдѣльному растенію, террасированіе даже самыхъ отвѣсныхъ обрывовъ и устройство чрезвычайно искуснаго орошенія, наконецъ, самое тщательное использованіе всякаго удобрения даетъ возможность 350 или 400 милліонамъ китайцевъ бороться за свое существованіе. Это существованіе въ сравненіи съ нашей жизнью, однако, не блестяще; простой китаецъ напоминаетъ намъ, своей неразборчивостью въ пищѣ скорѣе, наоборотъ, такихъ людей, какъ бушменъ и австраліецъ; однако продуктивность китайца все-таки поразительна. Плотности населенія здѣсь далеко не достигаетъ той величины, какъ

*

въ Западной Европѣ, однако это не должно насъ сбивать съ толку при разсмотрѣніи китайскаго земледѣлія: Китай кормится вполне самостоятельно, тогда какъ большая часть западно-европейскихъ государствъ, особенно Англія, Германія и Бельгія должны ввозить громадное количество питательныхъ продуктовъ изъ-за границы.

Генрихъ Шурцъ ¹⁾ вполне правильно указываетъ, что разница этихъ способовъ обработки земли, извѣстныхъ подъ терминами мотычнаго хозяйства и садовой культуры, можетъ быть, еще и не имѣетъ такого важнаго значенія, какъ развитіе удобрения, которое въ связи съ лучшимъ уходомъ за почвой и съ сѣвооборотомъ даетъ возможность садоводству прокормить и занять на незначительной площади большое количество людей. Не менѣе 90% всѣхъ китайцевъ находятъ въ садоводствѣ свое пропитаніе, а одновременно съ этимъ и свое занятіе. Это одновременно является и преимуществомъ и недостаткомъ, такъ какъ благодаря такой обработкѣ земли большая часть китайцевъ отстранена отъ всѣхъ занятій другого рода. Дальнѣйшей особенностью китайскаго садоводства является, наконецъ, его слабая связь со скотоводствомъ; китайцы разводять только быстрораствующихъ свиней, куръ и утокъ. Также и въ Японіи, которая обрабатывается только $\frac{1}{5}$ своей площади, но обрабатываетъ ее еще болѣе интенсивно, лошадь не имѣетъ никакого значенія въ хозяйствѣ; тамъ коровьяго молока хватаетъ только для теленка, а ослы, козы, овцы и лошаки были ввезены лишь голландцами и португальцами.

Способность прокормить густое населеніе на незначительномъ пространствѣ сильно способствовала развитію садоводства изъ менѣе интенсивныхъ формъ хозяйства въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не доставало мѣста для смѣны полей или для большого полевого хозяйства, какъ, напр., у насъ. У древнихъ инковъ Перу развитіе земледѣлія шло на незначительныхъ участкахъ на плоскогорьяхъ Перу и еще болѣе узкихъ заливныхъ мѣстахъ у короткихъ рѣкъ и по морскому побережью; при этомъ инки стали весьма рационально примѣнять для удобрения гуано; тотъ же путь развитія прошли и древніе мексиканцы, употребляя для удобрения человѣческіе экскременты. У насъ въ Европѣ мы видимъ значительный прогрессъ во многихъ частяхъ Италіи и Франціи, чрезвычайное національ-

¹⁾ Н. Schurtz, „Urgeschichte der Kultur“. Leipzig, 1900.

ное богатство которых и ихъ громадная финансовая устойчивость противъ всѣхъ кризисовъ не безъ основанія объясняется мелкопомѣстной формой ихъ хозяйства. Сюда относятся и испанскіе веги и цвѣточные центры Гаарлема, Эрфурта и Кведлинбурга, поля спаржи близъ Брауншвейга, Ганновера, Майнца и Галле, „огуречный“ разсадникъ Люббенау, „старая страна“, какъ главный поставщикъ Гамбурга, городокъ Вердеръ въ Бранденбургѣ, одинъ изъ главныхъ поставщиковъ Берлина и мн. др. Какъ разъ примѣръ Вердера показываетъ, что можетъ сдѣлать основательная, постоянная и разумная обработка земли съ плохой отъ природы почвой! Могущественнымъ пособникомъ въ этомъ отношеніи является изготовленіе консервовъ, которое вызываетъ воздѣлываніе первоклассныхъ продуктовъ въ большомъ количествѣ и независимо отъ близости большихъ городовъ. Такимъ образомъ, косвенно наше земледѣліе и идетъ быстро навстрѣчу къ садовой культурѣ.

Еще ранѣе было указано, что западно-европейское земледѣліе въ смыслѣ вѣрности своихъ результатовъ ни въ какомъ случаѣ не занимаетъ высшей ступени среди всѣхъ формъ хозяйства; если же оно, несмотря на это, можетъ еще и удовлетворять теперь большую часть громадныхъ потребностей населенія Западной и Средней Европы, то обязано оно этимъ, кромѣ разумной совмѣстной работы агрономической химіи и техники машинъ, не менѣе и нашему мягкому и умѣренному климату съ его чрезвычайно благопріятнымъ распределеніемъ осадковъ, которые выпадаютъ у насъ и лѣтомъ довольно правильно. Мы ворчимъ и сердимся, конечно, часто на нашу постоянную скверную погоду, однако, это необдуманно и несправедливо. Стоить только разъ посмотреть на области подъ той же широтой, расположенныя на востокъ Старого Свѣта и Америки, и мы быстро придемъ къ заключенію, что у насъ не такъ ужъ плохо.

Земледѣліе связано съ появленіемъ рогатаго скота, плуга и различныхъ растений, особенно проса, ячменя, пшеницы, ржи, овса, маиса и пр. Всѣ они перешли еще вмѣстѣ съ обработкой земли мотыкой и являются, слѣдовательно, чрезвычайно древними пріобрѣтеніями. Наиболѣе древнимъ считается у насъ просо, которое появляется еще въ эпоху древнихъ свайныхъ построекъ. Въ древніе и средніе вѣка просо воздѣлывалось во многихъ частяхъ Старого Свѣта въ большомъ количествѣ до тѣхъ поръ, пока въ послѣднихъ сто-

лѣтіяхъ оно не было вытѣснено картофелемъ. Въ Китаѣ просо на ряду съ пшеницей, рисомъ, ячменемъ и бобами считается однимъ изъ пяти священныхъ растений, которыя ежегодно сѣетъ императоръ при особыхъ обрядахъ. Капуста и свекла, рѣдька, ленъ, чеснокъ и лукъ, огурцы и бобы—также древнія полезныя растенія съ тою только разницею, что они еще и теперь являются скорѣе продуктами садоводства, чѣмъ земледѣлія. Вопросъ о происхожденіи земледѣлія совпадаетъ съ двумя другими вопросами: объ изобрѣтеніи плуга и использованіи рогатаго скота для упряжки. Эдуардъ Ганъ ¹⁾ предполагаетъ, что плугъ предшествовалъ появленію запряжки, именно экипажа. Онъ не развился изъ простого, утонченнаго посрединѣ вала, на обоихъ концахъ котораго были оставлены болѣе или менѣе значительные диски, какъ это думаетъ инженеръ Рело (Reuleaux), но беретъ свое начало скорѣе отъ священнаго предмета, посвященнаго великой богинѣ. Этотъ предметъ священнаго культа, представлялъ собой, по всей вѣроятности, напрядло въ видѣ диска изъ глины или камня, дерева или кости, которое надѣвалось въ древнія времена (у многихъ же первобытныхъ народовъ еще и теперь) на одинъ конецъ веретена, чтобы придать послѣднему равномерное движеніе. По мнѣнію Гана, „стоило только надвинуть два или четыре такихъ диска на ось, какъ можно было понять, что, если укрѣпить что-нибудь на осяхъ и двигать это на колесахъ, то получится родъ экипажа. Конечно, строили по этой модели и большіе экипажи; въ эти священные колесницы впрягали священныхъ животныхъ великой богини—быковъ и затѣмъ возили богиню или ея изображеніе“.

Этихъ упряжныхъ быковъ священнаго экипажа человѣкъ, по мнѣнію того же автора, запрягъ и въ свой плугъ; господствующимъ представленіемъ при этомъ было то, „что пахотная земля являлась какъ бы чреслами великой богини—матери земли. Острый же плугъ оказывался символомъ фаллуса, который какъ-бы взрываетъ нѣдра земли такимъ образомъ оплодотворяетъ ее“.

По тому же автору, рогатый скотъ сдѣлался слѣдующимъ образомъ священнымъ и одновременно съ этимъ—домашнимъ

¹⁾ L. Hahn, „Demeter und Baubo“, Versuch einer Theorie der Entstehung unseres Ackerbaus. Lübeck 1896.—Его же, „Die Entstehung der Pflugkultur (unseres Ackerbaues)“. Heidelberg, 1909.

животнымъ, доставляющимъ молоко. Наши предки почитали луну и приносили ей въ жертву этихъ животныхъ, такъ какъ рогатый скотъ напоминалъ имъ своими изогнутыми рогами мѣсяцъ. Однако, луна была не совсѣмъ удобнымъ божествомъ; бываютъ часто лунныя затмѣнія, луна показываетъ симптомы слабости, если затемнена только отчасти, или же симптомы гнѣва, когда она красная и не свѣтящаяся стоитъ на небѣ во время полного затмѣнія. Ея почитатели должны были несомнѣнно притти къ ней на помощь или смягчить ея гнѣвъ, и все это совершалось, конечно, при помощи жертвоприношеній, главнымъ образомъ, приношеніемъ въ жертву рогатаго скота. Но откуда могли люди взять жертвенныхъ животныхъ при внезапныхъ затмѣніяхъ? Прибѣгали поэтому къ наиболѣе простому способу, именно держали скотъ въ загородкахъ, чтобы имѣть его подъ рукой въ нужный моментъ. Понемногу человѣкъ привыкъ брать часть коровьяго молока, сначала только для самого божества, а затѣмъ и въ пищу для высшихъ смертныхъ, т. е. жрецовъ и королей. Наконецъ, все то, что было сначала посвящено божеству, превратилось въ потребность ежедневной жизни: молоко сдѣлалось вкусовымъ и пищевымъ продуктомъ, а рогатый скотъ—домашнимъ животнымъ.

Если подойти нѣсколько ближе съ этнографической точки зрѣнія къ этимъ попыткамъ объяснить происхождение экипажа, то мы должны сказать, что насаживаніе пряслицъ или какихъ-либо другихъ пробуравленныхъ дисковъ ради забавы на одну ось или на цѣлую систему осей могло служить, по крайней мѣрѣ, однимъ исходнымъ пунктомъ для изобрѣтенія экипажа. Ребенкомъ каждый изъ насъ безъ усиленныхъ размышленій протыкалъ палочкой только что изготовленный глиняный дискъ и насаживалъ второй на другой конецъ палочки. Такимъ образомъ, была найдена въ принципѣ двухколесная телѣжка, хотя не слѣдуетъ отрицать, что изобрѣтеніе дышла и укрѣпленіе ящика на колесахъ, по крайней мѣрѣ, столь же трудно, какъ и конструированіе самой основы экипажа. И Ганъ не даетъ намъ отвѣта на оба послѣднихъ вопроса, которые несомнѣнно были разрѣшены только длиннымъ рядомъ одиночныхъ усовершенствованій. Однако, теорія Гана о происхожденіи экипажа все-таки является серьезной попыткой объясненія, но при этомъ все же остается не вполне яснымъ, почему экипажъ долженъ былъ быть изобрѣтенъ ранѣе плуга и что общаго вообще

заключается между этими изобрѣтеніями. У нашего западно-европейскаго плуга появились сперва колеса только со времени Р. Х., при чемъ употребленіе самаго плуга было уже извѣстно за двѣ тысячи лѣтъ до того времени, — работа

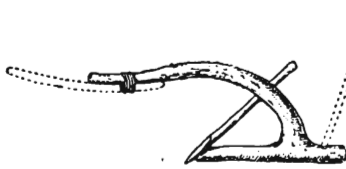

Рис. 14. Плугъ неолитической эпохи изъ Даберготца у Берлина. По Браунгарту.

плугомъ шла вполне удачно и безъ этого колеснаго приспособленія, какъ видно на рис. 14 и 15; еще и теперь многіе народы хорошо справляются съ безколеснымъ плугомъ (рис. 16). Ни одинъ изъ восточно- и южно-азиатскихъ плуговъ, напимѣръ,

не имѣетъ колесъ, и ни китайскій, ни японскій плуги, ни плугъ батаковъ на Суматрѣ и ни одна отдѣльная стадія ихъ развитія не даютъ намъ переходныхъ формъ отъ мотыки къ настоящему плугу.

Взглядъ на примитивныя формы плуга говоритъ намъ, что при изобрѣтеніи этого орудія можетъ быть рѣчь только объ одной исходной точкѣ, именно о мотыкѣ. Самое понятіе мотыки является при этомъ тоже второстепеннымъ, такъ какъ она происходитъ въ свою очередь отъ остроугольнаго крюка или деревяннаго сучка, который былъ вырванъ изъ куста или срѣзанъ съ дерева однимъ изъ нашихъ предковъ для обработки почвы. Употребленіе подобнаго крюка оказалось удобнымъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда уголъ между обоими колѣнами былъ довольно великъ—приблизительно такой, какъ и у нашихъ мотыкъ. Болѣе острый уголъ, наоборотъ, требуетъ лишняго движенія, и если бы мы осмотрѣли въ этомъ направленіи этнографическіе музеи, то результаты

Рис. 15. Доисторическій плугъ изъ Дострупа въ Ютландіи. По Браунгарту.

оказались бы такими же, какъ и на фиг. е—п табл. I, т. е. мы пришли бы къ тому заключенію, что путь, пройденный отъ нормальной мотыки до мотыки-плуга и до настоящаго плуга не былъ вовсе

очень долгимъ. Ни одно изъ удивительныхъ приспособленій фиг. i—п не годно для простаго копанія, но тѣмъ удобнѣе для вспахиванія. Даже и копательная палка превращается при усовершенствованіи въ плугъ (рис. о).

Если въ виду этого необходимо изобрѣтеніе плуга поставить въ зависимость отъ происхожденія экипажа, то это трудно понять, особенно въ виду того, что даже болѣе позднія и болѣе усовершенствованныя формы плуга не связаны съ упряжнымъ животнымъ и могутъ быть приведены въ движеніе самимъ человѣкомъ. Особенно значительнымъ моментомъ, по моему мнѣнію, является, наконецъ, то наблюдение, что наши сельскіе хозяева запрягаютъ въ первый разъ своихъ молодыхъ быковъ и лошадей не въ экипажъ, а всегда въ плугъ, чтобы приучить необъѣзженныхъ животныхъ къ

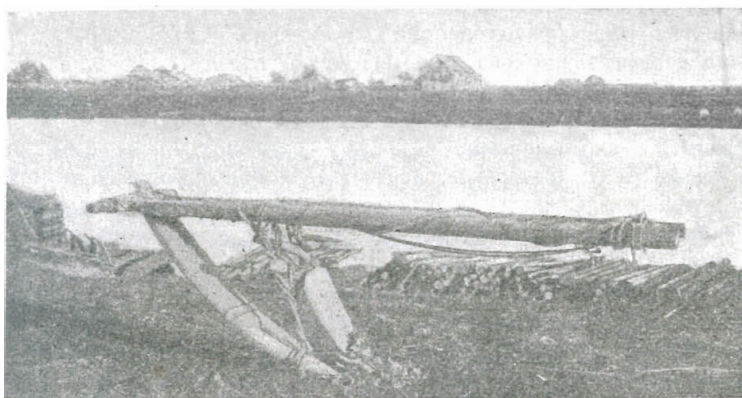

Рис. 16. Соха въ Олонцкой губерніи.

ярму и упряжи. Они объясняютъ это меньшей опасностью запряжки въ плугъ, если животное вырвется; однако, настоящей причиной его служить, мнѣ кажется, скорѣе безсознательный опытъ доисторическихъ временъ.

Съ осторожностью относился также народовѣдѣніе и къ религиознымъ побужденіямъ теоріи Гана. Наше знакомство съ первобытной культурой учить насъ, что почтенная древность и все необъяснимое, кажущееся сверхъестественнымъ, сдѣлалось предметомъ особаго культа и почитанія, между тѣмъ какъ рѣдко можно сказать то же самое обо всемъ только что развившемся, вновь изобрѣтенномъ. Такъ, нельзя отрицать сугубой священности экипажа, плуга и быка въ древнеарійскомъ культурномъ циклѣ, однако они стали играть эту роль только послѣ того, какъ за ними были признаны послѣ

долгой практики ихъ полезность; упомянутые три объекта ни въ какомъ случаѣ не были признаны священными до примѣненія ихъ въ земледѣліи и скотоводствѣ. Самымъ загадочнымъ и необъяснимымъ является роль луны; культъ луны развитъ среди человѣчества болѣе культа любого другого небеснаго тѣла; однако, ни одинъ изъ нашихъ первобытныхъ народовъ не считалъ символомъ этого божества рога рога-таго скота и не по этой причинѣ ввелъ онъ этихъ животныхъ въ кругъ своего хозяйства. Объясненія этого слѣдуетъ искать опять-таки въ томъ направленіи, какъ и при многихъ другихъ явленіяхъ жизни народовъ; мифъ и фантазія могли играть при этомъ нѣкоторую роль, но нельзя доказать, что они безусловно имѣли отношеніе къ конкретнымъ побужденіямъ при созданіи подобнаго культа.

Побѣду человѣка надъ всѣми видами животныхъ, нераздѣльныхъ съ понятіемъ земледѣлія и скотоводства, хотѣли приписать одно время человѣку-охотнику; послѣдній не убивалъ будто бы всѣхъ животныхъ во время богатой добычи, а огораживалъ часть охотничьихъ мѣстъ, чтобы сохранить такимъ образомъ часть добычи, на случай мясного голода. Такой пріемъ вполне возможенъ, но онъ нигдѣ не доказанъ. Общимъ является, наоборотъ, свойство первобытнаго человѣка приручать животныхъ и держать ихъ въ домѣ для удовольствія или вслѣдствіе потребности въ близости къ живому существу или, наконецъ, вслѣдствіе мифологическихъ соображеній, при чемъ человѣкъ не думаетъ объ ихъ практической пользѣ. Наши клѣтки съ громаднымъ богатствомъ комнатныхъ птицъ, наша собака и до нѣкоторой степени кошка являются показателемъ этого рода нашей культуры; маленькіе звѣринцы и попугаи, ящерицы, змѣи, и пр., обитающія въ хижинахъ многихъ первобытныхъ народовъ, служатъ показателемъ этого явленія для низшей ступени человѣчества. Только постепенно и несомнѣнно спустя долгое время послѣ окончанія стадіи охотничьей жизни, уже при полномъ спокойствіи и относительной осѣдлости, характерной только для земледѣльцевъ, появилось сознаніе практической пользы нашихъ современныхъ домашнихъ животныхъ.

Если польза отъ скота заключается только въ добычѣ и въ питаніи молокомъ, то она ни въ коемъ случаѣ не является общимъ достояніемъ всѣхъ скотоводовъ, какъ это мы обыкновенно думаемъ; намъ кажется это вполне понятнымъ результатомъ или, быть можетъ, даже причиной близкихъ отно-

шеній чело́вѣка къ домашнимъ животнымъ. Вся Центральная Азія цѣнитъ молоко лошади, какъ главное питательное средство; въ сосѣдней Восточной Азіи ни одинъ чело́вѣкъ не думаетъ воспользоваться молокомъ какого-нибудь домашняго животнаго. Племя динка, обитающее въ области верхняго Пила, питается главнымъ образомъ молокомъ своихъ многочисленныхъ коровъ, тогда какъ молока козъ оно не пьетъ. Ганъ и Шурцъ вполне правильно обращаютъ вниманіе на то, что ни одно домашнее животное не даетъ больше молока, чѣмъ требуется для прокормленія его дѣтеныша, и поэтому всюду, гдѣ молоко идетъ въ пищу, чело́вѣкъ долженъ былъ долгое время доить скотъ, чтобы развить въ немъ способность давать больше молока.

Начало скотоводства въ нашемъ смыслѣ происходитъ, такимъ образомъ, изъ охотничьей жизни и находится, въ связи съ земледѣліемъ; другими словами, земледѣліе является болѣе раннимъ пріобрѣтеніемъ культуры, чѣмъ кочевой образъ жизни и скотоводство. Для азіатской формы этихъ обоихъ видовъ хозяйства можно теперь легко установить этотъ путь развитія, который сильно противорѣчитъ болѣе раннимъ взглядамъ; для африканскаго же хозяйства намъ недостаетъ доказательствъ географическаго характера.

Часть Центральной Азіи, въ которой еще кочуютъ кочевые народы, особенно Центрально-азіатское нагорье, имѣетъ все признаки мѣстности, нѣкогда болѣе богатой осадками; рѣчки не заполняютъ уже болѣе свои старыя русла, и мощные наносы покрываютъ остатки селеній, которыя могли быть выстроены только гораздо болѣе плотнымъ населеніемъ, чѣмъ современное населеніе тѣхъ мѣстъ. Земледѣліе возможно только на незначительныхъ и сравнительно узко ограниченныхъ мѣстахъ, гдѣ короткія горныя рѣчки разливаются по равнинѣ и гдѣ ихъ используютъ до послѣдней капли для орошенія полей, или же гдѣ онѣ теряются въ пескахъ. Главная масса населенія вынуждена, такимъ образомъ, вести безпкойный образъ жизни скотоводовъ, кочующихъ въ далекихъ степяхъ.

Нѣкогда все это было иначе; тогда еще влаги хватало на болѣе обширное и технически высоко стоящее земледѣліе. Затѣмъ процессъ высыханія сталъ болѣе ощутительнымъ; почва уже не допускала земледѣлія, и скотъ едва могъ пропитаться травой на все болѣе оскудѣвающей землѣ. Такимъ образомъ, большая часть этихъ древнихъ насельниковъ сдѣ-

лала первый шагъ съ болѣе высокой ступени земледѣлія къ низшей стадіи скотоводства и кочевого образа жизни, при томъ совершенно произвольно, подъ вліяніемъ климатическихъ перемѣнъ, которыя еще и теперь налагаютъ свою печать на широкую полосу степей между Каспійскимъ моремъ и пустыней Гоби. При этомъ произвольномъ расхожденіи народовъ въ различныя стороны изъ сердца Азіи разносились, согласно новымъ взглядамъ, и общія основы хозяйственной, а до нѣкоторой степени и духовной культуры и доходили до Тихаго океана на востокъ и до Западной Азіи и Европы на западъ: когда предки современныхъ китайцевъ въ третьемъ тысячелѣтіи до Р. Х. спустились въ сѣверную часть ихъ современнаго громаднаго государства, они принесли туда съ собой всѣ элементы земледѣлія вмѣстѣ съ плугомъ и рогатымъ скотомъ, ячменемъ и пшеницей. Если правильно мнѣніе фонъ-Рихтгофена, то они пришли изъ бассейна Тарима, въ которомъ тогда сходились культуры, западная и восточная.

VIII. Цѣнности и деньги.

Собственно говоря очень жаль, что доброе старое время натурального хозяйства не уживается болѣе съ нашими современными условіями; какое громадное значеніе для познанія человѣчества имѣлъ бы для автора какой-нибудь книги обычай мѣновой торговли, когда вмѣсто своего духовнаго дѣтища онъ получилъ бы у своего перваго покупателя каравай хлѣба, у слѣдующаго—масло для этого каравая, у третьяго—кусокъ матеріи, у четвертаго—крѣпкій напитокъ и у каждаго слѣдующаго что-нибудь другое, необходимое для жизни. Нѣкоторые изъ нашихъ священниковъ и учителей еще недавно дѣйствительно должны были принимать плату за свою работу натурой. Настоящій пережитокъ хозяйственной древности сохранился какъ разъ въ жизни этихъ работниковъ духа и сохранился до тѣхъ временъ, когда для всѣхъ другихъ профессій были уже найдены несравненно болѣе усовершенствованные методы оплаты.

Къ такому роду обмѣнной торговли человѣкъ былъ вынужденъ уже съ давнихъ временъ при соприкосновеніи съ себѣ подобными, которые владѣли вещами, казавшимися другому по какой-либо причинѣ болѣе цѣнными. Въ нашемъ дѣлствѣ, которое всегда является наилучшимъ отраженіемъ

дѣтства всего человѣчества, мы обмѣнивали майскихъ жуковъ на булавки, если онѣ оказывались необходимыми, или же конскіе каштаны на шарики для игры; послѣднимъ остаткомъ, напоминающимъ намъ начальныя времена чело-вѣческой торговли, является теперь случайный обмѣнъ нашихъ торговцевъ равноцѣнными векселями на товаръ. У насъ теперь не можетъ уже существовать мѣновой торговли:—товаръ за товаръ, — по той простой причинѣ, что между поставщи-комъ и покупателемъ залегла цѣлая вереница передаточ-ныхъ инстанцій, принуждающая насъ воспользоваться болѣе нейтральной мѣрой оцѣнки, за которую мы можемъ про-дать каждый желательный товаръ и которую каждый чело-вѣкъ приметъ въ видѣ платы.

Этотъ масштабъ оцѣнки есть то, что мы обычно назы-ваемъ деньгами; онъ является уже по самому названію мас-штабомъ оцѣнки товара по сравненіи его съ другимъ. Роль подобной оцѣнки становится сразу ясной, если взять примѣръ изъ современной жпзни. Мальчикъ А. желаетъ получить за своихъ майскихъ жуковъ не булавки, которыми распола-гаетъ его товарищъ В., а каштаны. Тогда В. долженъ по-слать его съ сожалѣніемъ къ С. Послѣдній готовъ отдать свои блестящіе коричневые плоды, но не желаетъ получить за нихъ майскихъ жуковъ, такъ какъ его больше интере-суютъ шарики для игры. А. отправляется тогда къ торговцу шариками, но послѣдній желаетъ получить непременно бу-лавки въ обмѣнъ за свой товаръ. Можно притти въ отчая-ніе при взглядѣ на эти затрудненія ребятъ, и нѣтъ на-дежды на благополучный исходъ дѣла; можно предположить, что одинъ изъ маленькихъ торговцевъ нападетъ на счаст-ливую мысль помочь дѣлу всемогущимъ средствомъ въ видѣ нѣсколькихъ мѣдныхъ монетъ. Насколько же болѣе необхо-димо должно быть это средство для всего человѣчества, гдѣ большая его часть предоставлена самой себѣ въ сношеніяхъ отдѣльныхъ племенъ и народовъ съ сосѣдями! Большинство первобытныхъ народовъ, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе развитые изъ нихъ, сумѣли дѣйствительно создать себѣ нѣчто въ родѣ „денегъ“, которые молчаливо и почти безсозна-тельно появились въ видѣ средства расплаты у этихъ наро-довъ между собой и ихъ сосѣдями. Быстрый обзоръ земного шара покажетъ намъ, къ какимъ своеобразнымъ и рѣдкимъ средствамъ оцѣнки пришли при этомъ циклы народовъ и отдѣльныя племена.

Генрихъ Шурцъ, составившій чрезвычайно удачное описание отдѣльных видовъ денегъ и указавшій при этомъ на ихъ происхожденіе ¹⁾), различаетъ двѣ большихъ группы „внутреннихъ“ и „внѣшнихъ“ денегъ, смотря по тому, развитъ ли этотъ способъ оплаты вполне самостоятельно въ своей области, или же былъ занесенъ туда извнѣ. „Внутренними“ деньгами служатъ прежде всего такія вещи, которыя изготовляются, или транспортируются съ большимъ трудомъ, — напримѣръ различныя украшенія и деньги въ видѣ жерновыхъ камней на островѣ Явъ группы Каролинскихъ острововъ. Чрезвычайно тонкимъ наблюденіемъ того же очень рано умершаго этнолога является то обстоятельство, что происхожденіе денегъ тѣсно связано такимъ образомъ съ частною собственностью. Ничто не имѣетъ болѣе личнаго характера, какъ украшеніе; послѣднее вполне исключается изъ столь распространеннаго въ остальномъ коммунизма. Украшенія превращаются во „внутреннія“ деньги уже вслѣдствіе того, что постепенно въ обычай входитъ дѣлать периодически подарки вождю и жрецамъ племени. Въ этомъ мы видимъ уже начало нашихъ податей и налоговъ. Затѣмъ тѣмъ же подарками откупаются отъ послѣдствій преступленій. Это уже начало нашихъ денежныхъ штрафовъ. Для всѣхъ этихъ платежей употребляютъ преимущественно личные украшения и другіе предметы частной собственности. Путемъ распространенія этого способа платежа и га покупки невѣсты, и на членскій взносъ въ клубы и тайные союзы, и на плату врачамъ и знахарямъ очень легко могъ развиться одинъ общепринятый знакъ цѣнности среди всего народа.

Совершенно иначе даетъ Бюхеръ опредѣленіе понятія денегъ для указанныхъ стадій, говоря, „что для каждой группы человѣчества обмѣннымъ товаромъ является все, что она сама не изготовляетъ, а правильно получаетъ отъ чужихъ племенъ“. По его мнѣнію, все чужое является, слѣдовательно, первичнымъ; люди отдаютъ свои собственные произведенія за чужія, которыя они не могутъ умножать по своему желанію и въ чемъ они видятъ поэтому свое богатство. Очень скоро все это будетъ употребляться для обмѣна и среди своихъ же единоплеменниковъ.

Кто изъ обоихъ ученыхъ правъ, еще нельзя сказать въ

¹⁾ H. Schurtz. „Grundriss der Entstehungsgeschichte des Geldes“ Weimar, 1898.

настоящее время, такъ какъ мы при нашемъ знакомствѣ съ міромъ первобытныхъ народовъ повсюду видѣли уже чрезвычайно древнія и развитыя условія, при которыхъ уже наступилъ только что изображенный моментъ внутренняго обмѣна. Развились ли деньги въ этомъ случаѣ вполне самостоятельно въ средѣ каждаго народа, или же были занесены изъ другихъ странъ,—едва ли можно теперь установить. Въ отношеніи мѣстныхъ природныхъ произведеній, какъ соль, раковины каури, орѣхи кола, мѣдныя слитки, а также и въ отношеніи произведеній индустріи, превратившихся въ деньги, какъ напр. желѣзные заступы, кольца и пр., Бюхеръ оказывается, по моему мнѣнію, болѣе правъ, тогда какъ его теорія о происхожденіи денегъ изъ украшенія кажется мнѣ менѣе правдоподобной.

Въ общемъ число объектовъ, которые европейцы обнаружили у первобытныхъ народовъ въ роли денегъ, чрезвычайно велико; можно только сказать, что ни одно изъ трехъ царствъ природы не оставлено безъ вниманія. Простое перечисленіе всѣхъ отдѣльныхъ предметовъ несомнѣнно утомило бы читателя, поэтому мы приведемъ вкратцѣ, по крайней мѣрѣ, самыя существенныя и интересныя примѣры по данному вопросу. Читатели, которыхъ интересуетъ эта тема могутъ найти интересныя указанія, кромѣ работъ Шурца, еще и въ полномъ сопоставленіи Рихарда Андрэ въ его „Географіи міровой торговли“ ¹⁾ томъ I, изданіе 2, и у того же автора въ его „Этнографическихъ параллеляхъ и сравненіяхъ“, томъ I, Штуттгартъ, 1878 г. ²⁾.

По назначенію и матеріалу всѣ деньги первобытныхъ народовъ дѣлятся на деньги-украшенія, деньги-одежду, пищевыя деньги и металлическія деньги, при чемъ пищевыя деньги состоятъ или изъ пищевыхъ и вкусовыхъ веществъ, изъ предметовъ первой необходимости, или изъ скота и рабовъ. Изъ денегъ-украшеній древнихъ временъ наиболѣе распространены родъ улитокъ каури. Этотъ родъ денегъ представляетъ собой очень красиво расцвѣченныя раковины нѣкоторыхъ видовъ фарфоровыхъ моллюсковъ, которые собираются у Маледивскихъ острововъ, расположенныхъ къ юго-западу

¹⁾ R. Andree. Geographie der Welthandels, Stuttgart, 1877, т. I, изд. 2.

²⁾ Andree. Ethnographische Parallelen und Vergleiche Bd. I, Stuttgart, 1877.

отъ Индостана, а также у германскаго острова Мафіа у побережья Восточной Африки и перевозятся оттуда на далекія разстоянія. Въ до- и протонисторическое время эти раковинки были въ ходу до Сѣверной Европы, и еще въ началѣ 19 столѣтія служили украшеніемъ сбруи саксонскихъ гусаровъ. Эти каури употреблялись еще и въ 17 столѣтіи въ видѣ мелкой монеты въ Индостанѣ и Индокитаѣ, въ Сіамѣ и на Филиппинскихъ островахъ; въ Сіамѣ онѣ были даже еще во времена Бастіана, т. е. въ 1860-хъ годахъ. Ихъ отмѣривали довольно вмѣстительными сосудами, такъ какъ подсчетъ большихъ суммъ занялъ бы слишкомъ много времени.

Несравненно болѣе грандіозной была раньше мѣновая торговля раковинами каури въ Африкѣ,—эта торговля еще мѣстами ведется и теперь. Занзибаръ на востокъ и Лагосъ на западѣ служили древними воротами, открывающими путь въ самый центръ Африки, гдѣ все сѣверное побережье Викторіи-Ніансы, весь Суданъ и вся дальняя часть побережья Верхней Гвинеи долгое время были переполнены этимъ товаромъ. На Востокѣ Африки и въ Верхней Гвинееѣ эти раковинки нанизывали на шнурки, тогда какъ въ земляхъ фульбе ихъ отсчитывали по пяти и укладывали затѣмъ въ кучки изъ 200 и 1000 штукъ. Во времена Генриха Барта, т. е. въ срединѣ 19 столѣтія, 700.000 штукъ такихъ раковинокъ оцѣнивались въ 330 талеровъ, такъ что 2120 каури составляли одинъ талеръ. Нѣсколько дороже они цѣнились во времена Бертонъ (1864 г.) въ Дагомеѣ, гдѣ цѣна 100 раковинокъ равнялась 2½ маркамъ. „Эти деньги очень удобны,—острить англійскій путешественникъ, — для того, чтобы унести 2 фунта стерлинговъ, надо нанять человѣка“. Со времени колоніальнаго раздѣла земного шара все чаще и чаще вмѣсто этихъ ракушекъ появляются европейскія никелевыя и серебряныя монеты.

Подобныя же деньги-раковины употреблялись въ прежнее время и индѣйцами сѣверо-восточнаго побережья Соединенныхъ Штатовъ и сѣверо-западнаго побережья Сѣверной Америки. Для нихъ наиболѣе характеренъ т. н. вампумъ или шнурокъ съ раковинками *Venus mercenaria*, которыя цѣнились въ зависимости отъ цвѣта: бѣлаго или краснаго. Съ этими раковинками въ видѣ извѣстнаго намъ по разсказамъ изъ индѣйской жизни пояса-вампумъ мы еще встретимся позднѣе при разсмотрѣніи начатковъ письма

Индѣйцы сѣверо-западнаго побережья, между Аляской и

Наджемъ-зундомъ употребляютъ вмѣсто денегъ красивую раковину *Dentalium edule*. Она вполне напоминаетъ миниатюрный слоновый клыкъ, имѣетъ 8 см. въ длину и по цвѣту блестяще бѣлая. Женщины достаютъ эти раковины палкой изъ прибрежнаго песка Ванкувера. Позднѣе торговая Гудзонбайская Компанія доставила въ тѣ мѣста шерстяныя покрывала, и съ тѣхъ поръ ходячей монетой тамъ являются „blankets“ т. е. покрывала.

Нѣмцамъ болѣе известны деньги-раковины въ видѣ такъ называемыхъ диварра или тамбу. Подъ этими двумя терминами совершенно неправильно подразумѣваютъ всѣ деньги-раковины Меланезіи и сосѣдней Микронезіи; въ болѣе точномъ собственномъ смыслѣ „диварра“ представляютъ только деньги, сдѣланные изъ раковинокъ маленькаго моллюска *Nassa callosa* или *camelus*. У этихъ животныхъ отбивается обычно верхняя часть раковинки, и такимъ образомъ получается особое отверстіе, черезъ которое они нанизываются загѣмъ сотнями и тысячами на ротанговые шнуры. Тщеславіе каждаго жителя Новой Британіи еще недавно заключалось въ стремленіи собрать по возможности больше такихъ денегъ, чтобы сложить ихъ въ общую сокровищницу, расположенную въ центрѣ деревни, гдѣ всѣ эти связки ракушекъ складывались въ видѣ громадныхъ колецъ. На рис. 17 мы можемъ видѣть такія громадныя денежные кольца. На всѣхъ празднествахъ эти кольца были на показъ; послѣ смерти ихъ владѣтеля они раздѣля-

Рис. 17. Денежное кольцо изъ раковинъ съ полуострова Газель. Фотогр. миссіонера Феллмана.

лись между его односельчанами, которые въ благодарность за это выстраивали умершему хижину, гдѣ онъ и погребался. Затѣмъ устанавливались шести изъ разрисованныхъ бамбуковыхъ жердей и листьевъ, на которыхъ развѣшивались въ большомъ количествѣ бананы, живыя свиньи, собаки, кошки и куры, постепенно сгнивающіе на нихъ; все это дѣлалось въ честь умершаго, хотя и за счетъ его наслѣдства изъ монетъ диварра. На ряду съ этимъ культовымъ и такъ сказать официальнымъ употребленіемъ, тамбу представляло собой до начала XX столѣтія простое, ходовое обмѣнное средство, при чемъ почти все могло быть оплачено имъ. Его измѣряли по длинѣ.

Другіе сорта денегъ-раковинъ въ германскихъ владѣніяхъ въ Тихомъ океанѣ извѣстны намъ теперь подъ именемъ коконовъ, тапсока и пеле изъ различныхъ частей Новаго Мекленбурга и Новаго Ганновера, подъ именемъ текароро изъ восточной Микронезіи и спондиловыхъ денегъ изъ западныхъ частей той же Меланезіи. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ совершенно кругло-отшлифованными дисками изъ цвѣтныхъ раковинъ; изъ этихъ послѣднихъ приготавливаются сначала простыя пластинки, которыя затѣмъ пробуравливаются при помощи примитивнаго бурава изъ рога или кремня, зуба акулы или острія кости, округляются и шлифуются и, наконецъ, собираются правильными рядами, при чемъ весь процессъ составляетъ чрезвычайно кропотливую и долгую работу. Въ концѣ искусства въ этомъ отношеніи являются т. н. „свинья деньги“ съ восточнаго побережья Новаго Мекленбурга. Онѣ состоятъ также изъ длинныхъ шнурковъ съ нанизанными на нихъ тончайшими дисками раковинъ, которые всѣ отшлифованы въ видѣ правильныхъ кружковъ и искусно пробуравлены. Такой шнуръ съ 20.000 отдѣльныхъ дисковъ требуетъ многомѣсячной работы, хотя и не является большой рѣдкостью. Эти деньги называются свинными потому, что употребляются главнымъ образомъ при обмѣнѣ на этихъ полезныхъ животныхъ. По нѣкоторымъ даннымъ, большее или меньшее количество свиныхъ хвостиковъ, прикрѣпленныхъ на концахъ этихъ денежныхъ шнурковъ обозначаетъ, что шнурокъ перешелъ изъ рукъ въ руки столько разъ, сколько привязано на немъ кисточекъ изъ свиныхъ хвостовъ. По другимъ даннымъ, эти хвосты обозначаютъ, что за опредѣленный шнурокъ можно требовать столько свиней, сколько

на шнуркѣ привязанныхъ хвостиковъ. Странно, что тотъ же самый родъ денегъ употребляется и при покупкѣ женщины; въ добавленіе къ этимъ шнуркамъ привязываютъ въ такомъ случаѣ еще нѣсколько денежныхъ шнурковъ другой формы, чтобы они были равноцѣнны новой супругѣ.

Тѣмъ же самымъ жителямъ Меланезіи принадлежатъ еще и различныя другія формы денегъ въ видѣ колецъ и зубовъ. Изъ замковой части гигантской раковины *Tridacna gigas* шлифуютъ и сверлятъ прекрасныя бѣлыя браслеты, которые въ нѣкоторыхъ частяхъ Британской Новой Гвинеи служатъ вмѣсто денегъ. Еще недавно въ Новой Гвинее деньгами служили клыки собакъ и употреблялись исключительно для покупки женщинъ. Верхомъ совершенства среди всѣхъ видовъ денегъ были все-таки вполне цѣлыя, загнутые кабаньи клыки, изъ которыхъ каждый оцѣнивался въ 200 собачьихъ клыковъ, а за два такихъ браслета можно было получить цѣлую свинью. Лучшіе экземпляры кабаньихъ клыковъ передавались въ семьяхъ по наследству изъ поколѣнія въ поколѣніе. Это чудо природы добывалось слѣдующимъ образомъ—молодымъ кабанамъ выламывали верхніе клыки и этимъ лишали нижнюю пару зубовъ ея естественныхъ антагонистовъ. Она росла теперь уже безъ помѣхи по своему основному направленію, до тѣхъ поръ пока ея концы не наталкивались снова на корень. Рис. 18 даетъ намъ понятіе о подобныхъ деньгахъ.

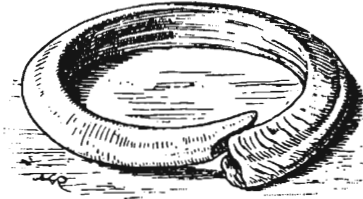

Рис. 18. Деньги изъ Новой Гвинеи:
клыкъ кабана.

Широко распространены деньги-украшенія, именно бусы; еще немного десятковъ лѣтъ тому назадъ ни одинъ путешественникъ по Африкѣ не могъ обойтись безъ этихъ блестящихъ бездѣлушекъ. Воспоминаніемъ объ этой системѣ расцѣнки изъ неопредѣленныхъ, но, по всей вѣроятности, весьма древнихъ временъ являются бусы-аггри, которыя вымываются изъ земли сильными ливнями въ нѣкоторыхъ частяхъ Южной Африки, южной и юго-восточной Азии и въ Малайскомъ Архипелагѣ. Въ Африкѣ въ нихъ видятъ нѣчто священное, но и здѣсь и тамъ ихъ цѣнятъ очень высоко. Нѣкоторые этнографы приписываютъ бусы-аггри венеціанцамъ, другіе же—древнимъ египтянамъ.

*

Другими священными деньгами считались ауду острововъ Палау въ Тихомъ океанѣ. Онѣ встрѣчаются въ трехъ видахъ и изготовляются изъ обожженной глины, изъ эмали и изъ природнаго стекла, при чемъ всѣ эти три вида имѣютъ форму прямыхъ и изогнутыхъ призмъ, шаровъ и пр. и могутъ быть нанизаны на шнурки. До появленія въ обращеніи нѣмецкихъ денегъ эти стеклянные бусы составляли наиболѣе употребительный родъ денегъ, при помощи котораго оплачивали все. Эмалевыя бусы оцѣнивались въ 45—75 марокъ, земляныя же были совершенно недоступны по своей цѣнѣ обыкновенному жителю острововъ Палау. Отдѣльные экземпляры ихъ составляли государственную казну, или же находились во владѣніи наиболѣе богатыхъ семей. 40 лѣтъ тому назадъ, когда Кубари и Земперъ вели изслѣдованія на этихъ островахъ, самыя лучшіе экземпляры этихъ украшеній оцѣнивались до 15.000 марокъ; они не были въ обращеніи, но тщательно сохранялись въ неприкосновенности и не показывались никому. Теперь, какъ уже сказано, ни одинъ изъ этихъ экземпляровъ не находится въ употребленіи, но жители острововъ Палау все-таки ревностно и тщательно охраняютъ ихъ. И эти столь часто описываемыя деньги съ Палау безспорно чужеземнаго происхожденія; возможно, что онѣ были завезены сюда какими-нибудь европейскими кораблями. Въ виду этого, количество ихъ не можетъ, конечно, увеличиваться; поддѣлки же легко обнаруживались, и такія деньги не получали распространенія.

Чисто мѣстнаго происхожденія, но непринятъ на самихъ островахъ Палау—уже упомянутый родъ каменныхъ денегъ съ о-ва Япъ; о нихъ мы должны говорить именно въ этомъ соотношеніи, такъ какъ онѣ находятся въ тѣсной связи съ только что описанными деньгами острововъ Палау; въ виду того, что жители Япа не имѣли красивыхъ, пестрыхъ денегъ-бусъ ауду, и не были въ состояніи добыть ихъ, они должны были утѣшиться одноцвѣтными, но громадными каменными „бусами“ величиною съ мельничный жерновъ. Неизгладимое впечатлѣніе оставилъ на путешественниковъ при посѣщеніи Каролинскихъ острововъ видъ многочисленныхъ пробуравленныхъ каменныхъ дисковъ, приложенныхъ въ безпорядкѣ къ жилымъ хижинамъ и мужскимъ клубамъ въ селеніяхъ, или просто лежащихъ на землѣ, или, наконецъ, разставленныхъ рядами по обѣ стороны дороги, какъ это изображено на нашей таблицѣ II, при

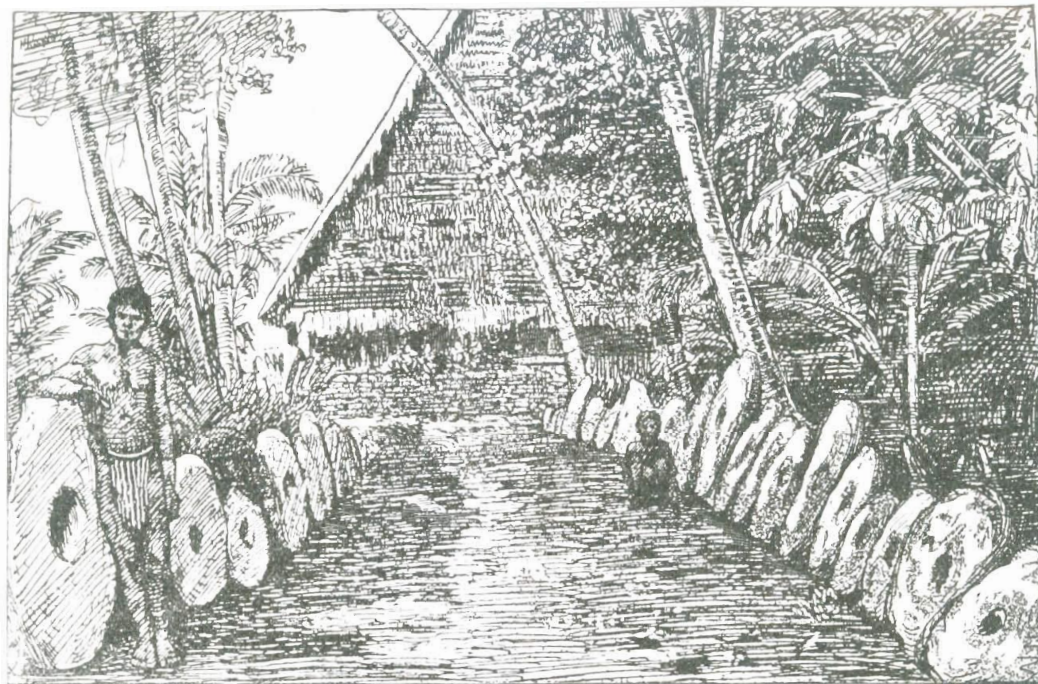

Табл. II. Денежная аллея на острове Яма.

чемъ размѣры этихъ дисковъ колебались между величиною швейцарскаго сыра и мельничнымъ жерновомъ. Это и есть знаменитыя фэ,—самый замѣчательный родъ денегъ, когда либо изобрѣтенный человѣчествомъ. Матеріаломъ для этого служить арагонитъ, известковый шпатъ, встрѣчающійся на островахъ Палау.

Для того, чтобы получить эти деньги, жители о-ва Япа должны были сперва отправиться за 500 км. на острова Палау, затѣмъ при помощи своихъ деревянныхъ и каменныхъ инструментовъ выбить изъ арагонитовыхъ шаровъ каменные диски въ видѣ жернововъ, перенести послѣдніе къ берегу и уложить ихъ на свои лодки, чтобы затѣмъ смѣло пуститься въ путь на родину съ тяжелымъ грузомъ. Транспортированіе по сушѣ производилось при помощи крѣпкаго шеста, пропущеннаго черезъ отверстіе диска; особенно же тяжелые экземпляры катили по землѣ, точно колесо. Для транспорта по морю имъ служили лишь жалкія лодочки съ аутригерами или построенные для этой цѣли плоты, которые привязывались къ этимъ лодкамъ. Поэтому вполнѣ понятно, что съ теченіемъ времени сотни такихъ отважныхъ финансистовъ нашли смерть въ волнахъ Тихаго океана при этомъ опасномъ транспортированіи своихъ богатствъ. И можетъ быть какъ разъ въ этихъ трудностяхъ изготовленія и транспорта слѣдуетъ искать причину высокой цѣнности этихъ денегъ съ острововъ Палау, приготовленныхъ изъ дешеваго матеріала.

Съ этими деньгами произошла своеобразная перемѣна. По даннымъ д-ра Зарферта, одного изъ моихъ лейпцигскихъ коллегъ по музею, проведшаго нѣкоторое время на Япѣ, лучшіе экземпляры фэ лежатъ теперь повсюду безъ призора, даже на илистыхъ берегахъ моря; десять лѣтъ тому назадъ камни эти еще оцѣнивались по величинѣ, при чемъ ихъ діаметръ измѣрялся длиной вытянутой руки. По даннымъ германскаго намѣстника Зенфта, въ 1900 году фэ въ три мѣры оцѣнивался въ 7 мѣшковъ копры по 35 кгр. каждый=22,50 маркамъ; такой же дискъ въ 6 мѣръ имѣлъ цѣну въ 26 мѣшковъ копры—около 80 марокъ.

Несмотря на тяжесть, фэ постоянно служилъ мѣрою оцѣнки. По Зенфту, ¹⁾ эти каменные диски служили преимущественно для покупки женщинъ, лодокъ, свиней, боль-

¹⁾ Senfft. Das Geld der Yaper. Deutsches Colonialblatt. 1901.

шихъ массъ фруктовъ и находились во владѣніи однихъ мужчинъ. Соотвѣстными деньгами женщинъ служили такъ называемые ярь, или лопатообразно отшлифованныя перламутровыя раковины (рис. 19), прикрѣплявшіяся по 2, 4, 6 и максимумъ по 10 штукъ на одинъ шнурокъ. Маленькіе экземпляры фэ служили и служатъ, по всей вѣроятности, еще и теперь разнѣнной монетой.

При подобныхъ торговыхъ предпріятіяхъ перемѣщенія тяжелыхъ монетъ съ одного мѣста въ другое избѣгали обыкновенно тѣмъ, что новый владѣлецъ попросту точно замѣчалъ положеніе и форму своего вновь приобрѣтеннаго диска. Имперское управленіе, которое до начала введенія германскихъ денегъ также работало съ деньгами фэ и ярь, просто выставяло буквы В. А. (Bezirksamt) на камняхъ, полученныхъ въ видѣ штрафа съ осужденнаго туземца. Если же эти диски переходили затѣмъ во владѣніе частнаго лица, то буквы В. А. попросту вычеркивались. *Probatum erat*.

Дальнѣйшей формой денегъ-украшеній оказываются деньги-перья. На островахъ Санта-Круцъ, въ Меланезіи, мелкія красныя перья нижней стороны крыльевъ одного вида попугаевъ наклеивались на большія перья, которыя связывались рядами другъ съ другомъ такъ, что только

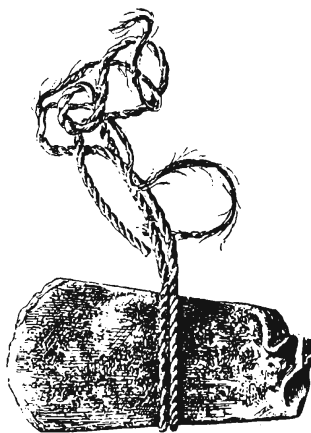

Рис. 19. Ярь—перламутровыя деньги съ острова Япъ.

одна красная часть была видна. Чѣмъ длиннѣе были перья, составленные такимъ образомъ, тѣмъ выше была и ихъ цѣна. Во время празднествъ всѣ эти деньги-перья появлялись на сцену, и ими украшали мѣсто танцевъ. Подобныя же деньги курсируютъ еще и теперь на островахъ Бэнкса. Между тѣмъ красноперыя головки ястребовъ, служившія въ Калифорніи индѣйскому племени кахрокъ, вмѣсто денегъ, на ряду съ цѣпочками изъ раковинокъ, давно исчезли изъ употребленія. Настоящею противоположностью легкимъ деньгамъ-перьямъ является по своему вѣсу металлъ, который мы должны причислить также къ категоріи денегъ-украшеній, потому что металлы повсюду употреблялись при своемъ первомъ появленіи для изготовленія украшеній, и

потому что еще и теперь украшения изъ металла употребляются при обыкновенныхъ условіяхъ вмѣсто денегъ. Въ области верхняго теченія Нигера каждый кусокъ серебра или золота, попавшій въ руки туземца, тотчасъ же превращается въ кольца, которыя употребляются одновременно и какъ деньги; но большая часть нашихъ нѣмецкихъ серебряныхъ и никкелевыхъ денегъ, замѣнившихъ съ нѣкоторыхъ поръ всѣ монеты въ Того, употребляются также для украшеній ручныхъ и ножныхъ браслетовъ туземцевъ.

Только немногія монеты культурныхъ народовъ избѣгли общаго превращенія въ украшенія; таковы, напримѣръ, мексиканскій серебряный долларъ завоевавшій себѣ всю Восточную Азію; индійская рупія, все болѣе и болѣе проникающая въ Тибетъ и вынужденно принятая нѣмцами въ Восточной Африкѣ, хотя и въ нѣмецкомъ обликѣ, а также и знаменитый талеръ Маріи-Терезы. Съ послѣднимъ дѣло обстояло такъ: уже вскорѣ послѣ появленія этой монеты отдѣльные экземпляры ея попали на востокъ и дошли до восточнаго Судана, гдѣ ихъ сначала употребляли въ видѣ украшеній. Въ виду того, что туземцамъ понравилось изображеніе бюста хорошо сложенной императрицы, монеты эти вошли въ употребленіе,—такъ думаетъ по крайней мѣрѣ англійскій путешественникъ Бэкеръ. Ввозъ талеровъ не заставилъ себя долго ждать, и отдѣльные экземпляры ихъ быстро распространились по всей Сѣверной Африкѣ до самаго экватора и по многимъ частямъ западной Аравіи. Въ ходу при этомъ только экземпляры чеканки 1780 года, съ семью рѣзко выраженными точками надъ короной. Новымъ монетамъ нужно было очень умѣло придать видъ старыхъ, уже бывшихъ въ употребленіи экземпляровъ, для того чтобы туземцы ихъ приняли. Хотя районъ распространенія этой монеты теперь значительно сократился, однако, въ Африку и Аравію все-таки каждый годъ отправляется громадное количество этихъ денегъ.

Къ деньгамъ-украшеніямъ относятся, наконецъ, отчасти и изящные мѣдные бруски въ формѣ Андреевскаго креста, изображенные на рис. 20; эти монеты подъ названіемъ „руссашъ“ или „ханда“ употреблялись въ царствѣ Луанда, въ южномъ бассейнѣ Конго. Они происходили, по всей вѣроятности, исключительно изъ богатой мѣдной области Катанги. Полукругло выгнутые мѣдные стержни изготовлялись въ Стэнли Пулѣ; такъ называемыя маниллы, красиво

выработанные кольца изъ того же металла, были распространены во многихъ частяхъ остальной Западной Африки. Эти полукольца были въ употребленіи также и въ древнемъ царствѣ Бенина въ западной части дельты Нигера, какъ это намъ показываютъ бронзовыя пластинки изъ царскаго дворца 16 и 17 столѣтія. Пластинка, изображенная на рисункѣ 21 и находящаяся въ Лейпцигскомъ музеѣ народовѣдѣнія, представляетъ собой одно изъ многочисленныхъ художественныхъ произведеній, которыя были найдены англичанами весной 1897 года въ развалинахъ этого царскаго дворца послѣ завоеванія Бенина.

Среди денегъ-украшеній деньгами-вещами являются деньги-одежда; послѣднія столь же древняго происхожденія и значительнаго распространенія. Объ этой формѣ денегъ часто упоминается въ библіи, а у западныхъ славянъ временъ саксонскихъ императоровъ куски матеріи служили настоящими курсирующими деньгами. Позднѣе у русскихъ и скандинавовъ, а также и у многихъ индѣйскихъ племенъ вмѣсто денегъ шли мѣха. Въ Тихомъ океанѣ типъ внутреннихъ денегъ представляла такъ называемая тапа—матерія, изготовленная изъ луба тутоваго дерева при помощи ударовъ; на островахъ Самоа для той же цѣли служили древнія плетенныя циновки изъ мочалы, а въ нижнемъ теченіи р. Конго, еще и теперь вмѣсто денегъ употребляютъ ткани изъ рафіи.

Совершенно особый отдѣлъ составляютъ, наконецъ, деньги-матерія. Въ Тибетѣ исполнѣ определенную цѣну имѣютъ куски матеріи, штемпелеванной китайской таможеніи и, такимъ образомъ, являющейся какъ бы монетою определеннаго чекана; въ древней Японіи награду выдавали матеріей на платье. Во всемъ Суданѣ и на побережьи Верхней Гвинеи узкія полосы бумажныхъ матерій, изготовляемыя на мѣстномъ ткацкомъ станкѣ и достигающія въ ширину не болѣе 10 см., еще и теперь представляютъ собой обычный родъ курсирующихъ денегъ и пользуются большою любовью туземцевъ, чѣмъ вывезенныя изъ Европы матеріи; однако, въ остальной Африкѣ, особенно же на Востокѣ, эти евро-

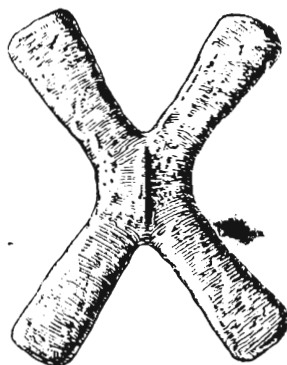

Рис. 20. Мѣдные деньги, ханда или руссашъ, изъ Лунда.

пейскія матеріи долгое время принимались охотно, какъ удобно дѣлимые и цѣнные деньги. Въ центральномъ и западномъ Суданѣ при дальнѣйшемъ развитіи этой системы единицей цѣнности служили уже цѣлые костюмы, при чемъ тамъ начали курсировать такъ называемые хаусса-тоба или особия складчатая одежды, приготовленные изъ прямо-таки

баснословной массы матеріи.

Почти необозримыми являются всѣ подвиды полезныхъ денегъ, такъ что мы невѣроятно будемъ разсматрѣть здѣсь всѣ формы этого рода и ограничимся описаніемъ наиболѣе выдающихся изъ нихъ.

На первомъ мѣстѣ стоитъ здѣсь цѣлый рядъ пищевыхъ и вкусовыхъ продуктовъ, годныхъ для сохраненія болѣе или менѣе продолжительное время. Такъ, въ Исландіи вмѣсто денегъ служила

Рис. 21. Манилы на бронзовой доскѣ изъ Бенина.

сушеная рыба, у сомалійцевъ—финики, въ Тибетѣ—грецкіе орѣхи, и въ Лапландіи—сыръ. Въ Китаѣ еще и теперь большая часть налоговъ взимается въ видѣ риса, а часть жалованья чиновникамъ выплачивается зерномъ и другими пищевыми продуктами. О подобныхъ же способахъ оплаты гонорара нашимъ священникамъ и учителямъ, сохранившихся почти до нашихъ дней, мы уже сообщали выше.

Изъ вкусовыхъ матеріаловъ, служащихъ вмѣсто денегъ, мы прежде всего должны упомянуть о кирпичномъ чаѣ, ко-

торый является наиболѣе распространенной монетой въ бол-
шей части Центр.-азиатскаго нагорья и въ Тибетѣ. На рис. 22
изображенъ подобный экземпляръ денегъ. Кирпичный чай
можетъ быть отнесенъ къ ряду вкусовыхъ веществъ только
съ нашей точки зрѣнія; въ центральной.

Азій онъ оказывается въ дѣйствитель-
ности однимъ изъ наиболѣе питатель-
ныхъ средствъ, варится вмѣстѣ съ про-
сяной мукой, молокомъ, масломъ, со-
лью и идетъ въ пищу въ большихъ
количествахъ. Въ древней Мексикѣ
курсирующими разнѣнными монетами
служили бобы какао, при чемъ, однако,
этотъ сортъ какао. не употребляется
въ пищу. Во многихъ частяхъ западной
Африки и у айновъ, въ сѣверной Япо-
ніи, вмѣсто денегъ употреблялась нѣ-
которое время европейская волка; въ
другихъ мѣстахъ для этихъ цѣлей слу-
жилъ, наконецъ, опиумъ, ботель и орѣ-
хи-кола. Чрезвычайно выдающееся мѣ-
сто занялъ въ этомъ отношеніи табакъ, употреблявшійся
европейцами въ видѣ сигары, вмѣсто „чаевыхъ“. Настоящей мо-
нетой, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова, служатъ так-
же вкусовыя вещества въ видѣ такъ называемаго твиста въ
Меланезіи и въ формѣ печеній различнаго вида во многихъ
частяхъ Африки. Также и соль, этотъ наиболѣе важный
продуктъ первобытной торговли, часто принималъ характеръ
монеты, болѣею частью въ формѣ хлѣба, а въ Абессиніи
также въ видѣ
кусковъ камен-
ной соли, изъ ко-
торыхъ одинъ
изображенъ на
рис. 23.

По отношенію
къ этимъ примѣ-
рамъ наиболѣе
примитивныхъ денегъ переходъ къ металлическимъ монетамъ
представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ уже значительный шагъ
впередъ: эти монеты не портятся, легко переносятся съ мѣста
на мѣсто и въ общемъ не подвержены такимъ быстрымъ и

Рис. 22. Кирпичный чай
изъ Центральной Азіи.

Рис. 23. Абессинскія деньги изъ каменной соли.

значительнымъ колебаніямъ въ цѣнѣ, какъ естественныя деньги. Поэтому металлическія монеты появились чрезвычайно рано и въ большомъ количествѣ, но въ очень причудливыхъ формахъ.

Къ одной изъ двухъ группъ, на которыя можно раздѣлить *металлическія* деньги, принадлежатъ необдѣланные брусья и нарочно надрѣзанные куски, оцѣнивающіеся лишь исключительно по массѣ металла. Греческій оболъ являлся первоначально простымъ желѣзнымъ стержнемъ, который уже очень рано былъ вытѣсненъ серебряными деньгами. Лишь въ замкнутой консервативной Спартѣ еще сохранился этотъ родъ денегъ, но здѣсь онъ получилъ болѣе удобную форму диска появившихся къ тому времени другихъ монетъ. Въ Британіи Юлій Цезарь засталъ желѣзные и мѣдные стержни, употреблявшіеся вмѣсто денегъ. Длинные плоскія палочки изъ желѣза еще и теперь употребляются въ Камбоджѣ для тѣхъ же цѣлей. Желѣзныя деньги курсировали нѣкоторое время и въ Китаѣ, и въ Японіи, а въ Тибетѣ онѣ встрѣчаются еще и теперь.

Однако, настоящей областью распространенія *желѣзныхъ* денегъ оказывается Африка. Желѣзные стержни сдѣлались настолько употребительными въ Сенегамбіи, что говорили даже о „стержнѣ табака“, подразумѣвая подъ этимъ количество табака въ 20 свертковъ, и о „стержнѣ рома“, если желали обозначить громадную цѣну этой мѣры. Въ прежнее время на Золотомъ Берегу имѣлись особыя желѣзныя иглы, довольно значительныхъ размѣровъ, снабженныя полукругомъ на одномъ концѣ; въ сѣверномъ бассейнѣ Конго, наконецъ, и въ Лоанго еще и теперь курсируютъ многочисленныя виды денегъ въ видѣ изображенныхъ экземпляровъ (см. рис. 24 и 25). Болѣе полное перечисленіе всѣхъ отдѣльныхъ формъ завело бы насъ далеко за предѣлы этого очерка.

Еще значительнѣе богатство формъ второй группы—наполовину и вполне готовыхъ орудій, превратившихся въ деньги. Окрестности главнаго города германскихъ владѣній Восточной Африки — Таборы — называются Уніан-йэмбэ (т. е. страна заступа) по имени 150,000 желѣзныхъ стержней-заступовъ (йэмбэ), которые еще 20 лѣтъ тому назадъ были доставлены туда съ южнаго берега Викторіи-Ніансы изъ окрестности Уссинды, для дальнѣйшаго распространенія ихъ до Угого и даже до самаго побережья въ видѣ наиболѣе излюбленной формы денегъ. Желѣзныя мо-

неты народовъ, обитающихъ между верхнимъ теченіемъ Пила и Уэлле, лого кулуты, племени бонго, и ихъ видоизмѣненія, описанныя Георгомъ Швейнфуртомъ, превратились ужъ скорѣе въ неразбѣнныя богатства, массами накопляемые богачами; сюда же относятся и чрезвычайно разнообразныя формы желѣзныхъ денегъ въ бассейнѣ Конго, типъ которыхъ мы восстанавливаемъ на рис. 26, основываясь отчасти на нашихъ лейпцигскихъ коллекціяхъ, отчасти же на данныхъ Лео Фробеніуса ¹⁾. Здѣсь еще повсюду можно легко узнать первобытную форму наконечника копья. Въ окрестностяхъ водопада Стэнли эти деньги достигаютъ прямо-таки фантастическихъ размѣровъ; тамъ встрѣчаются формы величиною въ ростъ человека и болѣе.

Этимъ мы закончимъ наше очень краткое обзорѣніе главныхъ формъ денегъ у первобытныхъ народовъ. Еще нѣкоторыя указанія необходимо сдѣлать по отношенію къ нѣсколькимъ условнымъ деньгамъ, а также и въ отношеніи къ каменнымъ монетамъ жителей острова Яна и къ бумажнымъ деньгамъ нашего времени: всѣ онѣ изготовляются изъ дешеваго матеріала, который лишь благодаря общему соглашенію и привычкѣ превращается въ цѣнный объектъ. Китайцы еще и теперь употребляютъ монеты изъ дерева, фарфора и свинца; на ряду съ этимъ они употребляли еще въ послѣднихъ столѣтіяхъ до Р. Х. такъ называемыя деньги-одежду ну и „ножевыя деньги“ тси, пользовавшіяся, однако, незначительнымъ райономъ распространенія.

Даяки на Борнео также имѣютъ удивительныя монеты. Результатомъ ихъ отвратительнаго обычая охоты „на головы“, основанной только на тщеславіи и кровожадности, являются деньги въ видѣ разнообразно украшенныхъ человѣческихъ череповъ, добытыхъ при помощи этой охоты (рис. 27); вслѣдствіе ихъ сношеній съ китайцами появились у нихъ древнія китайскія фарфоровыя вазы, служащія у нихъ при этомъ знакомъ высшаго богатства. Въ другихъ частяхъ Ин-

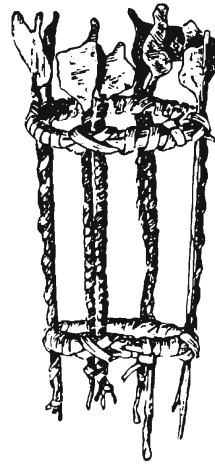

Рис. 24. Желѣзные деньги изъ Лаонго, Западная Африка.

¹⁾ Leo Frobenius, „Völkerkunde in Characterbildern“. Hannover, 1902.

донеціи и въ юго-восточной Азіи, вмѣсто денегъ, собираютъ старыя бронзовыя литавры, на сѣверѣ Индонезіи цѣлыя горы череповъ животныхъ, а въ Бруней, на сѣверѣ Борнео высшимъ показателемъ богатства считается коллекція тяжелыхъ старыхъ пушекъ.

Если бы всѣ формы денегъ расположить на одномъ листѣ въ порядкѣ ихъ происхожденія и распространенія по земному шару, то мы получили бы во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно поучительную картину. Прежде всего распространеніе знаковъ цѣнности вообще: въ то время, какъ Меланезія и Микронезія, сѣверо-западная часть Сѣверной Америки и большіе районы Африки дѣйствительно находятся въ чрезвычайно примитивныхъ условіяхъ денежнаго хозяйства,

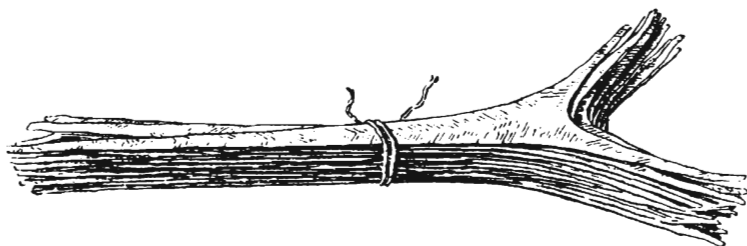

Рис. 25. Желѣзные деньги изъ верхняго Убанга, государство Конго.

Австралія, многія части Южной Америки, Сѣверная Азія и нѣкоторыя другія области земного шара совершенно лишены его; здѣсь первобытные жители не вышли еще изъ стадіи простаго обмѣннаго хозяйства или въ лучшемъ случаѣ дошли лишь до начатковъ внутреннихъ денегъ.

Затѣмъ въ отношеніи различныхъ формъ денегъ другъ къ другу: даже и въ наиболѣе выдающихся областяхъ число одновременно курсирующихъ сортовъ денегъ чрезвычайно ограничено. При этомъ почти всегда развивается особый родъ оцѣнки постольку, поскольку разнообразныя формы денегъ входятъ въ болѣе или менѣе тѣсное соотношеніе другъ съ другомъ; различаютъ крупныя и мелкія деньги, при чемъ первыя въ видѣ скота, рабовъ, оружія, золотого песка, фарфоровыхъ сосудовъ, каменныхъ колецъ, слоновой кости и т. под. употребляются для болѣе значительныхъ покупокъ, напр., для уплаты калыма за невѣсту,—мелкія же деньги служатъ для оплаты повседневныхъ расходовъ.

Наконецъ, упомянемъ и объ интересномъ явлении, именно, что деньги часто служатъ для представительства: стараются добыть ихъ, чтобы слыть богачомъ. Сюда относятся всѣ перечисленныя формы показныхъ денегъ: фэ, черепа животныхъ, пушки; но всей вѣроятности и римское понятіе rescutia происходитъ еще изъ тѣхъ временъ, когда всѣ стада

скота древнихъ римлянъ служили скорѣе признакомъ богатства, чѣмъ объектомъ, который приносилъ пользу. Изобрѣтеніе денегъ имѣло громадное значеніе для развитія человеческой культуры. Попробуемъ только представить себѣ человечество безъ возможности получить

Рис. 26. Деньги-мечъ изъ западнаго бассейна Конго.

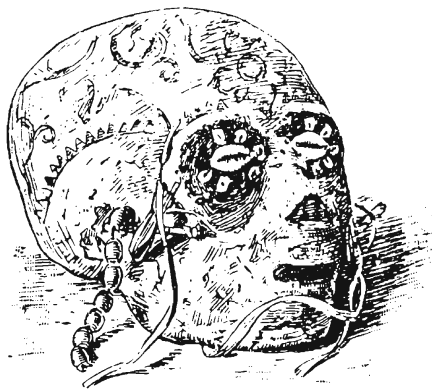

Рис. 27. Деньги даяковъ въ видѣ черепа (на Борнео).

взаимѣн одного объекта другой—это намъ не удастся безъ того, чтобы не столкнуть все человечество на одну общую ступень культуры, можетъ быть, культуры бушмена, и не отказаться одновременно съ этимъ отъ всякой возможности дальнѣйшаго прогресса. Въ противоположность этому „презрѣнный металл.“ даетъ возможность одновременно сотнямъ и тысячамъ племенъ и народовъ обмѣнивать по желанію и безъ всякаго затрудненія ихъ матеріальныя богатства. Пасколько это развиваетъ продуктивность народовъ и подни-

маетъ раздѣленіе труда, и насколько вообще деньги становятся при этомъ побудителемъ всякаго движенія впередъ, мы лучше всего можемъ видѣть на самихъ себѣ.

IX. Способы сообщенія и транспорта.

Въ Берлинѣ высоко надъ узкой Потсдамской площадью паритъ по воздуху дирижабль „Швабія“: его узкое тѣло скользитъ недалеко отъ надутаго шара аэростата; тутъ же носятся цѣлыя стаи аэроплановъ Граде и Этриха, Райта и Блеріо и многіе другіе, покрывая своей трескотней звукъ мотора дирижабля Ценцелина. Всѣ эти цари воздуха не имѣютъ особенной склонности, а также и достаточной надобности взглянуть внизъ на землю.

По и здѣсь внизу можно увидѣть и услышать много интереснаго. Тутъ желѣзная дорога, приводимая въ движеніе тяжелымъ паромъ, этотъ уже „древній“, почти столѣтній способъ сообщенія, скрывается за высокимъ фасадомъ Потсдамскаго вокзала; тутъ гордость Берлина—надземная и подземная желѣзная дорога,—ее только едва слышно изъ нѣдръ земли. Но какая пестрая масса движется вообще по землѣ! Автомобили различныхъ формъ и размѣровъ, трамваи, направляющіеся одновременно во всѣ стороны, экипажи и телѣги, запряженные лошадьми и людьми въ необозримомъ количествѣ и разнообразіи, между ними верховые, велосипедисты и конькобѣжцы, носильщики съ тяжелымъ и легкимъ грузомъ, юноши съ лыжами, спѣшащіе на поѣздъ; затѣмъ тѣсные ряды пѣшеходовъ и, наконецъ, въ довершеніе всего, рабочіи на трамвайномъ столбѣ, повидимому привыкшіи поднимать и опускать свое тѣло въ такомъ вертикальномъ направленіи.

Этотъ взглядъ на одно изъ выдающихся мѣстъ нашей современной культурной жизни, Берлинъ — дастъ какъ бы вертикальный разрѣзъ черезъ исторію развитія нашихъ способовъ сообщенія по землѣ и воздуху. Подобный же взглядъ на кипучую жизнь одного изъ нашихъ міровыхъ портовъ рисуетъ намъ несомнѣнно еще болѣе притягательную картину: однако, вертикальный разрѣзъ здѣсь не затрагиваетъ уже самихъ основъ всего судоходства—однодеревки, плота и надутаго мѣха, которые встрѣчаются теперь только лишь въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ нашей родины и въ опредѣленныхъ областяхъ другихъ странъ; исторія развитія здѣсь

начинается только съ высшихъ формъ, — именно съ дощатыхъ судовъ.

Въ дѣйствительности, каждая корзина, которую мы носимъ съ собой, и всякая обувь являются уже средствомъ для транспорта и сообщенія, если бы даже они и отличались первобытной формой и не требовали особенной техники для изготовленія. Человѣкъ на всѣхъ ступеняхъ развитія нуждается въ искусственныхъ вспомогательныхъ средствахъ, — будь то необходимость пройти большое разстояніе въ короткий срокъ или необходимость передвиженія большихъ тяжестей съ одного мѣста на другое; въ обоихъ случаяхъ его естественныхъ данныхъ недостаточно. Однимъ средствомъ для разрѣшенія обоихъ затрудненій послужилъ цѣлый рядъ изобрѣтенныхъ человѣкомъ орудій, при помощи которыхъ онъ могъ значительно увеличить свою силу; другимъ средствомъ оказываются постороннія силы, сила животныхъ или силы природы, которыя человѣкъ сумѣлъ примѣнить съ большою пользою для себя и теперь еще постоянно пользуется ими. Еще ни на какомъ поприщѣ своей многосторонней и многослойной культуры человѣкъ не работалъ такъ упорно и цѣлко, но зато и такъ успѣшно, какъ въ борьбѣ за покореніе мертвой природы и въ борьбѣ за завоеваніе пространства. Въ первомъ случаѣ началомъ послужили разнообразныя лямки и веревки, корзины и мѣшки, имѣющіяся у всѣхъ народовъ; въ послѣднемъ случаѣ — первый попавшійся кусокъ шкуры, защищающій голую ногу первобытнаго человѣка отъ шипа и камня и придающій ему этимъ большую силу сопротивленія и большую выносливость. Конечной стадіей развитія въ этомъ направленіи теперь является, съ одной стороны — миніатюрный, но быстроходный велосипедъ, съ другой — покоренныя человѣкомъ силы пара, газа и электричества, которыя послушно двигаютъ наши поѣзда и пароходы, наши автомобили и аэропланы.

Очень остроумно и, сказать по правдѣ, даже поразительно доказала, что обувь наша является способомъ передвиженія — работа американскаго этнолога Отиса Туфтона Мэсона „Primitive travel and transportation“¹⁾; эту работу мы можемъ съ спокойной совѣстью считать исходной точкой изученія всего вопроса о господствѣ человѣка надъ простран-

¹⁾ O. T. Mason, Primitive travel and transportation. Report of the U. S. National Museum for 1894. Washington. 1896.

ствомъ и тяжестью. Изъ первичной формы обуви, изъ болѣе или менѣе грубой сандаліи на Востокѣ вообще развилась туфля, а на востокѣ Азіи и въ Европѣ—башмакъ и сапогъ, при чемъ у насъ для этихъ цѣлей употребляется плотная кожа, а въ Китаѣ и Японіи—солома, войлокъ и шелкъ. Какимъ образомъ сандаліи и гамаша, не связанные сначала, превращаются въ концѣ концовъ въ одно органическое цѣлое, мы можемъ хорошо видѣть на японскомъ охотничьемъ сапогѣ изъ соломы, изображенномъ на рис. 28, гдѣ обѣ составныя части соединены другъ съ другомъ лишь при помощи веревки.

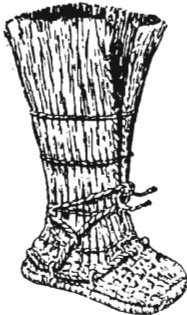

Рис. 28. Охотничій сапогъ изъ рисовой соломы, Японія.

Въ современномъ зимнемъ спортѣ чрезвычайной распространенностью пользуются наши лыжи. И онѣ дошли до насъ изъ глубокой древности, ибо задолго еще до того времени, когда онѣ стали служить для спорта, сѣверные народы пользовались ими, какъ серьезнымъ средствомъ передвиженія, хожденія по необозримымъ снѣжнымъ полямъ сѣвера Новаго и Стараго Свѣта. Описать положившія лыжи—значить повторять извѣстныя всѣмъ вещи; онѣ характерны для сѣверянъ Стараго Свѣта, начиная съ лапландцевъ на западѣ и кончая бассейномъ Амура на востокѣ. Другая изъ двухъ употребительныхъ формъ лыжъ гораздо менѣе рассчитана на быстрое катанье по блестящему снѣгу и служить скорѣе для увѣренной ходьбы по рыхлому, свѣжему снѣгу; этотъ родъ лыжъ имѣетъ форму простой рамы съ натянутой на ней сѣтью изъ ремешковъ, защищающихъ привязанную къ рамѣ ногу отъ провала въ снѣгъ (рис. 29). Только у индѣйцевъ Лабрадора эти лыжи имѣютъ форму простой овальной доски, подвизанной къ ступнѣ (рис. 30).

Также и коньки и цанки естественно оказываются изобрѣтеніями болѣе суроваго и холоднаго сѣвера. Изящные, стройные, никкелированные коньки являются уже продуктомъ новаго времени, но въ нашихъ археологическихъ коллекціяхъ мы находимъ цѣлую массу доказательствъ существованія этого спорта; раньше ихъ прикрѣпляли къ ногамъ древнихъ и даже доисторическихъ конькобѣжцевъ. Это обыкновенно плотныя трубчатые кости рогатаго скота или лошади, которыя укрѣплялись на ногѣ ремнями или веревками, или же шли

въ дѣло безъ всякаго прикрѣпленія. Въ послѣднемъ случаѣ приходилось, конечно, откалывать сочленованную головку кости; тогда нога достаточно крѣпко стоитъ на импровизированномъ конькѣ, по крайней мѣрѣ, при прямолинейномъ скольженіи по льду, какъ это намъ показываетъ живой примѣръ конькобѣжцевъ въ цѣломъ рядѣ венгерскихъ комитатовъ, гдѣ еще и теперь катаются на костяныхъ конькахъ. Для описанія граціознаго круга эти костяные коньки негодны даже и на ногахъ искуснаго конькобѣжца, такъ какъ, при широкой поверхности кости, совершенно невозможно оттолкнуться обращенной наружу ногой; послѣднее весьма существенно при современномъ способѣ катанья на конькахъ. По этой причинѣ при доисторическомъ спортѣ употреблялись въ дѣло еще особыя палки съ острыми желѣзными наконечниками, именно, одну устанавливали между ногъ, или же брали двѣ, по одной съ каждой стороны. Три венгерскихъ мальчика, изображенныхъ на табл. III, хорошо иллюстрируютъ этотъ методъ, какъ и третій способъ, именно катанье съ парусомъ при особенно благоприятной погодѣ. Хотя здѣсь дѣло идетъ и не такъ правильно, какъ при гонкахъ буэровъ на Мюггельскомъ озерѣ близъ Берлина, однако, эти доисторическіе мальчуганы все же получаютъ большое удовольствіе.

Въ доисторическомъ отдѣленіи лейпцигскаго музея народовѣдѣнія имѣется цѣлая масса такихъ костяныхъ коньковъ изъ сѣверной части Богеміи, которые относятся къ первому тысячелѣтію нашего счисленія; на другихъ юношество древняго Мерзебурга каталось на Заалѣ и по ея старицамъ. Въ почвѣ Берлина и Шпандау также находили доисторическіе коньки. У насъ эти костяные коньки уже совершенно исчезли въ виду чрезвычайной дешевизны стальныхъ коньковъ; однако, полвѣка тому назадъ они были еще въ большомъ ходу.

Костяные коньки, какъ уже сказано, не рѣдко встрѣчаются въ нашихъ коллекціяхъ. Вирховъ, Фридель и Отто Германъ опубликовали всѣ формы, найденныя до 1902 года, изъ которыхъ одна относится даже къ древнему бронзовому

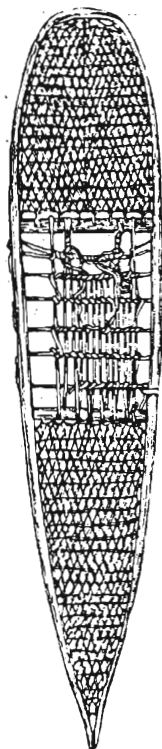

Рис. 29. Предѣйская лыжа-скороходъ.

*

періоду, т. е., къ первой половинѣ второго тысячелѣтія до Р. Х.

Скажемъ нѣсколько словъ и объ цапкахъ. Принципъ устройства подобныхъ коньковъ заключается въ зубахъ и остріяхъ, служащихъ для предупрежденія скольженія и прикрѣпленія къ подошвѣ, при чемъ они почти всегда состоятъ изъ мамонтовой кости. Они распространены по всей сѣверной Азіи до области айновъ и Японіи и по сѣверо-западу Сѣверной Америки.

Способъ перенесенія тяжестей самымъ человѣкомъ видо-

измѣняется въ зависимости отъ ноши и характера страны. Мы, европейцы, сосредоточиваемъ всю тяжесть ноши на нашихъ рукахъ, плечахъ или спинѣ безъ примѣненія особенныхъ вспомогательныхъ средствъ, кромѣ простыхъ канатовъ, ремней или веревокъ, которые соединяютъ съ нашимъ тѣломъ корзины, плетенки, сумки, ранцы или рюкзаки. Палку для перенесенія тяжестей употребляютъ еще рыбаки при переноскѣ своихъ кадокъ

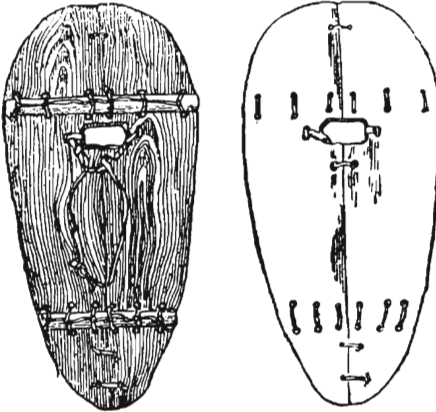

Рис. 30. Деревянные лыжи индѣйца изъ Лабрадора.

и винодѣлы въ своемъ виноградникѣ; подушка же для перенесенія тяжестей на головѣ встрѣчается еще въ сѣверной Германіи на исчезающихъ кирпичныхъ заводахъ съ ручнымъ производствомъ кирпича, гдѣ подростки мальчики и дѣвочки переносятъ только что заготовленные кирпичи въ сушилки.

Палка для перенесенія тяжестей распространена въ двухъ большихъ центрахъ; первымъ центромъ является часть восточной экваторіальной Африки, гдѣ ни одинъ носильщикъ въ караванѣ не подниметъ ноши на голову или на плечи безъ палки, привязанной къ ящику или къ тюку и помогающей ему одновременно удержатъ тяжелый грузъ. Затѣмъ Восточная Азія съ Китаемъ, Кореей и Японіей являются вторымъ центромъ, гдѣ безъ такой палки кули считалъ бы себя несчастнымъ человѣкомъ. И здѣсь палка располагается

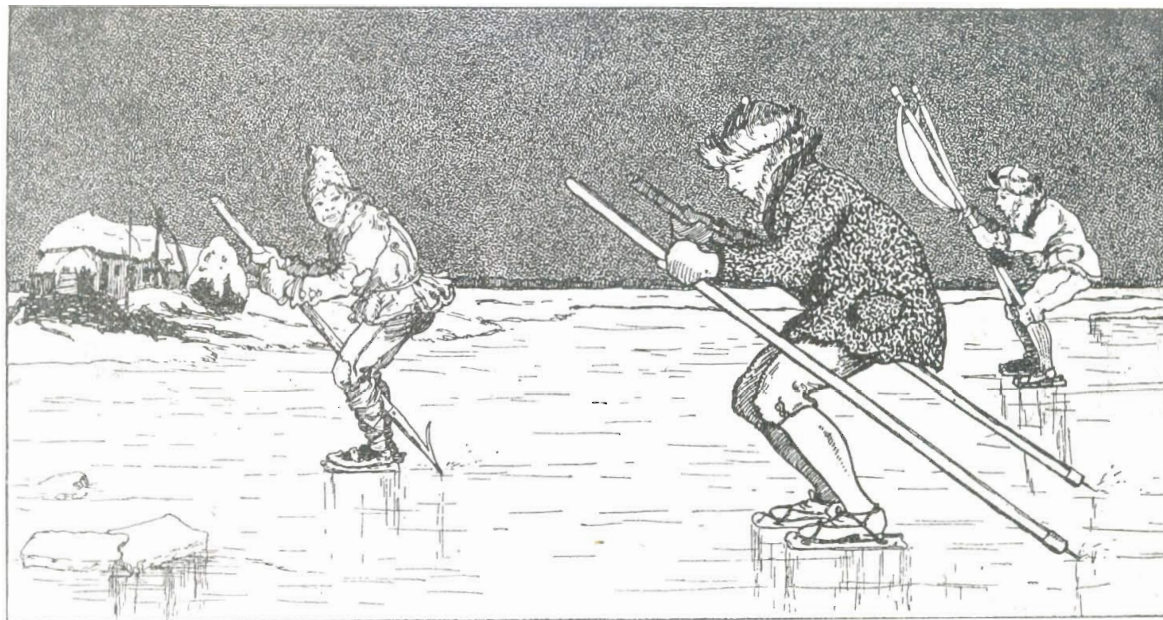

Табл. III. „Донсторицескія“ зимнія удовольствія въ Венгріи.

по направленію идущаго, въ противоположность коромыслу, которое употребляется нашими молочницами и носится въ поперечномъ направленіи. Изъ продольной палки для перенесенія тяжестей развились всѣ носилки, переносныя кресла и паланкины, прошедшіе черезъ всю исторію человѣчества и находящіеся еще въ полномъ расцвѣтѣ на востокѣ Азіи, тогда какъ у насъ они совершенно исчезли, за исключеніемъ единственнаго пережитка изъ эпохи Возрожденія и рококо, именно паланкина, употребляющагося на дрезденскихъ придворныхъ празднествахъ. Рис. 31 изображаетъ этотъ пережитокъ идиллическихъ временъ, анахронизмъ среди вѣчнаго стремленія къ быстротѣ и погонѣ въ наше время.

Употребленіе животной силы для транспорта поражаетъ насъ своимъ ограниченнымъ распространеніемъ; вся экваторіальная Африка и значительная часть Азіи, особенно Японія и южный Китай, затѣмъ Австралія и вся Океанія не знаютъ этого способа переноски; и въ Америкѣ до Колумба только лама на плоскогорьяхъ Перу и Боливіи служила въ качествѣ вьючнаго животнаго, да еще собака, перевозившая сани эскимосовъ; въ Америкѣ сѣверный олень никогда не былъ упряжнымъ животнымъ, а лишь дичью, тогда какъ у индѣйцевъ прерій къ нему съ сѣверныхъ сторонъ привязывали длинныя жерди, волочившіяся по землѣ и служившія повозкой для имущества при кочеваніи съ одного мѣста на другое.

Въ остальныхъ частяхъ земного шара, гдѣ человѣкъ пользуется силой животныхъ, употребляютъ одновременно много животныхъ для перевозки тяжестей, для упряжи и для верховой ѣзды; въ общемъ же преобладаетъ все-таки только одна форма упряжного животнаго. Такъ, на сѣверѣ Стараго Свѣта на ряду съ собакой встрѣчается сѣверный олень, безъ котораго едва ли было бы возможно существованіе лапландцевъ, самоѣдовъ, тунгусовъ и чукчей. Въ области пустынь и степей Западной Азіи и Сѣверной Африки употребляется одно- и двугорбый верблюды, на югѣ Африки—верховой быкъ, въ Тибетѣ—якъ, въ высокихъ долинахъ Инда и Брахмапутры—индійская коза и овца въ качествѣ вьючнаго животнаго; въ Индіи и Индокитаѣ, на Суматрѣ и Борнео ѣздятъ и работаютъ на слонахъ и рогатомъ скотѣ. Въ обширной полосѣ степей Средней Азіи и Европы мы находимъ, наконецъ, преимущественно лошадь для верховой ѣзды и для перевозки тяжестей. Даже и въ эпоху машинъ и моторовъ лошадь не перестала играть громадную роль въ жизни человѣка.

Значительный шагъ впередъ въ смыслѣ возможности и способовъ перевозки грузовъ былъ сдѣланъ съ момента соединенія животной силы съ экипажемъ, именно—съ телѣгой и съ саними. Первичную форму саней представлялъ простой сукъ дерева, на которомъ наши предки волочили за собой убитую добычу къ своему жилью; вопросъ объ изобрѣтеніи экипажа былъ уже разобранъ нами выше. Въ Олонецкой гу-

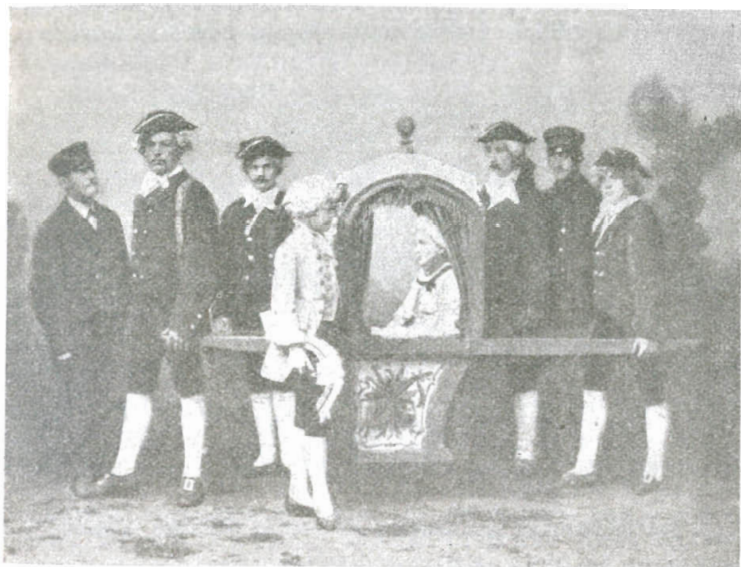

Рис. 31. Паланкинъ на дрезденскихъ придворныхъ празднествахъ.

бернїи крестьяне еще и теперь перевозятъ черезъ болотистыя мѣстности тяжелый грузъ на подобныхъ волокушахъ (рис. 32), а нѣмецкіе крестьяне все еще тащатъ съ пашни плугъ на простой деревянной развилкѣ.

Сани являются характернымъ экипажемъ для сѣвера и для всѣхъ странъ, имѣющихъ продолжительный снѣжный покровъ, слѣдовательно—для русской равнины, Сибири и сѣверной части Сѣверной Америки; въ Германіи они служатъ теперь почти исключительно для удовольствія. Двумя изолированными „санными“ провинціями, отодвинутыми далеко на югъ, являются островъ Мадейра, гдѣ на саниахъ ѣздятъ по глад-

кимъ и крутымъ дорогамъ, и Гавайскіе острова, гдѣ канаки проложили такими санями настоящія горныя дороги.

Вслѣдствіе простого принципа скольженія форма саней подвержена лишь незначительнымъ измѣненіямъ. Наиболее простой изъ нихъ является форма канадскаго тобоггана, который состоитъ изъ одной только доски, загнутой высоко на переднемъ концѣ (рис. 33). Пулка лапландца аналогична той же формѣ, отличаясь лишь въ томъ, что здѣсь благодаря присоединенію боковыхъ досокъ возникла форма лодки съ тупой кормой. Всѣ остальные формы саней имѣютъ пару

Рис. 32. Экипажъ для переправы по болотамъ Олонецкой губерніи.

полозьевъ, какъ наши горныя салазки, при чемъ и верхняя часть ихъ въ общемъ сходна съ послѣдними.

Всѣ остальные способы передвиженія не играютъ роли въ жизни первобытныхъ народовъ: колесный экипажъ — потому что онъ требуетъ настоящихъ дорогъ, а не простыхъ тропинокъ; моторы — потому что еще ни одно племя дикарей не дошло до такой высокой техники. Тамъ, гдѣ первобытные народы сталкивались съ интересами бѣлыхъ и имѣли возможность пойти далѣе по пути развитія способовъ сообщенія, тамъ они или оставили эту возможность совершенно неиспользованной, какъ въ Австраліи и Африкѣ, или же прямо отказались отъ телѣгъ и телѣжекъ и перешли къ верховой лошади, превратившись такимъ образомъ въ веселыхъ наѣздовиковъ, какъ, напр., индѣйцы Сѣверной и Южной Америки.

Переходя къ воднымъ способамъ сообщенія, намъ стоитъ бросить одинъ взглядъ на первобытныя формы мостовъ. При видѣ мостовъ, этихъ искусныхъ произведеній изъ области нашей техники, пересѣкающихъ широкія рѣки и цѣлыя морскіе заливы, мы легко забываемъ, какъ трудно было начало въ этомъ направленіи, а также и дальнѣйшее развитіе этой техники для первобытнаго человѣка съ его слабыми и несовершенными орудіями. И дѣйствительно, первобытный человѣкъ либо совершенно не касался этого вопроса, либо довольствовался нѣкоторымъ усовершенствованіемъ тѣхъ основъ, которыя были даны ему самой природой.

Самымъ простымъ мостомъ являются стволы деревьевъ,

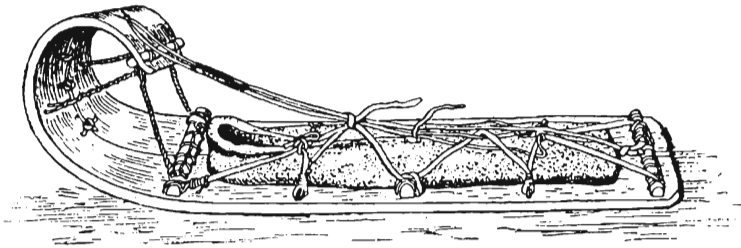

Рис. 33. Тобогганъ.

упавшихъ черезъ рѣку, и ліаны, достигающія съ одного берега на другой. Технической несообразности негра слѣдуетъ приписать то, что онъ не пошелъ далѣе уничтоженія на стволѣ вѣтвей, препятствующихъ переходу, тогда какъ по отношенію ко второму роду мостовъ, по крайней мѣрѣ, на западѣ Африки былъ сдѣланъ значительный шагъ впередъ: тамъ черезъ одну ліану протягивали наискось двѣ другихъ и затѣмъ сплетали всѣ три ліаны болѣе тонкими ліанами такъ, что получался полый ходъ (рис. 34). Конечно, такой качающійся мостикъ не могъ выдержать значительной тяжести, и онъ не долговѣченъ, да и подъемъ къ его концамъ чрезвычайно затруднителенъ.

Только въ двухъ мѣстахъ достигли болѣе совершенныхъ формъ: малаецъ умѣетъ изготовлять, благодаря остроумному соединенію бамбуковыхъ стволовъ, такія конструкции, которыя безъ всякаго скрѣпленія металлическими гвоздями пересѣкаютъ довольно широкія водныя пространства; а на другомъ концѣ земного шара, въ плоскогорьяхъ

Перу, Эквадора и Колумбии, крутизна глубоко врезанных рѣчныхъ долинъ еще задолго до завоеванія тѣхъ странъ принудила туземцевъ соединить эти ущелья пѣшеходными мостами; рис. 35 и таблица IV даютъ нѣкоторое представленіе, по крайней мѣрѣ, о двухъ типахъ этихъ многочисленныхъ формъ мостовъ. Эти „тарабиты“ всегда дѣла-

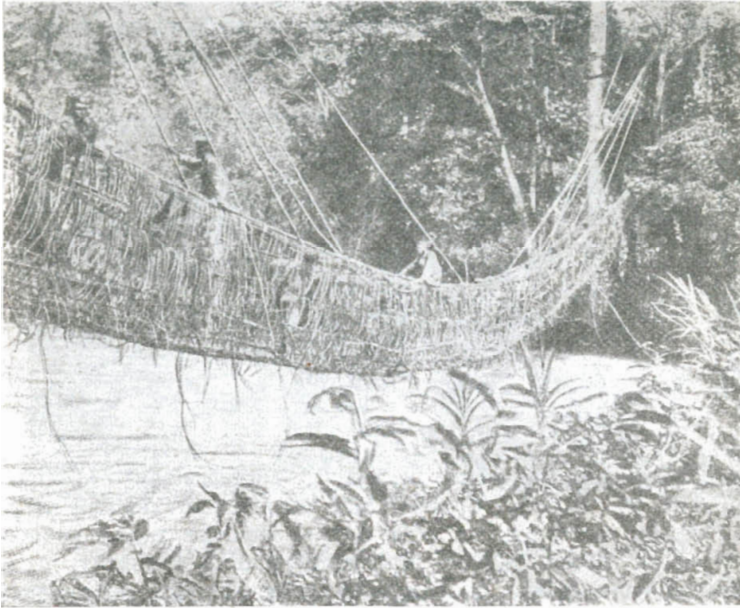

Рис. 34. Ліановый мостъ въ Камерунѣ.

ють изъ простой веревки или каната, сплетеннаго изъ крѣпкихъ кожаныхъ ремней и плотно или слабо натянутаго, независимо отъ того, предназначены ли мосты для переправы человѣка или животнаго. Одинъ типъ въ принципѣ выполнѣ похожъ на мостъ изъ ліанъ, отличаясь лишь тѣмъ, что здѣсь вмѣсто одной ліаны протягиваютъ два каната, покрывая ихъ соломой или листьями такимъ образомъ, что изъ этого простого сооруженія возникаетъ настоящій пѣшеходный мостикъ. Двѣ ліаны, протянутыя на опредѣленномъ разстояніи, служатъ перилами. Вторымъ видомъ тарабиты

является мостикъ для переправы человѣка, изображенный на рис. 35; здѣсь человѣкъ переправляется черезъ пропасть чрезвычайно своеобразнымъ, почти смѣшнымъ для насъ

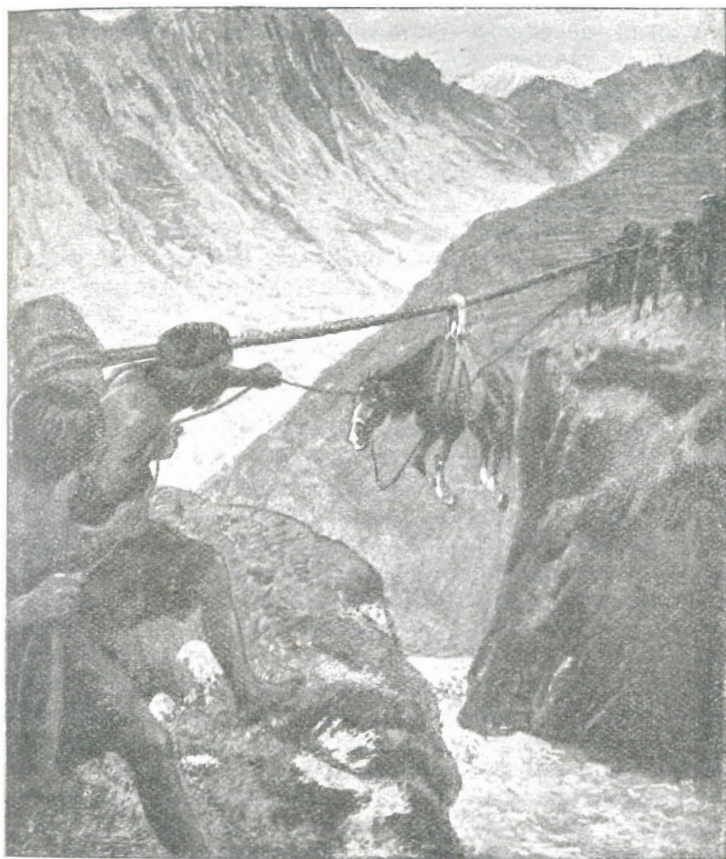

Табл. IV. Переправа животного черезъ пропасть помощью „тарабиты“.

способомъ. Такая же тарабита, служащая для переправы животныхъ и изображенная на таблицѣ IV, вполне аналогична только что упомянутому мостику для человѣка, отличаясь лишь тѣмъ, что здѣсь мѣсто начала переправы

расположено выше конечного пункта, а вьючное животное, укрѣпленное на канатѣ, точно въ стремени, попадаетъ на другой берегъ почти безъ всякой посторонней помощи. Обратный путь можетъ быть совершенъ, конечно, только по другому канату—мосту съ противоположнымъ уклономъ. Эта воздушная переправа доставляетъ нѣкоторымъ лошадямъ настоящее удовольствіе, и онѣ прямо рвутся къ такому воздушному путешествію; менѣе понятливыя изъ нихъ и боязливыя, наоборотъ, упираются и ведутъ себя беспокойно. Почти комфортабельной, наконецъ, является особая переправа для человѣка, когда по канату скользятъ цѣлая корзина въ видѣ гамака.

Способы сообщенія по водѣ гораздо менѣе разнообразны, чѣмъ способы передвиженія по землѣ. Въ первомъ случаѣ человѣкъ, за исключеніемъ плавательныхъ движеній, употребляетъ только одинъ способъ передвиженія, при помощи котораго онъ перемѣщаетъ себя самого и свою ношу съ одного мѣста на другое; для подобнаго передвиженія служатъ или простые тѣла, которыя благодаря своему удѣльному вѣсу не только сами плаваютъ, но могутъ переносить еще и тяжесть груза, положеннаго на нихъ,—или же тѣла, выдолбленныя изъ какого-нибудь матеріала, даже съ большимъ удѣльнымъ вѣсомъ. Первая группа обнимаетъ всѣ формы плотовъ, вторая лодки. Ни одна изъ нихъ не универсальна, и то та, то другая отсутствуетъ у народовъ, живущихъ въ степяхъ и пустыняхъ и, что особенно удивительно, также и у прибрежныхъ жителей, какъ, напр., у большинства австралійцевъ. Первичной формой плота послужило вырванное съ корнемъ дерево, плывущее внизъ по теченію. Какой-нибудь несчастный звѣрекъ, бояливо прижавшійся къ нему, можетъ быть, указалъ человѣку путь къ утилизаціи дерева, какъ способа переправы по водѣ. Въ „Культурѣ безкультурныхъ народовъ“ мы уже видѣли, какъ отдѣльные жители Новой Гвиней еще и теперь пользуются простыми плыями даже и въ наиболѣе опасныхъ прибрежныхъ волнахъ. Соединеніемъ нѣсколькихъ деревьевъ или балокъ въ одно цѣлое былъ созданъ настоящій плотъ, при чемъ первоначальное изобрѣтеніе его, можно сказать, какъ доказываетъ намъ примѣръ Робинзона, направляется самъ собой. Плотъ распространень чрезвычайно широко. Наиболѣе легкимъ изъ всѣхъ формъ плота является, по всей вѣроятности, плотъ съ верхняго теченія Пила, приготовленный изъ сердцевины дерева *Perminiera elaphroxylon* и поднима-

ущій трехъ человѣкъ, тогда какъ одинъ человѣкъ можетъ унести на своихъ плечахъ три такихъ плота. Затѣмъ извѣстны и такъ наз. катамараны съ Коромандельскаго берега въ Индостанѣ, составленные изъ многихъ, неравныхъ по длинѣ стволонъ, соединенныхъ другъ съ другомъ при помощи кокосовыхъ веревокъ; плоты эти снабжены парусами изъ цыновокъ и могутъ плыть даже въ самый сильный прибой. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Новой Гвиней употребляются почти такіе же плоты, только безъ парусовъ, отличающіеся нѣсколько приподнятой площадкой.

Наиболѣе обширной областью распространенія плотовъ было раньше, да и теперь еще является отчасти западное побережье Америки между Калифорніей и Огненной Землей. На югѣ господствуетъ преимущественно т. н. бальза, приспособленіе, аналогичное описанному катамарану, но отличающееся нѣсколько большимъ размѣромъ и имѣющее до 26 метр. въ длину и 8 метр. въ ширину; съ помощью его, по словамъ Рихарда Андрэ ¹⁾, индѣйцы могли плавать подъ парусами даже при сильномъ вѣтрѣ. На озерѣ Титикака бальзы эти связываются изъ пучковъ тростника и поэтому не могутъ ни потонуть, ни опрокинуться. Далѣе плоты встрѣчаются еще на рѣкахъ и въ заливахъ Восточной Бразиліи въ видѣ такъ наз. янгада, затѣмъ на рѣкахъ Суринама въ видѣ кокороко у мароновъ (или лѣсныхъ негровъ), на островахъ Чатамъ у Новой Зеландіи въ видѣ чрезвычайно примитивной лодки изъ ситника у племени моріори, (отдѣлившейся вѣтви племени маори) и, наконецъ, на самой Новой Зеландіи. Плоты маори, приготовленные изъ ситника длиною въ 20 метровъ составляли уже переходъ къ настоящей лодкѣ, такъ какъ при всей своей неуклюжести обладали правильной формой лодки.

Дальнѣйшую переходную группу между плотомъ и долбленной лодкой составляютъ своеобразныя приспособленія, основой которыхъ служатъ надутые мѣшки изъ звѣриныхъ кожъ. Они распространены въ юго-запад. Азіи, особенно же въ Индостанѣ и Месопотаміи, гдѣ извѣстны подъ именемъ „келлегъ“ или „киллаакъ“ и употреблялись уже съ

¹⁾ R. Andree, „Geographie des Welthandels“. Bd. I, 2 Aufl. Stuttgart, 1887. Въ этой работѣ Андрэ перечисляетъ чрезвычайно большое количество различныхъ формъ лодокъ съ ихъ полнымъ описаніемъ; поэтому мы можемъ рекомендовать этотъ трудъ каждому интересующемуся даннымъ вопросомъ.

древнихъ времяѣ. И въ Нубіи имѣется подобная лодка подъ именемъ „рамуса“. Рис. 36 даетъ намъ нѣкоторое представление объ одномъ изъ келлеговъ на рѣкѣ Евфратѣ въ древней Вавилоніи; надутые мѣшки соединены посредствомъ вѣтокъ, поверхъ ихъ лежатъ доски, а на нихъ уже расположены товары.

Выдолбленная лодка, характерная для самой идеи лодки, можетъ изготовляться изъ одного цѣлаго куска или же

Рис. 35. Тарабитъ (канатный мостъ) въ Кордильерахъ Южной Америки.

изъ соединенія отдѣльныхъ плоскихъ досокъ. Первая форма, уже описанная нами однодеревка, была принята въ древней Европѣ и сейчасъ въ употребленіи въ современной Африкѣ; форма эта еще и теперь встрѣчается на нашихъ отдаленныхъ водныхъ бассейнахъ. Въ Африкѣ только одни ваганды сѣверо-западнаго побережья Викторіи-Ніансы дошли до дощатой лодки, и то, вѣроятно, лишь подъ вліяніемъ арабовъ. За исключеніемъ этого одного племени, въ Африкѣ повсюду господствуютъ преимущественно форма однодеревки; на Замбези и Конго она имѣетъ довольно значительные размѣры, у побережья южнаго Камеруна, а также у извѣстныхъ кру и вей въ Либеріи размѣры ея настолько малы, что

гребецъ не можетъ сидѣть внутри челнока и долженъ спустить ноги въ воду, сидя верхомъ на лодкѣ. Однако, несмотря на это, какъ разъ эти миниатюрныя лодки чрезвычайно удобны для плаванія во время прибоя у тамошнихъ опасныхъ береговъ.

И въ Сѣверной Америкѣ однодеревки не рѣдки; ихъ наилучшія формы мы можемъ встрѣтить у западныхъ американцевъ, любителей рѣзбы и раскраски. Дальнѣйшаго развитія этой формы въ настоящую дощатую лодку въ Америкѣ

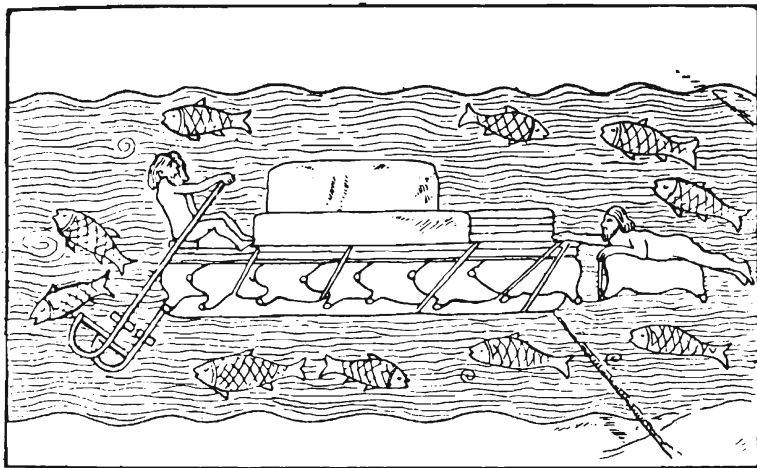

Рис. 36. Древне-вавилонскій келлегъ.

не наблюдалось. Развитіе однодеревки малайцевъ пошло по своеобразному пути, и ея первоначальная форма превратилась въ такъ наз. лодку съ аутригеромъ, причемъ соединяя двѣ лодки при помощи поперечной балки въ двойную лодку, позже замѣнили одну изъ нихъ простой балкой. Обѣ мѣры должны препятствовать или затруднять опрокидываніе лодки. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ къ лодкѣ придѣлывали подобныя балки даже съ обѣихъ сторонъ. Двойная лодка, господствовавшая во времена Джемса Кука (1768—79) во всей Океаніи, уступила теперь свое мѣсто лодкѣ съ аутригеромъ, а въ Индонезіи тяжелой проѣ, составленной изъ крѣпкихъ досокъ.

Таковыми же древними и первобытными, какъ и выжжен-

ный или вырубленный из цѣлаго дерева ботикъ, оказываются и кожаныя лодки и лодки изъ коры; обѣ формы въ нѣкоторыхъ случаяхъ изготовляются также изъ одного цѣлаго куска, но чаще встрѣчаются все-таки экземпляры, составленные изъ отдѣльных частей. Примѣромъ кожаной лодки перваго типа служатъ такъ наз. буллы, при помощи которыхъ древніе индѣйцы долины Миссиссиппи плавали по „матери всѣхъ рѣкъ“ и по ея притокамъ; это были просто грубо сплетенные остовы въ видѣ корзины, обтянутые кожей буйвола. Ко второй группѣ этихъ лодокъ принадлежатъ всѣмъ извѣстныя приспособленія эскимосовъ, каякъ, или лодка мужчинъ, и уміакъ, или лодка женщинъ.

Среди лодокъ изъ коры наиболѣе примитивны и жалки лодки австралійцевъ; послѣдніе едва отваживаются переплывать на нихъ до ближайшаго прибрежнаго острова; сюда же относятся также лодки тасманійцевъ и жителей Огненной Земли. Болѣе усовершенствованы въ техническомъ отношеніи лодки многихъ индѣйцевъ, живущихъ дальше къ сѣверу, напр., индѣйцевъ, живущихъ въ лѣсахъ Бразиліи. Высшаго изящества и совершенства, наконецъ, достигли лодки изъ коры, находящіяся въ употребленіи у индѣйцевъ Британской Колумбіи и сѣвера Соединенныхъ Штатовъ. Такая лодка выдержать всякій толчокъ и оказывается при этомъ настолько легкой, что гребцы могутъ перенести ее безъ всякаго труда изъ одной рѣчной системы на другую. Благодаря этому и бѣлые колонисты перешли къ употребленію подобной лодки.

Еще одно краткое указаніе мы должны сдѣлать относительно способовъ гребли первобытныхъ народовъ. Ни одинъ изъ нихъ не употребляетъ нашего загребного весла, мѣсто вращенія котораго лежитъ вблизи или у самаго борта лодки и органически соединено съ нимъ; всѣ они табанягъ, т. е., сидятъ или стоятъ, обративъ лицо въ сторону движенія, и опускаютъ большею частью короткое весло вертикально въ воду, а затѣмъ обѣими руками сильно отодвигаютъ его назадъ.

Паруса, наконецъ, были изобрѣтены первобытными народами только въ единичныхъ случаяхъ. Древніе венецы западнаго побережья Франціи управляли кожаными парусами; въ малайско-полинезійскомъ культурномъ циклѣ парусъ изготовлялся изъ грубаго плетения наподобіе рогами, которая часто прикрѣплялась у жителей Каролинскихъ острововъ, бѣдныхъ деревомъ, къ жалкому подобію мачты, составленной

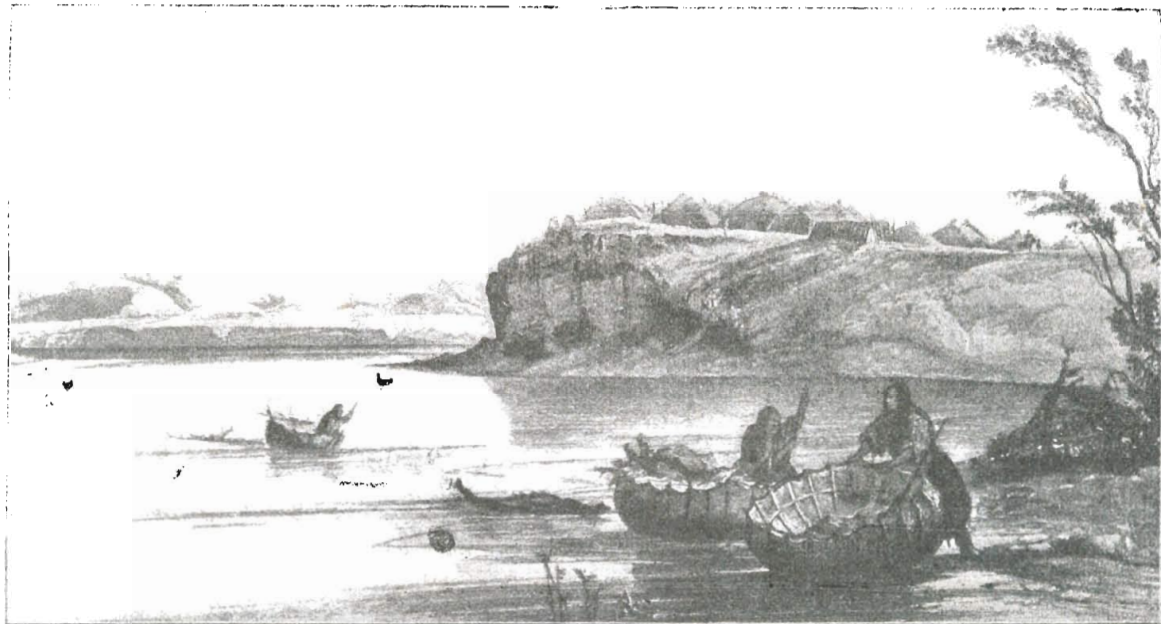

Таблица V. Буллы—кожаные лодки индейцев верхнего Миссисиппи.

изъ отдѣльныхъ кусочковъ дерева. Однако, изобрѣтеніе паруса послужило главной причиной той подвижности, которая помогла распространенію малайско-полинезійской расы на обширномъ пространствѣ, охватывающемъ болѣе половины земного шара, между Мадагаскаромъ на западѣ и островомъ св. Пасхи на востокѣ, и простирающемся отъ Гавайи на сѣверѣ до Новой Зеландіи на югѣ на разстояніи, большемъ всего протяженія Азіи съ сѣвера на югъ. Эта группа народовъ по своимъ мореплавательнымъ подвигамъ стоитъ поистинѣ на недостижимой высотѣ среди всѣхъ остальныхъ первобытныхъ народовъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА	Стр. 3
I. О сущности хозяйства и его культурно-историческомъ значеніи	5
<p>Народовѣдѣніе въ средніе вѣка и его состояніе. «Безротые» народы и основная ошибка этого ученія. Добываніе пищи, какъ основа человѣческаго хозяйства и какъ мѣрило культуры. Ступени Листа. Схема Э. Гроссе. А. Фиркандтъ и А. Оппель. Карлъ Бюхеръ.</p>	
II. Основы хозяйства	14
<p>Хозяйство, обусловленное природой. Какъ Фритіофъ Нансенъ началъ хозяйничать. Потерянный рай и изобрѣтеніе оружія и орудія. Хозяйство животныхъ и хозяйство человѣка. Преодолѣнная пропасть. Ступени хозяйства по Э. Фридриху, рефлексъ и инстинктъ, опытъ и наука.</p>	
III. О хозяйствѣ современныхъ бѣднѣйшихъ народовъ	23
<p>Карлики африканскаго первобытнаго лѣса. Что бы случилось тамъ съ нами. Борьба пигмеевъ за существованія. Бушменъ Южной Африки. Какъ это «несчастное дитя момента» ладитъ съ окружающей природой. Остальные представители хозяйства рефлекса, въ дѣйствительности—обладатели долгаго опыта.</p>	
IV. Архаическія черты хозяйства человѣка	38
<p>Индивидуальная забота о пропитаніи у дикарей и ихъ обосновываніе на опытѣ предковъ. Ихъ эгоизмъ и другіе неблагородные черты. Убійство дѣтей и его вліяніе на развитіе культуры. Покиданіе и умерщвленіе стариковъ. Предполагаемая беззаботность и истинное положеніе вещей. Арктическіе народы и негры и ихъ жизненныя заботы. Кто уничтожилъ дичь и опустошилъ лѣса? Предполагаемая лѣнность и дѣйствительный недостатокъ упорства у дикаря. Отсутствіе письма и его послѣдствія. Счастье бѣлаго и его заимствованная «культура». Сигары, какао, маисъ, табакъ и гамакъ. Обряды погребенія. плачь по умершемъ и суевѣрія, какъ препятствія культурнаго развитія.</p>	
V. Путь къ труду	48
<p>Индивидуальное отыскиваніе пищи и система необходимой работы. Почему дикарь такъ прилеженъ?</p>	

Несовершенство его орудій. Трудность его приемовъ. Развитие искусства и индивидуализмъ. Большія и малыя дѣти и ихъ забавы. Ритмъ и работа.

VI. Раздѣленіе труда

Поддержаніе вѣчнаго огня и изобрѣтенія женщины. Начало раздѣленія труда и его послѣдствія. Одиночныя обѣды и одиночныя жилища. Раздѣленіе на классы по возрасту и союзы мужчинъ. Работа по просьбѣ. Племенные, мѣстные и групповыя ремесла и замкнутое домашнее хозяйство, какъ основная черта хозяйства первобытныхъ народовъ. Настоящіе ремесленники.

VII. Формы хозяйства

Займствованное и продуктивное хозяйство. Легкость изобрѣтенія земледѣлія. Обработка земли мотыкой Э. Гана, ея сущность и распространеніе. Китайцы и ихъ садоводство. Центры садовой культуры въ остальныхъ частяхъ свѣта. Наше земледѣліе и его недостатки. Теорія происхожденія его по Э. Гану. Упряжной, тяжеловозный и плуговой быкъ. Священная луна и нѣдра земли. Скотоводство — продуктъ земледѣлія. Древній Китай и Западъ.

VIII. Способъ оцѣнки и деньги

Почему хозяйство безъ денегъ невозможно. Внутреннія и внѣшнія деньги. Деньги—украшенія, деньги—одежда, полезныя деньги и металлическія деньги. Каури. Вампумъ. *Dentalium edulis*. Диварра и остальные сорта денегъ-раковинъ. Свиныя деньги. Деньги-кольца и деньги-зубы. Зубы кабановъ. Деньги-бусы. Бусы-агри. Ауду съ острововъ Палау и деньги-жернова съ острова Япъ. Деньги-перья. Деньги—украшенія изъ металла. Талеръ Маріи-Терезіи. Мѣдный крестъ изъ Лунда и манилла изъ Бенина. Пищевыя и вкусовыя средства, какъ деньги. Деньги въ видѣ сыра, чая и соли. Металлическія деньги. Оболъ. Различныя желѣзные деньги Африки. Условныя деньги. Фарфоровыя вазы, черепа людей и животныхъ, какъ деньги. Культурно-историческое значеніе денегъ.

IX. Способы сообщенія и транспорта

Цеппелинъ и подземная желѣзная дорога. Башмаки и сапоги, какъ способъ передвиженія. Лыжи и скороходы. Катанье на конькахъ 4.000 лѣтъ тому назадъ. Цапки. Палка для переноски тяжестей и переносное кресло. Выючныя животныя и ихъ распространеніе. Сани и ихъ типы. Мостъ. Способы сообщенія по водѣ. Плоть и лодка. Катамаранъ и бальза. Плоть на мѣхахъ. Ботникъ. Кожаныя лодки и лодки изъ коры. Дошатая лодка. Гребля и парусъ.

библиотека Знанія

МОЛЕКУЛЫ, АТОМЫ, МИРОВОЙ ЭФИРЪ. Проф. Г. Ми. Перев. *В. И. Павлова*, преподав. физики и математики. Цѣна 75 к., съ перес. 90 к.

Миръ молекулъ и атомовъ—самый заманчивый отдѣлъ физики, но въ то же время самый недоступный для неспеціалистовъ. Между тѣмъ, какъ разъ въ этой области послѣдніе годы научныя воззрѣнія особенно измѣнились. «Подвергся,—говоритъ Хвольсонъ,—глубокой эволюціи взглядъ на химическій атомъ, и совершенно измѣнилась роль, приписываемая мировому эфиру». Густавъ Ми, выдающійся современный физикъ, даетъ намъ первую, вполне общедоступную книгу, стройно излагающую новое ученіе о свойствахъ молекулъ, атомовъ и мирового эфира.

ИСТОРИЯ КОЛОНИЙ. Проф. Д. Шефера. Перев. подъ ред. *Ф. С. Груздева*, чл. Импер. Геогр. Общ. Ц. 50 к., съ перес. 65 к.

Исторія колоній, составляющая въ Германіи особый предметъ университетскаго преподаванія, важна для насъ тѣмъ, что даетъ возможность понимать колониальную политику мировыхъ державъ и событія, происходящія на внѣевропейскихъ материкахъ. Эта книга проф. Шефера охватываетъ исторію колоній отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней.

ПОГОДА И ЕЯ ЗНАЧЕНИЕ ВЪ ПРАКТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ. Проф. К. Касснера.

Перев. подъ ред. и съ дополн. *В. В. Шипчинскаго*, физика Николаевскаго Главн. Физич. Обсерват. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Въ настоящее время, когда въ русскомъ обществѣ, особенно въ средѣ сельскихъ хозяевъ, метеорологіи ждутъ важныхъ практическихъ результатовъ, весьма остро ощущается потребность въ общедоступной книгѣ о погодѣ. Книга проф. Касснера прекрасно удовлетворяетъ этой потребности, знакомя не только съ сущностью явленій погоды, но и съ способами и мѣстами, гдѣ каждый можетъ получить свѣдѣнія о предстоящей погодѣ.

Уч. Ком. М-ства Нар. Просв. допущена въ библиотеч. ср. уч. завед. и въ чит. и библиотеки.

ВАВИЛОНЪ, ЕГО ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА. Проф. Гуго Винклера. Перев. *Г. Г. Генкеля*.

Цѣна 5 коп., съ пересылкой 90 коп.

Въ этой блестяще выходящей свѣтъ наукѣ видятъ въ духовной культурѣ Вавилона ядро культуры всей мировой культуры; по ихъ мнѣнію, Вавилонъ оказалъ влияние не только на Египетъ и Палестину, но даже на Китай и до-Колумбову Америку. Гуго Винклеръ изъ лучшихъ знатоковъ древняго Востока и ярый сторонникъ упомянутой культуры; онъ даетъ въ своей книгѣ исторію и полную картину вавилонской культуры, подробно рассматривая ея влияние на умственное развитіе человѣчества.

ЖИЗНЬ И ЖИЗНЬ. Біологич. очерки *Анри де-Вариньи*. Перев. *Ф. С. Груздева*. Цѣна 50 к., съ перес. 65 к.

Эта книга, принадлежащая перу одного изъ выдающихся французскихъ біологовъ, затрагиваетъ самые жгучіе вопросы науки о жизни. Откуда происходятъ жизнь на землѣ, существуетъ ли она на другихъ планетахъ, чѣмъ обусловлены жизнь—вотъ вопросы, о которыхъ трактуетъ книга. Она стремится къ общедоступности, удовлетворить естественной любознательности каждого, кто задумывается о «вопросахъ бытія».

АЛФАВИТНЫЙ СПРАВОЧНИКЪ. Алфавитный указатель географическихъ названій и справочныя таблицы.

Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 20 к.

Географическій справочникъ въ настоящее время долженъ быть настольною книгою всякаго образованнаго человѣка,—такъ часто приходится ему разбираться во множествѣ свѣдѣній, сообщаемыхъ прессою о жизни народовъ земли.

Книга заключаетъ въ себѣ алфавитный указатель географическихъ названій городовъ, рѣкъ, населенныхъ мѣстъ, народовъ и пр.) и всѣ цифровыя свѣдѣнія о населеніи, промышленности, военныя силы и т. п. различныхъ государствъ.

По требованіямъ обращ. въ Книгоиздательство П. П. Сойкина (С.-Петербургъ, Стремянная, 12, собств. д.).

